

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Чернецкий Федор Михайлович

**Полимасштабный подход к электоральному районированию
на примере Республики Корея**

Специальность 1.6.13 — Экономическая, социальная,
политическая и рекреационная география

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата географических наук

Научный руководитель

к. г. н., с. н. с. Акимова Варвара Владимировна

Москва — 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Теоретико-методологические подходы к изучению территориальных электоральных структур.....	9
1.1. Районный подход к изучению электоральных структур	10
1.1.1. Районирование в политической географии.....	12
1.1.2. Районирование в электоральной географии	14
1.1.3. Недостатки существующих подходов	34
1.1.4. Полимасштабность в районировании.....	37
1.2. Факторы территориальной дифференциации электорального пространства	41
1.2.1. Композиционные факторы	41
1.2.2. Контекстуальные факторы.....	47
1.2.3. Масштабные уровни влияния электоральных факторов	60
Глава 2. Методика исследования и районообразование в Республике Корея.....	62
2.1. Методика электорального районирования.....	62
2.1.1. Полимасштабная структура электорального пространства	62
2.1.2. Ограничения предложенной методики	79
2.1.3. Используемые данные.....	81
2.2. Этапы электорального районообразования	84
2.2.1. Дорайонная стадия	85
2.2.2. Стадия районообразования.....	90
2.2.3. Стадия закрепления районов	100
2.2.4. Стадия «эрозии» районов.....	108
Глава 3. Электоральное районирование Республики Корея	112
3.1. Современные электоральные районы.....	112
3.1.1. Электоральные районы	112
3.1.2. Электоральные подрайоны	126
3.1.3. Электоральные микрорайоны.....	134
3.2. Трансформация электоральных районов	147
3.2.1. Трансформация электоральных районов в 1987–2025 гг.	147
3.2.2. Факторы дальнейшей трансформации электоральных районов.....	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	163

Список литературы.....	169
Приложение А. Схемы районирования разных стран	195
Приложение Б. Базовые термины и понятия электоральной географии.....	200
Приложение В. Корейские имена и названия	204
Приложение Г. Южнокорейские политическая и партийная системы.....	207
Приложение Д. Опыт районирования Кореи	216
Приложение Е. Характерные различия между макро- и мезорайонами РК.....	217
Приложение Ж. Примеры дифференциации электорального пространства мезорайонов и районов РК	220
Приложение З. Полимасштабная схема электоральных районов РК	221
Приложение И. Характерные особенности некоторых под- и микрорайонов РК ..	233
Приложение К. Картосхемы результатов выборов в РК.....	234

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью разработки новых подходов к изучению территориальных электоральных структур в условиях их последовательного усложнения и повсеместного нарастания внутривнутриполитической поляризации, в т. ч. территориальной. Структурирование информации об электоральном пространстве с помощью районного подхода с учётом не только уникальных особенностей одной страны, но и универсальных закономерностей его функционирования и проявлений на разных уровнях расширяет возможности районирования как метода электоральных страноведческих и компаративистских исследований.

Степень разработанности темы исследования. Исследования пространственных закономерностей электоральных процессов в значительной степени концентрируются на заимствованных из смежных дисциплин политологических и социологических концепциях, что отчасти порождает расхождения между двумя подходами к анализу электоральной географии. Первый рассматривает пространство как пассивноеместилище исследуемых процессов, приоритизируя индивидуальные социально-экономические предикторы электоральных предпочтений. Согласно второму подходу, пространство или местный контекст воспринимается как активный и непосредственный фактор электоральных процессов. Сходная дихотомия между страноведческим и более количественным отраслевым подходами наблюдается и в практиках электорального районирования. В настоящем диссертационном исследовании представлена методика, опирающаяся на второй подход, но позволяющая сбалансировать асимметричный набор достоинств обоих.

В качестве полигона исследования выступает электоральное пространство Республики Корея (далее также РК). Для изучения данного объекта районный подход ранее не применялся, а географические работы, посвящённые этой стране, в России крайне редки. Электорально-географические исследования затрагивают преимущественно национальный уровень выборов и редко оперируют данными и территориальными сущностями более дробными, чем уровень основных регионов страны, тогда как сложность электорального пространства на среднем и локальном масштабных уровнях намного выше. Особое внимание в данной работе уделено локальным аномалиям — крайне редкому объекту изучения в электоральных исследованиях.

Объект исследования — электоральное пространство Республики Корея.

Предмет исследования — структурные особенности электорального пространства Республики Корея. **Временные рамки исследования:** 1948–2025 гг.

Цель работы — выявление полимасштабной структуры электорального пространства Республики Корея и определяющих её факторов. Данная цель определила решение следующих задач:

- выявить факторы территориальной дифференциации электорального пространства (электоральных процессов) на разных масштабных уровнях;
- разработать методику электорального районирования для систематизации территориальных проявлений электоральных процессов;
- определить основные стадии электорального районообразования в Республике Корея на верхних масштабных уровнях (регионов и провинций);
- выявить особенности организации электорального пространства на среднем (уездов и городов) и локальном уровнях;
- оценить перспективы трансформации электоральных районов разных уровней.

Научную новизну диссертационного исследования составляют:

- использование принципа полимасштабности в электорально-географическом исследовании в виде выделения трёх основных масштабных уровней влияния факторов, воздействующих на территориальную структуру электоральных предпочтений избирателей;
- электоральное районирование с выделением трёх основных и двух вспомогательных уровней: на верхнем содержание и конфигурацию районов определяют качественные особенности региональных политических культур, на среднем уровне — структура электората, на нижнем — локальные аномалии в структуре электората и условия местного контекста. Вспомогательные уровни возникают из-за особых сочетаний влияний разных факторов;
- определение четырёх стадий развития электорального пространства Республики Корея: дорайонной, районообразования и регионализации электоральных процессов, закрепления районов и снижения их выраженности;
- выявление особенностей дифференциации электорального пространства Республики Корея на разных масштабных уровнях.

Личный вклад автора заключается в определении основных масштабных уровней влияния факторов дифференции электорального пространства; разработке оригинального полимасштабного метода электорального районирования, применимого как для анализа электорального пространства одной страны, так и потенциально для сравнительных исследований; проведении первого в отечественной науке комплексного исследования электоральной географии Республики Корея и составлении полимасштабной сетки электоральных районов страны.

Теоретической и методологической базой исследования послужили труды географов, политологов, социологов и корееведов: К. Э. Аксёнова, В. А. Колосова, посвящённые политико-географическому и электоральному районированию; Л. В. Смирнягина, Б. Б. Родомана и В. Л. Каганского — общим вопросам районирования; В. О. Ки-младшего, А. Зигфрида и Дж. Тёрнера — основополагающим вопросам структурирования электорального пространства; Г. Алмонда, С. Вербы, Д. Элазара и А. Л. Белова — политическим и региональным политическим культурам; К. Кокса, Р. Джонстона, П. Тейлора, Дж. Эгнью и Р. Ф. Туровского — систематизации подходов электоральной географии и феномену контекстуальных электоральных эффектов; С. Липсета и С. Роккана — концепции партийно-политических размежеваний; А. С. Титкова и Н. В. Петрова — концепции электорального ландшафта; И. М. Маергойза и А. И. Трейвиша — концепции полимасштабности; С. Йеа и Пак Бэгуна — общественной географии Республики Корея; Ким Ука, Ли Донока, Ким Хёнгука, Сон Хочхоля, С. Брунна и Ким Ванбэ — южнокорейскому регионализму и другим аспектам электоральной географии страны.

Информационную базу исследования составляют: 1) статистические данные Национальной избирательной комиссии Республики Корея в разрезе избирательных участков (13,5–14,5 тыс. участков) и административных единиц III уровня (2,9–3,5 тыс. ед.) по результатам каждых выборов, а также данные социологических опросов; 2) социально-экономические данные Корейской службы статистической информации.

Теоретическая значимость исследования заключается в обобщении подходов к электорально-географическим исследованиям в целом и к электоральному районированию в частности с учётом наработок зарубежных научных школ, а также отечественного страноведения и советской районной школы. Результатом обобщения стала разработка схемы электорального районирования, полимасштабная структура которой обеспечивает ей гибкость, достаточную как для отдельного странового анализа, так и для сравнительных исследований. С помощью разработанной методики были упорядочены существующие наработки и первичные данные об электоральном пространстве Республики Корея. Результаты его структурирования помогают лучше понять характерные для политической системы РК процессы, а также дополняют политико-географическим материалом представление об интегральных районах страны.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения разработанной методики и полученной схемы районирования для прогностических моделей трансформации территориальных электоральных структур, составления и уточнения сеток избирательных округов стран мира. Полимасштабные влияния политических процессов сейчас почти не учитываются при определении формальных электоральных границ. Проблема поляризации электорального пространства становится всё более актуальной для растущего круга политических систем разных типов, что нередко усложняет электоральные территориальные структуры, для оптимизации которых подходит предлагаемый метод.

Апробация результатов исследования. Основные результаты работы отражены в 10 научных трудах, 7 из которых опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук, а также апробированы на 28 международных и всероссийских научных конференциях, в т. ч.: молодых учёных-корееведов и «Korea: One Peninsula, Multiple Dimensions», востоковедов и молодых учёных «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее», «Азия и Африка на перекрестке традиций, модернизации и глобализации», «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе», «Осмысляя Восток», «Актуальные проблемы исследования стран Азии и Африки», «Год выборов — 2024», «Готлибовские чтения», студенческих конференциях «Ломоносов», «Социальная политика в странах Запада и Не-Запада: специфика реализации», географических

конференциях Максаковские чтения, «МАРС–2025», «Пространственная организация общества: теория, методология, практика», чтениях памяти Б. М. Ишмуратова и И. Л. Савельевой, политико-географические чтениях имени О. В. Витковского, 28th World Congress of Political Science.

Структура диссертации состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы и приложений. Объём основного текста работы — 154 страницы, объём всей работы — 250 страниц, 68 рисунков и 10 приложений. Список источников включает 496 наименований, в т. ч. 117 — на русском, 35 — на корейском и 344 — на английском и прочих языках.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В географических исследованиях сложилось два подхода к районированию результатов выборов, отражающих базовое для дисциплины расхождение в трактовке географического фактора в электоральных процессах. Первый концентрируется на абстрактном математическом анализе результатов голосований почти без учёта определяющих их факторов. Во втором пространство рассматривается как активный фактор электоральных процессов, однако универсальность, воспроизводимость и методическая последовательность анализа в этом случае существенно ниже.

2. Методика полимасштабного электорального районирования основана на оценке влияния на электоральные процессы разных факторов на разных масштабных уровнях: социально-экономического и демографического состава электората с одной стороны; локализма, регионализма, соседства и прочих особенностей местной политической среды — с другой. Специфика политической культуры имеет бóльшую значимость на верхних уровнях, состав электората — на среднем, тогда как на локальном набор факторов гетерогенен.

3. Электоральное районообразование в Республике Корея на верхних масштабных уровнях (регионов и провинций) обусловлено действием политического регионализма и делится на четыре стадии: отсутствия районов; их формирования; закрепления; и последующей эрозии. Модернизационные изменения в обществе второй половины XX в. способствовали дивергенции качественных черт региональных политических культур северной и южной частей страны, и высокой межрегиональной количественной гетерогенности итогов выборов в последней.

4. На среднем масштабном уровне (уездов и городов) структура электоральных районов подчинена центр-периферийной дифференциации электорального пространства, где в роли центров выступают крупные города и места регионального элитогенеза. Бóльшая часть дисперсии электоральных показателей обусловлена пространственной сегрегацией трёх поколений электората и её динамикой.

5. На локальном уровне наиболее распространены электоральные микрорайоны кампусов университетов, специфичных жилых кварталов, военных и промышленных объектов. Их генезис — следствие преобладания «ядерного электората» разных политических сил; наличия объектов, провоцирующих концентрацию избирателей с атипичным электоральным поведением; действия эффектов «друзей и соседей» или границ районов верхних уровней.

Глава 1. Теоретико-методологические подходы к изучению территориальных электоральных структур

Электоральная география¹ — относительно молодая дисциплина в составе политической географии, выделяющаяся наглядностью исследуемых процессов, статистической обеспеченностью, динамичностью и «популярностью», в т. ч. за пределами научных кругов. Электоральная география в своё время привнесла часть теоретической структуры в политическую географию, в значительной степени её лишённую. Выборы — *«мощный фактор структурирования территории»* (информации о ней) [109, с. 12], однако электоральная география бедна собственной методической и теоретической базой, обращаясь за ними к прочим географическим дисциплинам, социологии и политологии [495, р. 235].

Следствием стало расхождение между несколькими подходами в понимании сути дисциплины, подборе методов исследований и интерпретации анализируемых процессов. Основа различий — приоритет определённой группы факторов дифференциации электорального пространства и разное понимание базовых понятий дисциплины. Те же различия присутствуют между подходами к политико-географическому и электоральному районированию.

Районирование — один из традиционных географических подходов к анализу пространственной неоднородности различных явлений. Районный подход имеет богатый опыт применения и к электоральным явлениям. Особую роль он играет в отечественной географии, для которой районирование было и остаётся своего рода *«визитной карточкой»* [113, с. 19]. Однако политическая география традиционно оставалась на периферии советской и российской общественной географии, поэтому и районирование в электоральных исследованиях встречается нечасто, хотя и воспринимается как *«венец [хорошего] исследования»* [19, с. 53].

¹ В настоящей работе данный термин используется тождественно термину «география выборов».

1.1. Районный подход к изучению электоральных структур

Понятие «район» — одно из ключевых в географической науке [91, с. 191]. Оно широко используется и за пределами географических дисциплин, поэтому различных его толкований множество. С одной стороны, район — *«территория, положение которой на этой поверхности имеет особенности, отличающие её от окружающих территорий по каким-либо признакам, чаще по совокупности показателей»* [65, с. 4]. В предельном случае речь идёт о *«проекции чего-либо [какого-либо явления] на поверхность»*. Это районы в широком смысле слова. С другой стороны, районирование как процесс получения районов — *«метод членения [дискретизации] территории на качественно своеобразные и внутренне связанные части»* [93, с. 5]. Целостность района обеспечивается внутренними связями, отражающими системную сущность данного явления. При таком понимании «район» почти тождественен «ландшафту» как части территории, целостность которой достигается за счёт эволюционного формирования причинно-следственных связей между его компонентами. Это районы в наиболее узком и строгом смысле [96, с. 200].

Районирование — одна из главных объединяющих тем для всех географических дисциплин [204, р. 1]. Однако практики районирования существенно различаются не только между дисциплинами, но и внутри них. С одной точки зрения, районы — объективные сущности, «открываемые» исследователем, как физически осязаемые объекты. Особенно «сакральное» значение им придавалось в отечественной географии, например, Н. Н. Баранским, метафорично представлявшим район как «магический кристалл», через который географ смотрит на территорию [91, с. 191].

При этом районы, например, экономические, занимавшие наивысшее положение в советской географии, конструируются самими людьми как *«наивыгоднейшая система территориальных сочетаний природных и общественно-экономических факторов развития хозяйства (с учётом перспективы), обеспечивающих наивысшую производительность труда во всей системе»* [56, с. 65]. Ключевая цель районирования — *«обеспечить территориальное планирование хозяйства»* и решение прочих управленческих задач [30, с. 56], поэтому районирование почти отождествляется с административно-территориальным делением [7, с. 120].

Согласной иной позиции, например, по Д. Л. Арманду, районирование — творческий акт *«внесения разумного порядка в пёструю картину среды... а учёный обязан отбирать нужные ему признаки, отбрасывать не имеющие отношения к делу, конструировать связи и границы между объектами... [что есть] более достойная задача, чем просто копировать, поднимать на карте имеющиеся в природе линии»* [12, с. 116]. Такая интерпретация была распространённой в западной географической науке, хотя и не всегда, и не во всех школах. Районы — продукт индивидуального мыслительного процесса исследователя, а не объекты, которые можно открыть посредством объективного, стандартизированного анализа. Его цель — *«придание порядка и простоты сложным моделям и процессам»*, а само районирование, по Дж. Харту, — *«инструмент организации информации [о территории] для наиболее эффективного представления, понимания и запоминания»* [204, р. 5, 20].

Кроме обозначенных вопросов для настоящей диссертации важны ещё несколько общих для всей теории районирования положений. Первое — об однородности районов: в предельном случае район представляет собой *«территорию существенной однородности»* [29, с. 129] — в каждой точке характеризуется одним и тем же признаком или их набором (однородный район). В другом случае район выявляется по внутренним связям (коннекционный), иногда централизованным (узловой) [85, с. 8]. Второе — вопрос о границах районов. Причём не только об их объективности, а о форме. Обычно границы районов обозначаются линиями, однако, особенно в случае коннекционных районов, границы представляют собой широкие полосы с градиентом основных признаков [114, с. 40]. Третье — вопрос о природе районизируемого объекта. С одной стороны, пространство континуально; с другой — информация о нём дискретна и обычно агрегирована в рамках неких территориальных ячеек. Отсюда расхождения в трактовках районирования как географической классификации и классическим подходом [46, с. 7].

Четвёртое — вопрос о лакунах, т. е. территориях, не обладающих районными признаками. Они могут не иметь ни заметных внутренних связей, ни внутренней гомогенности, не включаться в состав ни одного из соседних районов (вымоченные районы) [37, с. 10]. Пятое — районизируемость, т. е. возможность осмысленно районировать исследуемое пространство, ибо не любая континуальная среда может быть адекватно представлена посредством системы дискретных объектов [46, с. 7].

1.1.1. Районирование в политической географии

Почти любое комплексное общественное районирование содержит элементы политико-географического, однако эта составляющая редко превалирует над другими. При этом политическая и электоральная география — неотъемлемые части страноведческого описания [73, с. 13]. В политико-географическом исследовании *«очень большое, притом возрастающее значение имеет вторая — районная часть исследования, в которой особенно ярко должно проявиться профессиональное мастерство политико-географа»* [71, с. 44]. Электорально-географические особенности иногда выступают как факторы в отдельных частях интегральных районирований [94, с. 72]. Специфика поведения избирателей в пределах района может помочь операции его «распознавания» или определения границ. Однако зачастую речь идёт только о явлениях культуры, имеющих выражение в политике.

Политико-географическое (ПГ) районирование — широкая, однако не самая разработанная область — куда больше внимания привлекают другие направления: экономическое, социальное, экологическое, реже транспортное и рекреационное. Особенно это выражено в отечественных исследованиях, где экономическое районирование длительное время было почти безальтернативным и всепроникающим [113, с. 19]. Другая особенность отечественных практик районирования — подчинённость политико-географического районирования экономическому. Из-за длительного доминирования марксистского подхода политика воспринималась как производная от экономики, поэтому политико-географическое районирование бытовало даже не как тесно связанное с экономическим, а как его часть. Однако за политической географией признавалась меньшая объективность изучаемых процессов, что иногда приводило к характеристике политико-географических районов как более динамичных и субъективных [71, с. 44].

Наиболее «популярный» и институционально зафиксированный вид политико-географического районирования — административно-территориальное деление — членение территории на регионы, области, штаты и др. в основном для целей государственного управления, которое, впрочем, в СССР скорее относилось к экономическому [45, с. 85–86]. Другое направление тоже зачастую не воспринимается как политическое, так как пересекается со страноведением в целом, — вопросы формирования и динамики конфигурации государств и государственных образований.

Менее спорна принадлежность исследований границ (лимологии) и конфликтов (геоконфликтологии), однако первые всё-таки нередко воспринимаются как междисциплинарное направление и с фокусом на изучение в первую очередь государственных/политических границ [114, с. 37–38]. При этом границы могут быть объектом исследования любой географической и многих иных дисциплин, будучи неотъемлемой частью, например, теории районирования — они возникают при любом членении (разграничении) территории [46, с. 5–6]. Конфликты — речь в первую очередь о крупных межгосударственных и субнациональных — имеют политическую природу по определению, хотя подходов к их изучению, разумеется, множество. Определение конфликтогенных зон разных типов — часть ПГ районирования.

Электоральное районирование выглядит как наиболее «независимое» и безальтернативно политическое направление ПГ районирования. При этом сама электоральная география в значительной степени может восприниматься как производная от политологии и политической социологии, а не только от географической науки. По количеству исследований и прикладной значимости электоральная география вполне может считаться «ядром» политической географии [19, с. 42]. Электоральное районирование зачастую становится основой политико-географического, к которой для уточнения сути конкретных районов или их границ добавляются характеристики из смежных дисциплин.

Полноценное политико-географическое районирование, не имеющее столь сильной зависимости от одной из его составляющих, нередко впадает в другую крайность — неотделимость от интегрального районирования общества. Таковы в полной мере политико-географические и электоральные районирования, созданные классиками электоральной географии: Ф. Тёрнером, О. Либби, К. Зауэром, В. Ки, Дж. Райтом и А. Зигфридом². Их характеристики отдельных районов и принципы их выделения зачастую наполнены в первую очередь общегеографическим страноведческим материалом, а не только политико-географическим.

² Сетки некоторых упоминаемых в данной главе районирований приведены в Приложении А.

1.1.2. Районирование в электоральной географии

Районирование в электоральной географии можно разделить на два неравных направления. Первое — создание сеток избирательных округов в мажоритарных избирательных системах — практическая задача организации территории для проведения выборов и удовлетворения ряда требований, например, равного представительства [312, р. 9]. Именно к этому направлению относятся многочисленные исследования манипуляций границами, конфигурацией и размерами избирательных округов [78, с. 177; 415, р. 121]. Оно в значительной степени пересекается с *«территориально-выборным делением»* государств на административные ячейки [82, с. 144]. Это направление районирования можно назвать электорально-административным.

Второе направление — собственно районирование результатов выборов: *«пространственная дифференциация территории по какому-либо признаку, явлению или условию (по степени политической активности или уровню поддержки определенной партии или кандидата), степени его выраженности или сочетаемости с другими признаками»* [78, с. 13]. Именно о нём пойдёт речь в данном разделе.

Электоральная география почти не обладает собственными теоретической и терминологической базами, отдавая их «на откуп» социологии, политологии и другим географическим дисциплинам, что отчасти снижает её самостоятельность и комплексность [19, с. 9]. К одному из немногих специфичных методов дисциплины (но не на фоне иных географических) относится электоральное районирование. Его, как и в географии в целом, часто считают *«венцом исследования»* [19, с. 53], *«вершиной электорально-географического синтеза»* [38, с. 26], *«важным научно-практическим методом электорально-географических исследований»* [32, с. 29], *«важнейшим результатом электорально-географического исследования»* [2, с. 113; 38, с. 32; 107, с. 166] и *«важнейшей исследовательской операцией»* [107, с. 198]. Во многих электорально-географических работах проведение районирования ставится одной из основных целей [2, 11, 61, 64]. Однако понимание сущности электорального районирования у авторов заметно различается и не все результаты, представленные как районирования, можно считать за таковые.

Природные районы как политические

До середины XX в. районирование электорального пространства³ было редким явлением — электоральная география учитывалась в более широком контексте политических и культурных процессов. Например, в американской научной школе исторической географии, к которой принадлежали Ф. Тёрнер и его ученик О. Либби. Последний в 1894 г. опубликовал диссертацию, посвящённую географии голосований в США 1787–1788 гг. и содержащую подробный обзор электоральных расколов внутри каждого штата [314, р. 10–45]. В основном они сводились к уже выявленным по «статистическим атласам» [362, р. 169; 388, р. 213] закономерностям разделения на федералистские и антифедералистские районы по линии 50-ти километровой удалённости от атлантического побережья [402, р. 67] — объяснение пространственных политических различий социально-экономической дифференциацией территории, обусловленной её физико-географическими характеристиками [215, р. 50].

Ф. Тёрнер, в основном известный концептуализацией роли «фронта» в американской истории [425], уделял немало внимания и дроблению политического пространства на «секции» по мере расширения и усложнения государства. По Тёрнеру, их существование — маркер наличия территориальных сообществ, устойчивые во времени политические предпочтения которых сформированы экономическими особенностями контекста, имеющими чёткую связь с природными факторами (рельефом, почвами, геологией) [426, р. 591–595; 427, р. 669]. «Секции», например, лесные зоны и области прерий Индианы и Иллинойса, — де-факто политические районы, воспроизводящиеся на протяжении XIX и XX вв. [394, р. 250; 395, р. 117].

У другого классика американской исторической и культурной географии, тоже почти не ассоциируемого с электоральной географией, К. Зауэра стремление выявить устойчивые политические районы, однородность и внешнее своеобразие которых детерминированы природой, было ещё заметнее. С его точки зрения, географические районы обладают внутренней однородностью условий жизни населения из-за схожих условий среды; это порождает однородность специализации и интересов, что даёт однородность институтов и региональную солидарность; территориальная индивидуальность, объединяя прошлое и настоящее, придаёт району особый политической оттенок — *«кристаллизованное [политическое] мнение»* [386, р. 404–406].

³ Разбор некоторых базовых терминов электоральной географии содержится в Приложении Б.

Целью работы Зауэра было обоснование несправедливости сетки избирательных округов, не учитывающей «реальной ситуации» («джерримендеринг»⁴), и разработка «справедливой» системы. Итогом стало создание сетки однородных равноразмерных электоральных районов Миссури, Кентукки и Теннесси. Ещё одно важное наблюдение Зауэра заключалось в том, что *«большинство районов разделены не чётко очерченными границами, а переходными зонами различной ширины»* [386, р. 405].

Другой типичный пример характеристики электоральных районов — описание предикторов территориальных политических различий, приведённое в 1930 г. С. Хоббсом: *«политические вопросы в Северной Каролине всегда были вопросами востока и запада, или северных районов страны против низменностей, кристаллических сланцев и гранитов против неуплотненных глин, песков и гравия»* [218, р. 69].

Для «американской школы» впоследствии было характерно большее внимание к исторической географии как к фактору, обуславливающему своеобразие политических районов. Например, Дж. Райт, вслед за Тёрнером, указывал на историю заселения района как на фактор, определяющий его «политический портрет». Наиболее яркой была дихотомия между староосвоенными и приверженными традиционным политическим силам восточными частями страны и западными, где политические районы ещё «не утвердились» [450, р. 667–670]. Однако ещё длительное время характерной чертой оставался природный детерминизм, а соответствующие образы, например, метафора территориализованных политических групп как *«форм рельефа в политической геоморфологии»*, закрепились надолго [370, р. 299; 449, р. 194].

Природные различия между районами всегда дополнялись связкой с политикой через производимые физической средой различия в хозяйстве и культуре, проявляющиеся на выборах. Однако нередко эти связки подразумевались, но не проговаривались напрямую, что приводило к казусам чрезмерного упрощения. Пример — цепочки рассуждений *«отца электоральной географии»* [370, р. 297] А. Зигфрида, опубликовавшего в 1913 г. анализ выборов в Западной Франции [398]. Зигфрид апеллировал к Ф. Ратцелю как своему идейному учителю, однако стиль и логика его построений ближе к Видалю де ла Блашу, который в рецензии и указал на работу Зигфрида как на базовую для дисциплины: *«прекрасный пример того, какие услуги географический метод может оказать социологии и политологии»* [434, р. 261].

⁴ Практика манипуляции границами избирательных округов с целью получения преимущества на выборах.

Зигфрид выявил «*региональные политические темпераменты*»⁵ Западной Франции, скрупулёзно описав связи между природными факторами, хозяйством, социальной структурой сообществ и политикой. При этом этот очерк о регионе в большей степени страноведческий, чем электорально-географический. Однако им было проведено политико-географическое районирование, причём крайне дробное, в основе которого лежали дихотомии между более прогрессистскими (обычно республиканскими или бонапартистскими) и консервативными (роялистскими) районами [398, р. 85]. В большинстве случаев данная дихотомия — следствие природных и хозяйственных особенностей территории. Например, наиболее лаконичным её описанием будет следующий пассаж Зигфрида: «...*республиканская или бонапартистская равнина контрастирует с роялистским бокажем*» [398, р. 37].

Однако больше всего закрепились следующее упрощение идей книги — геологические структуры напрямую влияют на «*политические предпочтения территорий*» [146, р. 96]. Например, наблюдалась следующая закономерность: в районах, где в геологии преобладал гранит, жители в большей степени ориентировались на консерваторов-монархистов, вследствие большего влияния крупных землевладельцев и церкви в условиях разреженного расселения; а в районах преобладания известняка, в долинах рек, где выше плотность населения, развито мелкотоварное производство и конкуренция, избиратели отдавали предпочтение антиклерикальным, либеральным и левым политикам [398, р. 55]. Подобные закономерности позже стали называть «экологическим фактором» голосования [146, р. 101].

Важно, что рассуждения Зигфрида не сводились к простой формуле: «*гранит — за консерваторов, известняк — за либералов*». Его подход фокусировался на процессах распространения культуры и цивилизации, местной идентичности, привязанности к месту, представлениях, которые отдельные лица и группы создают о своем воспринимаемом пространстве («*жизненном пространстве*»), не забывая о реалиях небольших укоренившихся сообществ [146, р. 25]. Однако, даже несмотря на отсутствие прямого жёсткого детерминизма политических процессов непосредственно климатом, почвами, горами и реками, базовым постулатом было примерное соответствие границ политических районов природным.

⁵ Фр. «*tempéraments politiques régionaux*».

Политическая составляющая экономико-географических районов

Постепенно географический детерминизм переставал быть доминирующим объяснением дифференциации электорального пространства (и общества в целом), так как в систематизации знания о нём и в объяснении наблюдаемых процессов увеличивалась роль экономических факторов [369, р. 17]. Первый характерный пример — работа Э. Кребиля «*Географические влияния на британские выборы*» 1916 г. В ней были разделены «естественные условия» среды и «искусственные воздействия», созданные человеком [386, р. 432]. Последние были определены через связи между результатами выборов и статистикой занятости и доходов. Итогом стало выделение семи электоральных районов Англии, характеризующихся разными экономическими условиями, а значит, и электоральным поведением местных избирателей. При этом культурно-исторический фактор оставался столь же значимым, например, в Шотландии, Уэльсе и Ирландии [290, р. 421–429].

Другой пример — книга В. О. Ки-младшего, переоткрывшего электоральную географию в послевоенное время на материале американских выборов в южных штатах и анализа местных «политических машин» основных партий [265]. Однако в ней объяснения пространственных различий в поведении политических акторов экономическими условиями уже сочетались с анализом расовой и демографической структуры избирателей и культурных предикторов их электорального поведения, которые в некоторых случаях подавляли экономические факторы.

Работа Ки стала отправной точкой множества количественных исследований, направленных на оценку влияния на голосования разных пространственных факторов [381, р. 163]. Это способствовало началу перехода от первого (описательного) этапа развития электоральной географии ко второму (аналитическому) [369, р. 10]. Забвение довоенных наработок было также следствием упадка «школы Тёрнера» среди историков и перехода инициативы к социологам и политологам [146, р. 50].

И Э. Кребель, и А. Зигфрид, и К. Зауэр, и Ф. Тёрнер де-факто использовали один подход — сравнивали карты результатов выборов с физическими и социальными факторами, интерпретируя сходство территориальных структур как доказательство причинно-следственной связи. Разница лишь в том, что Кребель определил в качестве ключевого фактор занятости, а Зигфрид — хозяйственную структуру как отражение «цивилизационных различий», порождённых природой [184, р. 2].

Окончательным переход от физико-географических характеристик территории как базисных при формировании особенностей, определяющих конфигурацию электоральных районов, к социально-экономическим стал в послевоенное время с приходом в дисциплину математической революции [369, р. 17]. Однако количество районирований, выполненных до этого момента, была невелико, так как в первой половине XX в. объём материала для анализа был ещё невелик, а в ряде научных школ электоральная география ещё не получила значимого развития.

Например, отечественная практика электорального районирования полностью пропустила этот первый этап, так как полноценные исследования в данной области начались лишь в советский период, а более ранние и не специализированные русскоязычные работы по теме тоже принадлежали марксистам, абсолютизовавшим экономический базис. Такими, например, были работы В. И. Ленина, например, «*Новейшие данные о партиях в Германии*» [67, с. 339–342] и «*Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата*» [68, с. 1–24], посвящённые результатам выборов в Российской Империи, странах Западной Европы и США. Разумеется, в советский период было принято (обычно для проформы) искать географический анализ выборов в трудах всех классиков марксизма-ленинизма [2, 20, 55], однако в указанных статьях Ленина они, действительно, были, даже с порайонным обзором.

Первыми большими исследованиями, посвящёнными именно политической и «избирательной» географии, всё-таки стоит считать диссертации О. В. Витковского (Рейнско-Вестфальский район, 1954 г.) [28] и А. И. Мухина (Австрия, 1955 г.) [75], защищённые под руководством И. М. Маергойза. Они были выполнены в парадигме трактовки политического пространства как подчинённого «*присущему ему социально-экономическому комплексу*», где ударение делалось именно на экономическую составляющую [116, с. 120–121]; а основы политико-географического района — как «*социально-классового состава населения*» [71, с. 46].

Актуальность и важность политической географии в них определялись через экономику и промышленность. Например, Рейнско-Вестфальский район был выбран О. В. Витковским из-за его значимости для экономики ФРГ и силы местного пролетариата. Устанавливались особенности в производственных отношениях и выделялись экономические районы, в рамках которых потом рассматривались политико-географические различия. При таком ортодоксально-марксистском подходе

порайонные различия в расстановке политических сил — следствие различий в классовой структуре в сочетании с историческими и этнонациональными особенностями регионов, а политика — производная от экономики.

Например, в случае Австрии «политические лица» земель были определены с опорой на данные о социальном и национальном составе населения с учётом материалов о численности членства в политических партиях, влиянии партий и истории массовых движений [75, с. 240, 243]. Аналогично и определение внутрирайонной дифференциации Рейнско-Вестфальского района: Северный новопромышленный Рур имел ультракоммунистическую политическую ориентацию; Центральный старопромышленный Рур — социал-демократическую («оппортунистскую»); Южный Рур — правую («буржуазную»), т. е. христианско-демократическую с умеренной поддержкой левых; а сельский «Не-Рур» — контрреволюционную [28, с. 7–8]. В более поздних работах О. В. Витковского к экономическому фактору дифференциации электорального пространства добавился конфессиональный [27, с. 266].

Впоследствии в 1970–1980-х гг. понимание политико-географического региона/района существенно изменилось, однако и позже можно встретить электорально-географические исследования с подчинением политического экономическому. Например, диссертации А. П. Жидкина и А. А. Белова начала 2000-х гг., посвящённые электоральной географии России [19; 38]. Они не проводили собственного электорального районирования страны, ограничившись типологиями субъектов РФ по электоральному поведению избирателей и устойчивости их электоральных предпочтений. Интересен их подход использованием не стандартных сеток субъектов, избирательных округов и территориальных избирательных комиссий, а сетки экономических микрорайонов Лейзеровича [66] и её производных. Предполагалось, что они представляют собой более удобные (однородные) единицы анализа, для которого облегчалась интерпретация результатов выборов. Например, логичнее выстраивалась последовательность типов районов по изменению влияния той или иной политической силы. Этот подход роднила с подходами А. И. Мухина и О. В. Витковского последовательность проведения исследования, в котором сначала задавались экономические (мезо-)районы, а потом по ним вёлся анализ политических особенностей территории.

Электоральные районы как самостоятельные сущности

Ключевой этап развития представлений о политико-географических (ПГР) и электоральных районах — их обособление от других видов районирования при ослаблении детерминизма в объяснении характеристик, формирования и развития районов. Однако зачастую не происходило разделения политических и электоральных районов — районы, названные политическими, могли полностью определяться (наполнение и конфигурация) исключительно электоральными показателями, тогда как электоральные районы могли нести содержательную нагрузку в т. ч. в политических явлениях, не связанных напрямую с выборами. В данном разделе будем называть электоральными районами все, при составлении сетки которых за главный фактор были взяты электоральные процессы или результаты выборов.

В широкой трактовке район — *«сложная пространственная социально-экономическая система, характеризующаяся устойчивыми сочетаниями (типом соотношения) политических сил и обуславливающих его комплексом признаков»* [55, с. 11]. В более узкой — *«пространственная социально-политическая система, характеризующаяся однородностью поведения избирателей на выборах внутри составляющих её территориальных единиц и существенно отличающаяся от соседей»* [2, с. 118]. В любом случае ключевые признаки района — одинаковая реакция его частей на политические изменения, однотипность социально-экономической базы и этноконфессионального состава населения, историческая общность и соотношения политических сил вне зависимости от конъюнктуры. Ни природный, ни экономический факторы уже не определялись как ведущие [55, с. 20].

Характерный пример — электоральное районирование Франции, выполненное В. В. Лаврухиным. В его исследовании применялась уже ставшая классической схема политико-географического исследования, подразумевавшая характеристику: 1) истории и географии политических движений; 2) политических партий и избирательной системы; 3) социально-экономической географии; и лишь потом 4) электоральной географии [61, с. 14]. В основе районирования всё так же оставалась сильная связь между результатами выборов и экономической географией (например, зависимость результатов выборов от размещения крупных промышленных предприятий), хотя больше внимания уделялось социальным факторам. Структура населения напрямую связывалась с территориальным распределением влияния партийно-

политических сил [61, с. 13]. Особое внимание уделялось религиозному фактору. Однако это районирование в основном учитывало (количественно) политическую ориентацию и внутреннее сходство районов. «Качественная» политическая самобытность выделена лишь для географически изолированной Корсики [61, с. 133].

Другой пример — электоральное районирование США по К. Э. Аксёнову. Электоральный район был чётко отделён от политико-географического и определён как результат частного районирования, тогда как ПГР — интегрального. Сам электоральный район не существует в единственном варианте: многоуровневость выборов порождает полисемичность схем районирования одной и той же территории по, казалось бы, одному и тому же принципу. При этом электоральный район не равен сумме полученных на каждом из уровней. Он выделяется по ключевым («узловым») характеристикам. Однако данное районирование США всё же представляло собой результат в основном количественного анализа (по отклонению голосования в регионе от общенациональной схемы и корреляциям динамики рядов голосований).

Были уточнены и некоторые другие политико-географические понятия. Например, по В. С. Ягья, политико-географическое пространство — *«наложение политико-географических процессов на физическое пространство»* [117, с. 74], тогда как, по К. Э. Аксёнову, это *«не пространство физических тел, в котором осуществляется политическая деятельность, а сама эта деятельность»* [2, с. 12]. Одна из задач исследования формулировалась как *«показать роль политико-географических мест как основы формирования устойчивых “вертикальных” социальных общностей, выступающих в качестве особых факторов давления при формировании политической системы»* [2, с. 18]. Следовательно место может восприниматься уже не как контейнер для наблюдаемых процессов, а как фактор этих процессов. Возможно, такой подход — отчасти влияние общественного районирования США и подхода к этому районированию, предложенного Л. В. Смирнягиным, согласно которому *«территориальная дифференциация есть не только условие протекания политических процессов, но и причина, обуславливающая их возникновение, особенности и сущность»* [90, с. 13]. К тому же в своём электоральном районировании США К. Э. Аксёнов делал отсылки к районированию Л. В. Смирнягина, сравнивая полученные сетки районов.

К другим подобным сходствам можно отнести использование «плавающих признаков» — на Юге доля «третьих» кандидатов, разница в голосовании между партиями и доля победителя неплохо подчёркивают границы Аппалачей и Озарков, а уровень абсентеизма — границы «Чёрного пояса» и Флориды; описание сути «безграничного районирования»: *«приграничные районы не являются “полномочными представителями” своих районов»* [2, с. 129]; выделение иерархии районов. Характерно, что в определении районирования как процесса *«выявления, упорядочения, классификации и интерпретации пространственных сходств и различий»* [2, с. 113] использовалось именно слово «выявление», тогда как, например, А. И. Мухин говорил о «выделении» районов [75, с. 241].

Электоральный район стал восприниматься как сложное и комплексное явление, сформированное влиянием не одного доминирующего фактора, а территориально гетерогенным сочетанием факторов разного генезиса, субъективным и изменчивым во времени. Районы не утратили своей уникальности в страноведческой схеме описания территории, однако в гораздо большей степени стали насыщены политическим и конкретно электоральным сочетанием, получаясь в результате анализа и массивов количественных результатах выборов, и региональных контекстов. Гибкость районирования обеспечивалась не только подбором адекватных способов разграничения конкретных пар районов (плавающий признак), но закономерным учётом не только результирующих электоральные процессы показателей поддержки разных политических сил, но и порой более важных факторов, определяющих именно такие результаты.

Региональные политические культуры

Другой подход к анализу внутристрановой политической географии — концепция региональных политических культур — производная от концепции «политических культур», разработанной Г. Алмондом и С. Вербой. Если политическая культура обычно определяется как *«всеобъемлющие, структурированные, передаваемые из поколения в поколение, устойчивые и относительно стабильные глубоко укоренившиеся, общепринятые убеждения, ценности и отношение к политике..., похожие больше на климат, чем на погоду, обусловленную временными политическими событиями»* [445, р. 21], то региональная политическая культура (РПК) — *«специфическая политическая субкультура, отражающая региональные особенности в способе восприятия политической деятельности, способе её оценки и, как следствие, способе действия»* [20, с. 139]. РПК выделяются по степени вовлеченности в них избирателей и сообществ, устойчивости/динамичности и степени протестности, дополняя национальную, но в ряде случаев стремясь её заменить [109, с. 7].

Классический пример — выделенные Р. Симеоном и Д. Элкинсом четыре типа политических культур канадских избирателей, различающиеся в первую очередь уровнем доверия политической системе и отдельным её институтам [400, р. 398]. На существование неких культурных различий между провинциями Канады указывали отклонения политических взглядов местных избирателей от моделей, обусловленных демографическими характеристиками.

Симеон и Элкинс, а также их последователи называли политические культуры разных провинций *«небольшими [политическими] мирами»*, *«местными культурными сценами»*, в пределах которых существуют непохожие на обобщённый общестрановой стили восприятия политики, формирующие особую *«местную [политическую] атмосферу»* [326, р. 481; 331, р. 242]. Эти провинциальные субкультуры отражают различия не только и не столько в политической ориентации местных избирателей (за кого голосуют), сколько в политической практике в целом: больший или меньшей энтузиазм (политическое участие), стратегии голосования, степень участия в финансировании избирательных кампаний и в самих этих кампаниях, приемлемость смены политической ориентации и др. [213, р. 596].

Одним из ключевых вопросов, ставившихся исследователями РПК, был вопрос о соотношении границ провинций, штатов и прочих зафиксированных

институционально территориальных образований с границами политических/электоральных районов [213, р. 601–602]. С одной стороны, региональные политические культуры скорее формируются политическими образованиями вроде штатов, особенно в федерациях. В пределах таких территориальных отдельностей формируется отличная от национальной институциональная среда, некоторые политические процессы, в т. ч. электоральные, замкнуты именно на этот уровень, а также именно такие регионы в первую очередь закреплены в сознании политических акторов. С другой стороны, региональные субкультуры часто не совпадают с границами штатов и других формальных территорий из-за отсутствия чёткой привязки их носителей к определённой территории [315, р. 110; 326, р. 489]

Пример — предложенное Д. Элазаром обобщение политическо-географического разнообразия США посредством выделения трёх политических культур. Для индивидуалистской культуры (например, субкультуры фронта и американцев немецкого происхождения) политика и правительство действуют рационально, как рынок, тогда как в моралистской культуре (Севера, мормонов, англо- и франкоамериканцев) ответственность правительства заключается в построении справедливого (в разных интерпретациях) общества. Традиционалистская (Юга, афро- и латиноамериканцев) точка зрения занимает промежуточное положение и склонна отстаивать элитарный или почтительный подход к политике. Генезис этих РПК — история заселения территории, в ходе которой образовались «очаги однородности» сообществ, которые, будучи закрепленными в институтах, гомогенизировали и политические взгляды [176, р. 105–107]. В некоторой степени политическая составляющая есть и в классическом культурном районировании США по У. Зелинскому [456].

Гетерогенность электорального пространства страны, с точки зрения РПК, можно рассматривать как накопленные различия между территориями, появившимися вследствие накопления институциональных различий как формальных, так и неформальных, и неравномерности социально-экономического развития в сочетании с региональными особенностями структуры населения. Феномен РПК тесно связан с понятием политического регионализма, например, в случае Канады трактуемого как выражение в политике обострившихся региональных экономических проблем и следствие «*ступенчатого освоения обширных пространств*» [20, с. 32]. Причём это не просто провинциализм, местничество или сепаратизм, а различия

в групповых интересах жителей в совокупности с социально-психологическим элементом осознания принадлежности к определенной территориальной общности. В федеративных государствах ареалы РПК принято отождествлять с политическими территориальными образованиями, а в прочих случаях, например, в Европе, — с историческими областями и этноконфессиональными зонами [235, p. 129].

Действия политических акторов в рамках электорального процесса — неотъемлемая часть политической культуры, поэтому сложно отделить от неё «электоральную культуру», хотя Р. Ф. Туровским используется и термин «региональная электоральная культура» [106, с. 162]. В большинстве случаев РПК и их проявления анализируются посредством исследования избирательных кампаний и результатов выборов. И наоборот, при анализе региональной неоднородности электоральных показателей в случае невозможности их объяснения демографическими и социально-экономическими предикторами обычно обращаются к особенностям местной политической культуры, которой, разумеется, можно объяснить что угодно.

Например, в исследовании РПК Канады А. Л. Беловым они, несмотря на их сложность и комплексность, выделялись так же, как и политико-географические районы, — на основе результатов выборов: по степени отклонения результатов «на местах» от средних. Однако канадский политический регионализм добавил ещё один яркий маркер — разные структуры поддержки партий в разных провинциях. Если на национальном уровне в среднем, например, либералов больше поддерживают в городах, а консерваторов — в сельской местности, то на региональном уровне, например, в Ньюфаундленде наблюдается инверсия данного раскола. Выходцы из Восточной Европы и Скандинавии чаще голосуют за либералов, но в Атлантических и Степных провинциях скорее поддерживают консерваторов. Канадцы голландского происхождения имеют консервативную политическую ориентацию, которая меняется на противоположную в Британской Колумбии. В итоге формируются разные региональные партийно-политические спектры [20, с. 101].

РПК могут выделяться и по другим характеристикам — уровню политической активности избирателей или степени «административной управляемости электората», [81, с. 52]. Разное электоральное поведение территориальных общностей избирателей можно рассматривать как проявление РПК, причём даже более явное, чем привычно разные степени влияния партий в каких-либо провинциях. Например,

в России Д. Б. Орешкиным выделялись две группы РПК: универсальная «импортная» и уникальные местные региональные политические культуры ряда регионов страны. Для первой характерен «прагматизм», для второй — *«фрагменты “советской” политической культуры, отличающейся полным и загадочным в этой полноте единением власти и народа»* [80, с. 1–8]. Так и в первом исследовании отечественных выборов (народных депутатов СССР 1989 г.) страна делилась на *«западную, азиатскую и русскую субкультуры»* с опорой и на уровни поддержки кандидатов, и на черты поведения избирателей, различавшим ПГР: *«...стихийно электорально активный север европейской территории страны и Западной Сибири, Дальний Восток, организованно электорально активная Прибалтика...»* [25, с. 9, 125].

Региональные политические культуры в значении *«...особенностей в способе восприятия политической деятельности, способе её оценки и, как следствие, способе действия»* вполне близки к сущности политико-географических районов. РПК может выступать в качестве ядра политико-географического района, своего рода «регионального синдрома» (по В. Л. Каганскому и А. В. Новикову) — набора признаков, который в данном районе существенно отклоняется от среднего по стране [47, с. 114]. Например, Р. Ф. Туровский, указавший, что *«деление территории на региональные политические культуры — сложнейшая и самая важная задача электоральной географии»* [107, с. 193], зачастую употребляет РПК и ПГР почти как синонимы. РПК им иногда понимаются как синтетические районы, характеризующиеся неповторимым набором электоральных характеристик и факторов голосования. М. Н. Арбатская в своей диссертации использовала фразу *«...районирование по типам политической культуры»* и словосочетание *«политико-культурное районирование»* [11, с. 25]. В американской традиции деление страны на ряд РПК вслед за Ф. Тёрнером принято называть «секционизмом», описание которого нередко очень близко к определению ПГР [322, р. 101; 393, р. 7]. Возможно, деление страны на региональные политические культуры вследствие *«природно-географического (природные барьеры, островные группы) и демографического (крупные сферы влияния определенных центров, достаточно консолидированные узловые районы) факторов»* [109, с. 11] стоит рассматривать как операцию, максимально приближенную к политико-географическому районированию.

Электоральное районирование как типология или классификация

Развитие электоральной географии в последние три десятилетия можно рассматривать как почти исключительно экстенсивное: за счёт увеличения объёма анализируемого материала, совершенствования и расширения доступности количественных методов обработки и анализа данных. При этом наблюдается увеличение в основном разрозненных исследований отдельных стран с преобладанием количественного анализа и появление нескольких новых обобщений структуры и истории дисциплины [78; 250; 397; 416; 440; 447]. Анализ всё ещё концентрируется на особенностях электорального пространства отдельных стран [89, с. 127] и зачастую игнорирует региональные и местные выборы [169, р. 11]. Он в значительной степени сводится к количественному анализу статистики, из-за чего «золотым веком» дисциплины нередко видится период математической революции [361, р. 413], а базовые постулаты чрезмерно позитивистские, эмпирические⁶ с малой разработкой социальных теорий [244, р. 3; 440, р. 3]. Однако присутствуют и внешние влияния в виде роста числа исследований, сочетающих подходы и оптику новых, популярных или пришедших в дисциплину с задержкой социальных теорий (гендерных исследований, (пост)феноменологии, феминистской географии, критической теории и др.).

Вместе с тем снизилась значимость районной составляющей исследований. С одной стороны, возросло внимание к «политическим местам» и контекстам, с другой стороны, их препарирование стало более индивидуальным, не складывающееся в общестрановую картину. Другая причина — возрастающий интерес к динамике в противоположность статичности большинства уже существующих исследований, тогда как практика членения пространства на районы подразумевает обычно существование устойчивости наблюдаемых процессов [3, с. 16; 127, р. 284; 365, р. 535].

С приходом количественных методов в дисциплину исследования перешли от штучных описаний к масштабной работе с данными, что снизило роль географической составляющей. Страноведческие описания на базе анализа политических процессов и их взаимодействий со средой сменились счётным анализом данных. В текстах и, видимо, представлениях самих авторов существенно ослабла связь между этими данными и местами их атрибуции — возросла поляризация между

⁶ Англ. «...*unrepentant positivist or naive empirical outlook*», по Б. Варфу и Дж. Лейбу.

сторонниками географического детерминизма и нигилизма в географии выборов. Географичность многих исследований свелась к наличию в них картосхем [36].

На современном этапе развития дисциплины районирование остаётся распространённым методом электорально-географических исследований. Однако зачастую происходит подмена районирования типологией, классификацией или кластеризацией, при составлении которых пространственный фактор (почти) не учитывается. Типичные примеры — работа Дж. Сваугера, посвящённая электоральному районированию США по выборам 1976 г. [410], и статья Р. Уотрела и Э. Фуберг, посвящённая ещё более частному вопросу — электоральным районам Дакот [441].

Характерная черта подхода — крайняя приверженность количественным методам работы с данными — следствие математической революции, приводящее к выделению районов как зон устойчивых электоральных предпочтений [22, с. 42]. В первом случае вместо районирования использовалась кластеризация, учитывавшая три показателя: среднее значение электоральной поддержки кандидата, среднее отклонение и дисперсия показателя [410, р. 160]. Во втором случае территориальные единицы были подвержены факторному анализу для выделения периодов устойчивых электоральных рисунков и группировке в районы по сходству электоральных показателей. Разница между полученными районами — исключительно количественная, тогда как качественные свойства соответствующих политических культур появлялись лишь при объяснении некоторых полученных контуров [410, р. 166; 441, р. 189]. Это стандартный подход, доминирующий в электоральных исследованиях.

В отечественной электоральной географии с 1990-х гг. в большинстве случаев районирование лишь упоминалось как один из традиционных методов, а вместо него тоже проводились более простые операции. Например, классификация регионов по соотношению влияния политических партий за какой-либо период [11; 32; 86]; определение основных факторов территориальной электоральной дифференциации или структур [23; 40; 74]. Реже ставилась задача сравнения электоральных структур нескольких стран [42; 76; 87; 105; 110; 111].

В электоральном районировании произошла трансформация, уже случившаяся в экономическом. Ещё в 1968 г. В. П. Ковалевский отмечал: «*“район” утратил то содержание, которое в него вкладывали Н. Н. Баранский и Н. Н. Колосовский. Его употребляют столь часто и столь разнообразно, что теперь он ближе всего*

по значению к определению, данному в словаре С. И. Ожегова, — *“территория, обладающая определенным признаком”*» [52, с. 5]. В обоих случаях для такой перемены в понимании базового объекта дисциплины потребовалось примерно одно и то же время — смена одного поколения исследователей. В американской географии данный вопрос был поднят в начале 1980-х гг. Дж. Хартом: *«чрезмерный акцент на попытке разграничить районы, бесплодный “ритуал районирования” заставил некоторых географов забыть о том, что цель географии — понять районы, а не просто провести вокруг них линии... понимание важнее классификации»* [204, р. 9]. Однако в районировании в целом в последние годы наметилась другая тенденция — отождествление сетевых структур и площадных сущностей (районов)⁷ [53, с. 228].

Характерный пример русскоязычной работы, схожий в интерпретации понятия район с подходами Дж. Сваутера, Р. Уотрела и Э. Фуберг, — диссертация В. Б. Лебедева, предложившего схему политико-географического районирования Индии, представлявшую собой сумму частных, основанных на классификации результатов отдельных выборов по силе влияния основных групп политических партий [64]. ЭР в данном случае определялся как *«район стабильного и достаточно высокого влияния определенной партии либо группы идеологически близких политических партий»* [64, с. 191]. Местами электоральный район прямо назывался *«ареалом влияния партии»* [64, с. 4]. Сам В. Б. Лебедев отмечал отсутствие при таком подходе *«районообразующих ядер»* [64, с. 68].

Важный результат данной работы — введение термина *«центр политогенеза — ареал зарождения ярко выраженной региональной политической подсистемы, существующей в рамках общенациональной политической системы»* [64, с. 129], который можно было использовать для поиска районообразующих ядер. В работе также отмечалось, что выделенные ПГР находятся на разных стадиях формирования [64, с. 167]. Ранее данный аспект не рассматривался. Проблематизировались лакуны, возникшие из-за *«политической аморфности значительной части страны»* [64, с. 180]. Было и противоречие с результатами других исследований — автор утверждал, что *«изменения политических предпочтений жителей городов не отличаются от политической эволюции окружающих территорий»* [64, с. 168].

⁷ Хороший пример различий во взглядах на данный вопрос — статья Е. Ю. Колбовского «Дискуссия по поводу статьи. Районирование или “коннектография”» в недавнем номере «Известий РАН».

Это утверждение интересным образом сочетается с тезисом И. М. Маергойза: *«в ряде случаев политико-географическое районирование может вообще проводиться по крупным городским центрам»* [71, с. 45]. Следовательно, возможно не только однородное, но и узловое электоральное районирование.

Замена понятия район понятиями ареал, область и зона использовалась и Д. В. Визгаловым в диссертации, в названии которой даже фигурировало само слово «районирование» [26]. Однако в работе проводилась типология избирательных округов по степени устойчивости электоральных предпочтений. Это политико-географическое районирование Великобритании содержало лишь список нескольких регионов-ядер с высокой поддержкой основных политических партий [26, с. 124].

Наиболее объёмный пример «эрозии» первоначального понимания районирования представлен в диссертации М. И. Кришталя. Выделенные в ней *«четыре электоральных района Калининградской области, в которых сформировались довольно устойчивые специфики электоральных предпочтений»* [60, с. 21], тоже представляли собой ареалы повышенной поддержки политических сил. Де-факто проведена типология, а не районирование — кластеризация предзаданных (дискретных) АТЕ, а не членение континуального пространства. Под электоральным районом в диссертации понимался *«неформальный географический регион, включающий в себя муниципальные образования со схожей электоральной культурой, устоявшейся с течением времени»* [60, с. 37]. В других местах проводимая операция всё же называлась *«электоральной типологией муниципальных образований»* [60, с. 77].

Другая проблема — использование термина «районирование». Под ним автор нередко понимал не выделение/выявление районов, а географию поддержки политических партий и кандидатов: *«...кластеризация участников выборов проведена в соответствии с общностями их электорального районирования»* [60, с. 5]. Участники выборов для удобства сравнения результатов разных голосований группировались не по идеологическому принципу, а по степени корреляции распределения их поддержки по территории (*«корреляционное размещение явлений»* по Э. Б. Алаеву [6, с. 79]) В итоге устойчивость географии поддержки кандидата называлась *«стабильностью [его] электорального районирования»* [60, с. 55].

Тем более характерны подобные метаморфозы для работ, в которых электоральное районирование не было основной целью. Например, работа П. С. Варюшина

посвящена выделению территориальных электоральных структур, однако в тексте полученные результаты несколько раз назывались «*районированием, проведённым в рамках факторного анализа...*» [23, с. 43]. Это исследование важно полноценной концептуализацией в российских электоральных исследованиях понятия «электоральная эпоха» — «*период времени, в котором сохранялась определенная территориальная структура поддержки политических сил*» [23, с. 37]. Оно отсылает к концепции «нормального голосования» по Ф. Консерверу [161, р. 33], сущностно похожему на концепцию периодов «нормальной науки» по Т. Куну [291, р. 23]. Именно в пределах электоральных эпох или периодов «нормального голосования» уместно говорить об устойчивых закономерностях и районах.

Аналогичная общая проблема свойственна многим работам. Например, исследованию А. А. Белова, один раздел которого посвящён электоральному районированию Московской области в виде типологии её муниципалитетов [19, с. 321]; Д. Д. Орешкиной, проводившей «*автоматическое районирование*» посредством кластеризации ячеек с группировкой в рамках территориально-связного ареала (хотя речь шла о районах с разными электоральными культурами) [82, с. 2]; М. Н. Арбатской, в котором районирование определялось как «*классификация пространства, отражающая существующие в реальности историко-географические типы*» [11, с. 22]; и В. С. Скачкова, выделявшего «*регионы с устойчивыми электоральными предпочтениями*» для оценки факторов риска пространственной дезинтеграции стран Латинской Америки [87, с. 67, 113]. При этом районирование в последнем случае было лишь типологией единиц АТД региона. Восприятие электорального района как «*территории или зоны, где та или иная партия обычно гарантированно одерживает победу или набирает существенное количество голосов*», получаемой в результате классификации префектур, областей или штатов, пожалуй, — наиболее распространённое понимание его сути [69, с. 38; 83, с. 650].

На этом фоне выделяется работа политолога Н. В. Гришина, подход которого с рассмотренными роднит трактовка ПГР как «зоны электорального поведения», но отличает пристальное внимание к факторам электорального поведения избирателей, а не к их результирующим и индивидуальный подход к анализируемому контексту [31, с. 78]. В итоге его подход нельзя однозначно отнести ни к одной из выделенных групп из-за сочетания многих методических элементов сразу нескольких из них.

Районы как элементы электорального ландшафта

Другой подход — сознательная критика районного подхода в электоральных исследованиях, начало которой, например, в отечественной географии было положено в начале 2000-х гг. Н. В. Петровым и А. С. Титковым. Ими было выполнено несколько вариантов электорального районирования РФ, однако оно уже воспринималось не как *«венец электорально-географического исследования»*, а как один из многих приёмов. Более значимое положение занял *«электоральный ландшафт»* — *«целостная, воспроизводящаяся от голосования к голосованию система закономерно связанных между собой во времени и пространстве элементов электорального поведения социумов, а также факторов, их определяющих»* [84, с. 18].

Предлагалось воспринимать электоральное пространство не дискретно, через призму районов, а континуально, как непрерывное поле; представлять электоральную дифференциацию с помощью градиентов и «изоэлект» [98, с. 25]. Районы же выступали как структурные элементы (плиты) ландшафта. Они выделялись путём группировки регионов по сходству электоральных предпочтений. Районирования по отдельным выборам накладывались друг на друга, образуя структуру с однозначными ядрами районов и разной степени чёткости границами между ними [84, с. 21].

Впоследствии А. С. Титковым диагностировалось, что районный подход для анализа географии выборов в России почти не прижился, а вместо него обычно производится определение конфигурации территориальных электоральных структур [98, с. 152]. Указывалось на региональные политические культуры как на альтернативу районам, а на устойчивые разрывы в поддержке партий как на маркер границ районов. В итоге было предложено отказаться от районирования как повсеместного метода исследований (по крайней мере российских выборов).

Предложенный подход хорошо зарекомендовал себя для анализа российских выборов, на которых наблюдалось не столько районообразование, сколько градиентные расколы между северными и южными регионами, центрами и периферией, городами и сельской местностью. Однако подобный взгляд может оказаться столь же неэффективным, как и районный подход в России, в контексте других стран, для которых свойственна сильная фрагментация электорального пространства. А. С. Титков сам отмечал это, приводя пример Украины [98, с. 154].

1.1.3. Недостатки существующих подходов

Одна из проблем уже была обозначена в обзоре (рис. 1.1) — зачастую районирование подменяется типологией или классификацией. В какой-то степени это неизбежно при любом подходе из-за того, как агрегируется информация. По мнению автора, данные операции могут быть частью процесса на одном из этапов районирования, однако не должны заменять его целиком, хотя эта позиция отчасти противоречит распространённому в географии представлению о районировании как о географической классификации (например, у Б. Б. Родомана).

В данном разделе остановимся на более важной методической проблеме. В существующих исследованиях районирование проводится в двух «стилях»: 1) с относительно жёсткой методикой и с большим перекосом в сторону количественного анализа результирующих электоральных процессов; или 2) в жанре страноведческого описания с преобладанием политико-географической составляющей с индивидуальным подходом к анализируемому контексту и непрозрачной методикой.

В первом случае с помощью полученной сетки проводится объяснение электоральных процессов и дифференциации пространства. Сами же объясняющие факторы не используются в процессе районирования — анализируется лишь итоговый результат (проценты партий и кандидатов в разных районах). Это значительный недостаток, так как схема районов может усложнять понимание электорального пространства, делая процесс многоступенчатым (сначала районирование, потом анализ), а не упрощать его. Другая значимая проблема этой группы исследований — проведение районирования по одним выборам, одному временному срезу данных, что качественно снижает ценность и доверие к результатам — они базируются на слишком малой выборке наблюдений за электоральным пространством [84, с. 19]. Эту проблему усиливает игнорирование региональных и местных выборов, а также анализ результатов выборов не через наиболее дробный уровень их агрегации, а по регионам, штатам, провинциям и областям, что критически упрощает анализируемый материал, так как единицы анализа в таких случаях всегда обладают большой внутренней гетерогенностью [368, р. 381].

Во втором случае проблема заключается в отсутствии чёткой методики. Разные факторы, влияющие на электоральные процессы и используемые в анализе, при районировании смешиваются так, что итоговая схема в основном ясна лишь её

Подход: электоральное районирование как	Основные представители	Направление (группа подходов)	Достоинства подхода	Недостатки подхода	
Региональные политические культуры (РПК)	Р. Симеон, Д. Элкинс, Д. Элазар, Э. Хендерсон, А. Л. Белов, Р. Ф. Туровский, Д. Б. Орешкин, А. С. Зиновьев	↑ выраженность признаков ↓	страноведческое качественное индивидуальное	Анализ качественных характеристик отдельных элементов электорального пространства; Страноведческий подход; Место как важный фактор электоральных процессов	Крайне уникалистский подход; Иногда недостаточное внимание к количественным методам анализа; Низкая воспроизводимость методики из-за почти только качественного анализа особенностей электорального пространства
Природное и историко-географическое	Ф. Тёрнер, О. Либби, К. Зауэр, А. Зигфрид, К. Арчер, С. Хоббс, Дж. Райт			Подробный страноведческий анализ предикторов электоральных процессов	Уникалистский подход; Природный детерминизм; Анализ географии выборов лишь как несамостоятельный этап страноведческого описания
Экономическое	Э. Кребиль, В. О. Ки, А. И. Мухин, О. В. Витковский, А. П. Жидкин, А. А. Белов			Подробный страноведческий анализ предикторов электоральных процессов	Экономический детерминизм; Использование количественных методов анализа со снижением учёта качественных особенностей электорального пространства; Анализ географии выборов лишь как несамостоятельный этап страноведческого описания
Политико-географическое	П. Тейлор, Р. Джонстон, Ч. Патти, Дж. Эгнью, Ф. Шелли, В. А. Колосов, К. Э. Аксёнов, В. В. Лаврухин		электорально-географическое количественное универсальное	Подробный страноведческий анализ предикторов электоральных процессов; Использование широкого набора инструментов анализа; Учёт почти всех основных факторов дифференциации электорального пространства	Использование при разграничении районов одновременно и электорально-географических явлений, и прочих политико-географических, что усложняет восприятие; Низкая воспроизводимость методики — применение нескольких подходов почти без чёткой систематизации
Электоральный ландшафт	Н. В. Петров, А. С. Титков			Адаптация к электоральным контекстам с низкой районированностью пространства; Использование широкого набора методов и подходов	Уникалистский подход; Низкая роль районной составляющей анализа структуры электорального пространства
Типология или классификация	Дж. Сваугер, Р. Уотрел, П. С. Варюшин, Д. В. Визгалов, Э. Фуберг, М. Н. Арбатская, В. Б. Лебедев, М. И. Кришталь, Д. Д. Орешкина			Универсальный подход, воспроизводимый для компаративистских исследований; Жёсткая и прозрачная методика	Почти исключительно количественный анализ результатов выборов; Пространство/место как пассивный фон электоральных процессов; Анализ результатов выборов с использованием их предикторов лишь в объяснении; Жёсткая методика — недостаток её гибкости для сложных явлений

Рисунок 1.1 — Подходы к электоральному районированию

Источник: составлено автором

автору. Зачастую автор полагается на «страноведческое чутьё» и интуицию, что тем более затрудняет воспроизводимость работы, хотя и нередко оказывается эффективной. В итоге конкретный подход, отлично выполняющий свою функцию при районировании одной страны, неприменим за её пределами — он выглядит как разработанный не для исследования разных других стран и исходящий из уникальных местных условий, дорабатывавшийся «на ходу» и подстраивающийся под них.

Некоторые актуальные вопросы остались почти без внимания. Например, мало рефлексировалась проблема «районируемости» электорального пространства. Районируемость в данном случае понимается в соответствии с определением Л. В. Смирнягина — *«очевидность или затруднённость выявления территориальных частей страны»* [92, с. 13]. Например, районируемость России, как было показано А. С. Титковым, весьма затруднительна, тогда как районируемость некоторых стран Западной Европы относительно очевидна. При этом, разумеется, преобладают *«страны смешанного типа, где лишь в некоторых местах явственно проступают “очевидные” районы, в остальном же районы приходится выявлять с помощью разных методов и процедур»* [92, с. 14].

Другой вопрос — соотношение между политико-географическими и электоральными районами. Вторые — частные случаи первых, однако в какой степени наполнение, конфигурация, принципы выделения или обнаружения первых определяются особенностями вторых? Во многих случаях политико-географические районы почти тождественны электоральным с той лишь разницей, что для характеристики первых заметно важнее общие культурные и исторические особенности. В какой степени электоральные районы — их конфигурация и внутренние особенности — определяются феноменами, не связанными непосредственно с выборами, но имеющими политическое выражение? Какова роль в формировании районов формальных институтов — избирательной системы, границ избирательных округов, многоуровневости выборов и сиюминутных условий избирательных кампаний?

Во второй главе работы предложена методика районирования, в значительной степени учитывающая указанные недостатки существующих подходов. Она не обходит их полностью — в некоторых её частях остаётся непрозрачной и «уникалистской» — однако имеет чёткую структуру и воспроизводима не только её автором.

1.1.4. Полимасштабность в районировании

Полимасштабный принцип/подход⁸ — один из уникальных инструментов географических исследований [409, р. 354, 360]. Причём стал распространённым он сравнительно недавно — в 1970-х гг. До этого в основном технические ограничения не позволяли в полной мере решить «проблему масштаба»⁹ — *«каждое изменение масштаба приведет к постановке новой проблемы, и нет никаких оснований предполагать, что ассоциации, существующие на одном уровне, будут существовать и на другом»* [325, р. 16]. Многократно констатировалось, что *«различные процессы становятся важными для нашего понимания пространственных структур разного масштаба»* [207, р. 71–72], однако разработанного инструментария для работы с не мономасштабными явлениями ещё не было.

Масштаб в данном случае используется как синоним размера в целом — подразумевается *«ранг, типоразмер объектов в таксономической системе»* [102, с. 50]. Обычно выделяется три основных масштаба исследования или агрегации данных: глобальный, региональный и местный с разными вариациями в зависимости от конкретной географической дисциплины и цели исследования. Некоторые масштабные уровни возникают из-за структуры используемых данных (пространственного разрешения спутниковых снимков, размеров карт и границ исследовательских полигонов), другие — из-за специфики самих исследуемых объектов или процессов (размеров/простираения физических объектов, набора затрагиваемых процессом объектов). В модели линейка масштабов бесконечна (разве что ограничена сверху размерами планеты) и непрерывна. Это, по выражению В. Л. Каганского, *«лестница без ступеней»* [44, с. 30], а перечисленные примеры масштабных уровней/этажей условны и задаются самими исследователем для упрощения объектов и процессов.

Анализ чего-либо на разных масштабных уровнях или через призму разноуровневых процессов придаёт ему объёмность и полноту. Такой подход — *«первая заповедь географических исследований»* по И. М. Маергойзу: *«в географии от выбора масштаба исследования во многом зависят применяемые методы исследования»* [70, с. 5–6]. Некоторые процессы протекают или явно выражены лишь на одном уровне, *«следовательно, интерпретации, основанные на данных одного масштаба,*

⁸ Он же много- или мультимасштабный, от англ. *«multiple-scale approach»*.

⁹ Англ. *«scale problem»*.

могут быть неприменимы к данным другого» [297, р. 90]. Это разнообразие шкал можно рассматривать и как силу, и как слабость географического анализа. Он предлагает взгляд и методику, почти не используемые в иных дисциплинах. С другой стороны, *«огромный объём данных, необходимых для анализа пространственных явлений на различных масштабах, в сочетании с возможностью применения неподходящей методики часто приводит к бессмысленности исследования»* [297, р. 88]. «Игра масштабами» — один из любимых коньков географов [102, с. 50], необходимый, по И. М. Маергойзу, для сочетания широты и глубины исследования, *«чтобы широта не стала беспредметностью»*, аналогично при *«изучении, например, города [нужно] держать в поле зрения страну и весь мир»* [72, с. 65].

При использовании полимасштабного подхода в исследовании необходимо решить две взаимосвязанные задачи — определить количество используемых уровней и их пределов. Нельзя заранее узнать набор этих уровней, исследователь *«чувствует, тестирует, пробует варианты и оценивает альтернативные результаты до тех пор, пока наблюдаемые и интерпретируемые факты не подтвердят выводы на разных уровнях шкалы»* [409, р. 356]. С точки зрения К. Стоуна, который ввёл в географическую науку понятие полимасштабности, обязательно выделение пяти или шести базовых масштабов: континентального, регионального, субрегионального/секционного, местного и индивидуального [409, р. 361]. Однако этот набор опционален, главное — разработать методическую процедуру, гарантирующую учёт всех значимых масштабов.

Для решения этой задачи Д. Харви предлагал *«творчески использовать проблему масштаба»*. При анализе территориальных структур и их параметризации первичны процессы, под воздействием которых находятся исследуемые объекты. Точное знание масштабов, на котором процесс наиболее эффективен в определении структуры, — ключ к решению задачи, достигаемому перебором свойств территориальных структур на разных масштабах [207, р. 72].

Полимасштабность как важнейшее свойство пространства можно использовать и при районировании [48, с. 253]. Оно не обязано быть мономасштабным и равномерно покрывать всю исследуемую территорию. В ходе районирования многокомпонентного пространства, в котором присутствует множество разных по генезису, влиянию, форме, времени и протяжённости действия процессов, логично

по возможности систематизировать проводимую операцию. Например, выявить масштабы «наиболее эффективного действия» основных процессов (по Д. Харви) и выделить для каждого из них или их групп свой уровень районов. Особенно стройно такая вертикальная схема районов выглядит при типологическом районировании. Однако оперирование полимасштабностью при районировании всё-таки редкость.

Хорошие примеры использования нескольких уровней районов, различающихся не только размерами и степенью внутренней гетерогенности, но и по факторам, определяющим их форму и содержание, — культурно-географическое районирование России по Ю. А. Веденину, и по В. Н. Калущкову: на верхнем уровне для разграничения использовались исторический и этнокультурный критерии, а также «критерий наследия»; на втором уровне — природные критерии, например, «*зональный принцип, принцип соотношения гор и равнин*» [49, с. 33], и критерии времени освоения, роли в истории формирования государства и места в культуре [24, с. 336]. В природном районировании тот же метод использовал Д. Л. Арманд, определяя шаги проведения границ районов верхнего уровня приоритетностью для исследования разных признаков — климатического и морфологического [12, с. 119]. Свойство полимасштабности проявляется в выделении не просто крупных, средних и малых ареалов, а контрастных по своим качественным свойствам групп районов [48, с. 254].

В политико-географическом и электоральном районировании обычно использовался один масштаб. Иногда вводилось несколько уровней, но различия между ними были лишь размерные. Исключение — электоральное районирование США по К. Э. Аксёнову: им были выделены регионы, районы и подрайоны. При этом различия между, например, регионами и районами были и в принципах их выделения — регионы наделялись бóльшей историко-культурной исключительностью. Лишь Юг был назван «*в точном понимании политико-географическим районом высшего ранга*» [2, с. 124, 135–136]. Политическая культура Юга принципиально отличалась от РПК других районов страны, при этом внутри Юга выделялось множество районов с очень разными электоральными предпочтениями. Аналогичного взгляда на «*монолитный Юг*»¹⁰ [403, р. 335] как «*самый определённый и индивидуалистичный регион США*» [448, р. 356] и в начале, и в середине XX в. придерживались Дж. Райт и Дж. Харт. К исключениям можно отнести и анализ электоральных

¹⁰ Англ. «*Solid South*».

геоструктур Юга России Н. В. Гришиным — им были выявлены различия в наборе факторов, обуславливающих территориальные различия в итогах выборов на разных уровнях (межрегиональном, субрегиональном и микроуровне) [31, с. 36–39].

Подход с опорой не на один уровень исследования, а на несколько даёт преимущество за счёт бóльшей гибкости методики и результатов, потенциального выявления эмерджентных свойств многоуровневых систем и повышения точности в связи с более подробным анализом, учётом контекстов разных уровней и свойственных им статистических искажений и более широких возможностей для избежания «экологической ошибки»¹¹ и «атомистической ошибки». Причём если достоинства полимасштабности для результатов работы упоминаются часто, то его положительное влияние на сам процесс исследования нередко остаётся без внимания. Подход позволяет упорядочить сам анализ, разделив его на иерархические и последовательные элементы, что упрощает метод для восприятия и воспроизводства, сохраняя и даже увеличивая его многосоставность и гибкость при работе со сложными объектами.

Полимасштабный подход в том или ином виде нередко используется за пределами географии в иных общественных науках. Например, в истории при периодизации и работе с явлениями разной временной протяжённости; в политологии при оценке влияния институциональных рамок разных управленческих уровней; в экономике при разделении или интеграции анализа экономической деятельности на микроуровне (работники, потребители и фирмы), мезоуровне (формальные и неформальные экономические институты, отдельные отрасли) и макроуровне (общеекономические процессы на уровне стран и регионов, международная торговля); в социологии и антропологии при анализе стимулов исследуемых акторов, обусловленных факторами разной степени глобальности: от личных характеристик индивида и особенностей местных сообществ до общестрановых и общемировых трендов. При этом почти в каждой дисциплине имеется своё название для описанного подхода, а в некоторых случаях преимущества и необходимость проведения анализа на разных уровнях практически не рефлексированы, что иногда приводит к игнорированию сильных сторон подхода.

¹¹ Она же «ошибка Робинсона» — перенос выводов, сделанных на верхнем уровне (данных), на более низкий. Например, с уровня групп или регионов, на уровень индивидов. «Атомистическая ошибка» — обратный восходящий перенос заключений с локального уровня на более высокий.

1.2. Факторы территориальной дифференциации электорального поведения избирателей

Предикторы, определяющие различия в электоральных предпочтениях и электоральном поведении избирателей в разных местах, с одной стороны, — следствие сочетания закономерных различий в голосовании разных групп избирателей и географических особенностей их распределения в пространстве. С другой стороны, есть и исключительно географические факторы, влияющие и на поведение избирателей, и на его пространственную дифференциацию [287, р. 78; 495, р. 237].

Между двумя данными подходами, используемыми в качестве объяснения исследуемых процессов и явлений разные факторы, — композиционным и контекстуальным — существует больше различий, чем видится на первый взгляд. Они не исключают, а дополняют друг друга, но из-за приоритизации одного из них в конкретных исследованиях формируется два совершенно разных взгляда на содержание дисциплины, её методов и целей. Подобное расхождение в понимании влияния географического фактора можно обнаружить и в других географических и социальных дисциплинах [421, р. 23]. Из этого расхождения следует и нарастающее расхождение в частных вопросах, например, в подходах к электоральному районированию.

1.2.1. Композиционные факторы

Согласно первому и преимущественно внешнему взгляду на смысловое и методическое наполнение дисциплины, география сводится к добавлению пространства в какую-либо не географическую область знания. В случае электоральной географии — добавление пространства в политологию, политическую социологию и политическую психологию. Вклад географии — объяснение пространственной дисперсии наблюдаемых явлений и процессов почти без разработки собственного концептуального аппарата. Иногда этот подход/направление называют «географией голосования» — анализ результатов отдельных выборов через объяснение территориальных различий в уровне поддержке политических сил [414, р. 22].

В электоральной географии такому взгляду соответствует композиционный подход [196, р. 188; 300]. Он предполагает зависимость результатов выборов от структуры электората¹² — их социально-демографических характеристик как

¹² Или композиции — отсюда название подхода, создающее путаницу в понимании его сути. Композиция используется не в классическом для географии смысле (например, территориальной композиции), а в значении внутренней структуры или состава (в данном случае электората какой-либо территории).

факторов: возраста, пола, национальной или расовой идентичности, религии, уровня доходов, уровня образования, типа занятости, семейного положения и др. [180, р. 4; 186, р. 2; 287, р. 78]. В сумме эти факторы формируют большинство основных географических электоральных расколов, например, между городами и сельской местностью [142, р. 2; 323, р. 109]. Данный подход не совсем «географичен», ибо учитывает лишь корреляции между социально-экономическими переменными в неких территориальных ячейках и итогами выборов в них. По сути, это лишь ещё один (более доступный, чем классические социологические) способ проверки гипотез о зависимости уровня поддержки той или иной политической силы от личных характеристик избирателя, обычно с помощью регрессионного анализа [354, р. 469; 416, р. 561].

При таком подходе мало внимания уделяется территориальному фактору, почти не берётся в расчёт местоположение избирателя, его положение относительно источников власти, районов повышенной или пониженной поддержки тех или иных политических сил и местный контекст [327, р. 9]. Этот подход почти не даёт «добавленной стоимости» к социологическим данным о предпочтениях избирателей. Лишь в некоторых случаях он может обнаружить региональную гетерогенность наблюдаемых закономерностей, однако в остальном призван объяснить электоральные карты, заимствуя базовую информацию из иных географических дисциплин и социологии. В остальном базовое предположение почти не допускает гетерогенности в голосовании похожих избирателей в разных местах. Нельзя сказать, что данный подход полностью игнорирует пространство, однако влияние «места» как непосредственного фактора каких-либо процессов вынесено из их объяснения.

Обычно именно такой взгляд на сущность электоральной географии встречается за пределами самой дисциплины, однако методически он широко распространён и внутри неё. Доминирование данного подхода пришлось на математическую революцию в географии 1960–1970-х гг. с ростом доступности и популярности количественных методов обработки информации о выборах (корреляционный, регрессионный, факторный) [413, р. 152; 414, р. 63]. При этом теоретическая база оставалась вне дисциплины, заимствуясь из социологии и политологии [369, р. 110].

Таковой отчасти можно считать концепцию идейно-политических размежеваний (электоральных расколов) Липсета-Роккана [317, р. 112]. Перенос данной концепции в область географии, т. е. локализация в пространстве электората

соответствующих групп, помог лучше понять электоральное пространство исследуемых стран. Модель лежит в основе множества количественных исследований как основание отбора факторов дисперсии электоральных показателей [316, p. 145].

По разные стороны электоральных расколов могут оказываться представители разных социальных и демографических групп: пожилые и молодые избиратели, женщины и мужчины, этнического большинства и меньшинств, религиозные и нерелигиозные, представители разных конфессий, наёмные работники и предприниматели. Часть из них — следствие ассоциации индивида с общностью «своих», наделяющей себя (или наделённой извне) специфичными политическими интересами. Другая часть — следствие политизации личных интересов избирателя и его соотнесения с каким-то сообществом. Мировоззренческие позиции могут определяться и развиваться под действием личных характеристик избирателя [166, p. 113].

Классический пример первых — голосование избирателей за представителей их этнического или религиозного сообщества или за политические силы, наименее антагонистичные интересам сообщества, с точки зрения самого избирателя [54, с. 111–112; 377, p. 145]. Например, по этому принципу в значительной степени организовано электоральное пространство пакистанского штата Хайбер-Пахтунхва — исмаилиты и сунниты предпочитают поддерживать кандидатов от разных партий [124, p. 99]. Такое же выражение ранее имел раскол между католиками и протестантами в Ньюфаундленде [170, p. 71]. Заметно различается электоральное поведение афроамериканских и белых, более и менее религиозных избирателей в США [195, p. 977; 329, p. 754; 385, p. 3], мусульман и индуистов в Индии и в странах с большой индийской общиной [209, p. 12; 443], харедим, религиозных сионистов и мусульман в Израиле [342, p. 71], людей с миграционным прошлым и «коренных» избирателей [122, p. 89; 132, p. 117; 174, p. 229], особенно этноконфессиональных меньшинств [430, p. 12; 79, с. 85] и др. Территориализация этих расколов приводит к появлению на картах областей с отчётливо высокой или низкой электоральной активностью, протестностью или поддержкой разных партий. Например, «библейские пояса» в США (Юг), Швеции (Йёнчёпинг), Кении (центр и часть Рифтовой долины) и Нидерландах (части Оверэйсела, Зеландии и Гелдерланда), и «православный пояс» в России (от Брянской до Нижегородской и Ульяновской областей) [115, с. 182].

Другой пример — экономическая и трудовая дифференциация электората, из-за которой представители разных профессиональных сообществ, особенно при их организационном объединении, могут иметь антагонистичные электоральные предпочтения. Классические примеры — «синие воротнички» и «белые воротнички». Данный фактор тесно переплетён с воздействием других, например, уровня образования, доходов, статуса и типа занятости [249, р. 187; 194, р. 3]. Его географическое выражение — специфика электоральных предпочтений индустриальных районов, особенно в случае добывающей промышленности [128, р. 89; 381, р. 165]. В моделях, предлагавшихся для описания дифференциации электорального пространства представителями многих научных школ, на определённом этапе доминировал именно фактор «классового голосования» как наиболее значимого, особенно в британской школе, и тем более в советской [182, р. 351]. Для российской географии, с точки зрения А. Г. Дружинина и В. Н. Стрелецкого, до сих пор свойственна чрезмерная «экономизация» критериев пространственной организации общества [34, с. 6, 14]

По мере дробления политического спектра между множеством различных всё более разнообразных групп электората и партий в развитых демократиях происходит нарастание поддержки малых партий совсем небольшими, но консолидированными группами, а также небольших различий в электоральном поведении больших групп электората. Например, в последнее десятилетие увеличивается разрыв в электоральных предпочтениях молодых мужчин и женщин. Ранее женщины лишь в среднем реже участвовали в голосованиях и реже публично обсуждали связанные с этим вопросы [406, р. 14] — однако в конце 2010-х гг. появились и расхождения в идеологических ориентациях. В основном молодые женщины всё чаще оказывают бóльшую поддержку либеральным и левым политическим силам, тогда как мужчины — крайне правым [324, р. 447]. Другой (локальный) пример — повышенная поддержка европейских «зелёных» партий представителями сексуальных меньшинств [352, р. 3] и, наоборот, пониженная поддержка ими религиозных кандидатов [431, р. 7].

Появившийся гендерный разрыв в голосовании наглядно показывает, что самого наличия явных различий между группами электората не хватает для формирования между ними электоральных расколов, тем более в партийной системе. Для политизации таких различий необходима их активизация каким-либо конфликтом, специальным политическим запросом, исходящем от одной группы [255, р. 17].

Наиболее комплексный из расколов, порождённых сразу множеством отдельных факторов, влияющих на электоральное поведение избирателей, — центр-периферийный, нередко упрощаемый до различий между городами и сельской местностью [455, р. 15; 76, с. 33]. Он стал одной из центральных моделей и часто используется для объяснения бóльшей части дисперсии электоральных переменных — в него «защиты» и экономические, и социальные различия [88, с. 145; 264, р. 219; 428, р. 9].

Совокупное воздействие множества подобных факторов формирует и различия между большими территориальными отдельностями — районами. Несмотря на наличие значительной внутренней дифференциации и больших сходств между отдельными частями районов, средние значения электоральных показателей, качественные результирующие выборов, стереотипные и иные представления о политическом облике районов распространяются не только на «ядра типичности», что может само по себе гомогенизировать территориальные общности избирателей. Накопленные различия в структуре электората могут провоцировать культивирование представлений о существовании и качественных различий РПК [4, с. 334].

Из всех предикторов голосования для настоящей диссертации, т. е. в случае Республики Корея, согласно научной литературе по теме и авторским исследованиям, особенно важен фактор политизации «поколенческого опыта». Поколенческая теория, по К. Мангейму, Н. Хоуву и В. Штраусу [224, р. 34; 321, р. 278], основывается на предположении о крайне высокой значимости единовременного проживания людьми близких возрастов поворотных для их жизни событий и получаемых ими опыта и мировоззрения как отличительных черт этой группы людей, выражающихся в т. ч. в ценностных установках, восприятии и поведении.

Такой феноменологический, по М. Хайдеггеру, подход предполагает формирование общности ценностей, восприятий, поведений и интересов представителей поколения как следствие общего чувственного опыта. Хайдеггер называл его «судьбой»¹³ [210, р. 282], В. Пиндер — «энтелехей» [364, р. 283] — понятия, близкие к понятию «габитус», по П. Бурдьё [137, р. 333], и к концепции поколения как «места памяти», по П. Нора [343, р. 62]. Однако, в отличие от прочих социальных групп, поколения обычно не обладают сознанием себя как общности. Например, К. Мангейм, во многом уравнивавший значимость поколений в социальных и политических

¹³ Англ. «*destiny*» (как набор выборов и решений), но не «*fate*» (как предопределённая участь).

процессах с классовой структурой общества, указывал на это принципиальное различие [321, р. 290]. Поколение — одна из «социальных рамок памяти», по М. Хальбваксу, наравне с другими группами (семьёй, этнической или религиозной общностью, классом) определяющих, как и что индивид оставляет в памяти, интерпретирует и на основании чего конструирует коллективные воспоминания и нарративы, синхронизируя эти воспоминания в рамках сообщества [199, р. 43].

Однако не стоит переоценивать поколенческий фактор — это лишь одна из моделей, в некоторых случаях имеющая немалую объяснительную силу. Политические предпочтения массово воспроизводятся и в рамках семьи — родители нередко играют центральную роль в политической социализации детей [238, р. 183; 318, р. 8]. Важно, что фактор поколения не равен фактору возраста избирателя. Фактор возраста более универсален, так как представители поколений проходят через одни и те же возрасты, имея схожие статусы, наборы проблем, жизненных выборов и прочих особенностей. К тому же возрастные когорты голосуют по-разному не только из-за общих демографических характеристик, но и из-за сфокусированной ориентации повестки политических партий на эти группы [392, р. 2]. Поколенческий опыт уникален, так как добавляет к имманентным свойствам индивида контекст времени.

Если политическая социализация разных поколений происходила в принципиально разных условиях, то коллективный опыт, память и мировоззрение каждого из них формируют и разделяемую значительной частью поколения политическую оптику. Причём её результирующая может быть внутренне гетерогенна — представители одного поколения будут по-разному отвечать на вопрос о предпочтительных политических силах — однако сходным будет взгляд на политику, набор приоритетных вопросов, требования, предъявляемые к политикам и партиям и др.

Для географии голосований данный фактор важен в случае сочетания сильной политизации поколенческого опыта избирателей, значительной ослабленности влияния иных основных электоральных предикторов и явной пространственной сегрегации поколений. Многие другие факторы, обычно влияющие на электоральные предпочтения и поведение избирателей, будучи отчасти следствием поколенческого раскола, не будут столь важны при объяснении дифференциации электорального пространства. Особенно выражен территориально данный фактор в случае сильной пространственной сегрегации поколений и низкой значимости возрастного фактора.

1.2.2. Контекстуальные факторы

Недостаток композиционного подхода — концентрация на понимании выявленных закономерностей без привязки к пространству как объясняющему часть процессов элементу. Порой ему отказывают в «географичности» как «слабой *электоральной географии*» из-за игнорирования местного контекста [169, р. 10; 347, р. 33].

Иной подход — контекстуальный — был призван решить проблему «недостаточной географичности» композиционного подхода [328, р. 191]. Развитием именно этого подхода занимались классики политической/электоральной географии 1970-х гг. и последующих десятилетий (Р. Джонстон, К. Кокс, П. Тейлор, Ф. Шелли, Дж. Прескотт, Дж. Эгнью, Д. Рейнольдс, К. Арчер и др.) [119; 120; 127; 167; 369; 376; 414]. Они исследовали влияние непосредственно пространства в виде местного контекста, институтов и межличностных отношений, несводимых к экономическим различиям и простым количественным показателям, на результаты выборов. Контекстуальный подход, отчасти ознаменовавший «психологический поворот» в электоральных исследованиях, придал дисциплине «второе дыхание», актуализировав её, трансформировав в науку о пространстве, а не о количественных переменных с пространственной привязкой [1, с. 184]. К стандартным количественным моделям, порой игнорировавшим влияние географической среды, добавились факторы, учитывающие местный электоральный контекст. Пространство заняло центральное место в политической и электоральной географии [149, р. 116; 245, р. 677].

Влияние места на электоральные процессы возникает из-за восприятия и оценки избирателем политических событий под воздействием пространства (географической близости) и его особенностей. Чувство места создаёт личную эмоциональную привязанность к пространству, где избиратель работает, живёт, учится, развлекается, что, в свою очередь, определяет то, как он интерпретирует влияющие на него политические явления [120, р. 57]. Если в композиционном подходе пространство — пассивный фон политических процессов, то в контекстуальном — непосредственный, а иногда и важнейший актор этих процессов [495, р. 237], ибо «*территориальная дифференциация — не только среда, в которой находятся политические процессы, но и причина их возникновения*» [90, с. 13]. Социально-демографические характеристики приобретают разное значение в разных контекстах. Однако всё ещё крайне мало исследований посвящено контекстуальным факторам [442, р. 327].

Регионализм

Регионализм — широкое явление, относящееся не только и не столько к географии выборов. У данного феномена есть несколько измерений и пониманий. Например, по В. Н. Стрелецкому, их три:

1. подход к проблемам общества через призму потребностей регионов — учёт их интересов в разных сферах жизни этого общества, зачастую в сочетании с уходом от крайней степени централизации и унификации;
2. взаимодействие соседних государств с целью региональной интеграции;
3. политические движения внутри регионов отдельных стран, направленные на институционализацию в виде региональной или культурной автономии, самоуправления, а в крайних случаях сепаратизма; или на количественное расширение прав региональных сообществ с уже имеющимся статусом [97, с. 45].

По А. И. Трейвишу, толкований понятия «регионализм» тоже три: два из них (регионализация и региональные общественные движения) близки к уже обозначенным. Третье — *«региональная идентичность людей, их приверженность к провинциальным традициям и самобытности, партикуляризму»* — своего рода «местничество» [101, с. 226–227]. Обратим особое внимание на второе и третье.

Институционализация региона — регионализация — *«процесс, в ходе которого определенный уровень пространственной структуры становится устойчивой единицей, которая идентифицируется в различных сферах социального действия и сознания и постоянно воспроизводится в индивидуальных и институциональных практиках»* [351, р. 105]. Данный пространственный, психологический и институциональный процесс, по А. Пааси, состоит из четырёх этапов: 1) территориализации (обретения формы); 2) формирования концептуального/символического наполнения; 3) приобретения институциональной формы; 4) становления как субъекта региональной системы и общественного сознания [351, р. 105].

В значительной степени этот процесс аналогичен строительству нации в рамках государства, согласно конструктивистской и инструменталистской концепциям. Например, на формирование нации как «воображаемого/воображённого сообщества»¹⁴, по Б. Андерсону [125, р. 5]: нация/народ/этнос конструируется через «коллективную память» — историческое притязание на настоящее — согласно которой

¹⁴ Англ. «*imagined communities*».

существует объединяющее прошлое, с которым могут ассоциировать себя все члены сообщества. Обычно это «золотой век», которым можно гордиться и в который заложено представление о пространстве нации, символах, стереотипах, исключительности, национальных мифах и «Конституирующем Другом», через отличие от которого во многом и строится собственный образ. Региональные сообщества, *«как и всякие социальные группы, существуют в двух планах одновременно: “на бумаге” (как теоретический конструкт) и “на деле” (как часть социальной практики). Они реальны благодаря воспроизводству веры людей в их реальность и институтам, ответственным за (вос)производство этой веры»* [138, с. 197].

«Воображаемость» этого сообщества — следствие его размеров и невозможности регулярного всеобщего взаимодействия его членов друг с другом, что компенсируется скреплением сообщества представлением о неких характерных чертах/образе его типичного представителя. Другая важнейшая часть процесса формирования нации (регионального сообщества) — создание идентифицируемого пространства, *«принадлежащего данному сообществу»*, обычно посредством карт [160, р. 821].

Некоторые нации сформировали государства, внутри которых, по мере модернизации общества — создания единой образовательной системы, экономической структуры, стандартизации систем мер, канонов языка, иногда религии и др. — происходит гомогенизация внутреннего разнообразия сообществ [389, р. 3]. Многие из них, просуществовав некоторое время более или менее автономно, позже оказываются меньшинством в государстве, где преобладает иная группа [401, р. 142]. Если они обладают представлением о некой территории как о «своей», активизируется то, что в рамках этого единого государства будет названо региональной идентичностью, проявляющейся в разных сферах жизни общества. Другой вариант — существование иной политической (и не только) культуры у жителей некой территории с подобным «опытом» без её выражения в виде регионалистских настроений. Пример — запад и восток Польши, разделённые «фантомными/реликтовыми границами» на месте границ Российской, Германской и Австро-Венгерской империй [43, с. 33; 76, с. 252].

Регионализм на выборах в большинстве случаев — следствие этнического, религиозного, лингвистического, кастового, реже экономического своеобразия какого-либо региона страны [103, с. 35]. Данные факторы никогда не существуют в отдельности, воздействуя на политику сочетаниями, обобщаемыми как «особые культуры»

жителей регионов [344, р. 7–8]. Политическим структурам легче консолидироваться вокруг таких вопросов, ибо избиратели чувствуют сопричастность с соответствующими политическими движениями чаще, чем с более эфемерными исключительно регионалистскими. Поэтому обычно политический регионализм строится не только на представлении некой территории и территориальной общности людей как исключительной, но и на апелляции к иным отличительным особенностям местных сообществ. Эти составляющие усиливают друг друга, делая региональные интересы и повестку какой-то территориализованной этнической группы неразрывными в восприятии участников политических процессов [399, с. 504].

В таких случаях электоральные расколы соответствуют этнокультурной дифференциации пространства. Например, в Испании (Каталония, Галисия, страна Басков), Великобритании (Северная Ирландия, Шотландия, Уэльс, отчасти Корнуэлл), Финляндии (Аландские острова и часть приморских районов), Дании (Фареры и Гренландия), Италии (Южный Тироль), Словакии (венгерские районы), Румынии (Трансильвания), Сербии (Воеводина), Боснии и Герцеговине, Бельгии (Фландрия и Валлония), Канаде (Квебек), в отдельных регионах Швейцарии, Индии, Мьянмы, Пакистана, Малайзии, Турции, Ирака, Тринидада и Тобаго, Гайаны, Эфиопии, Малави, Замбии, Кении и др. [223, р. 112; 417, р. 136; 457, р. 86; 458, р. 3].

Сложнее случаи сильного регионализма в отсутствии явной исключительности региона по какому-либо одному из наиболее распространённых признаков. Обычно отличия присутствуют, но незначительны и свойственны многим регионам страны, даже тем, которые в итоге регионализму не подвержены или почти не подвержены. В таком случае регионализм — следствие более комплексных сочетаний представлений о своеобразии региона сразу во всём: исторической «судьбе», политической культуре, диалекте, экономической модели, внешних связях, физико-географических, архитектурных и кулинарных особенностях и др. Часть из них — наследие существовавших ранее институциональных различий, например, разных типов землепользования в разных регионах, ставших политическими [208, р. 100]. Всё это создаёт ощущение, что в данном регионе, по выражению И. М. Бусыгиной, «часы идут по-другому» [21, с. 226], а регионализм становится способом видения мира носителями региональной идентичности [33, с. 8–9].

Появление подобных образований, «региональных мифов» и самосознания также может быть следствием, а не причиной регионализма, например, при использовании территории в политических целях [165, р. 281], нередко сочетающемся с апелляцией к естественной и инстинктивной природе высокой ценности для человека региональных связей [320, р. 195]. Такая стратегия иногда активизируется при выраженном противостоянии экономически развитых районов и «отсталой периферии» или столицы и конкурирующих центров политической власти [104, с. 21]. Такие «избирательные блоки» — районы, действующие как единое целое на выборах, — могут быть крупнее этнических территориальных блоков, включая не «коэтнические районы» с похожими экономическими характеристиками. Они формируются вокруг политики перераспределения, а не только вокруг интересов этнических групп. Характерные примеры — Замбия, Кения и Малави, где этническая принадлежность становится «прокси» регионализма, а не наоборот [135, р. 4–11; 254, р. 154].

Регионализм может проявляться не в виде явных регионалистских политических движений, а внутри национальных структур. Например, региональное отделение партии может обладать спецификой, порождённой попыткой реализации региональных интересов или имплементации распространённого среди местных «партийцев» мировоззрения через более влиятельный институт. Это может быть следствием запрета на региональные партии; политической культуры, допускающей автономию отдельных внутрипартийных территориальных группировок; или предпочтения такой стратегии попытке участия в политических процессах как самостоятельной структуры с ограниченным потенциалом [140, р. 137]. Данной стратегии в ряде стран Европы следуют «зелёные» партии, кооптируя регионалистские движения, даже если их повестка не связана с климатическими или экологическими вопросами.

Региональные интересы могут пониматься носителями региональной идентичности по-разному: от наиболее комфортной или понятной самоидентификации, учёта особенностей региона при разработке и имплементации различных государственных программ и автономизма до сепаратизма и ирредентизма [232, р. 307]. Поэтому и на выборах проявления регионализма различаются от случая к случаю, выражаясь в голосовании избирателей за региональные партии; партии, допускающие децентрализацию; этноконфессиональные партии; в повышенном или пониженном абсентеизме; протестном голосовании; и иных стратегиях голосования.

Важно, что регионализм может проявляться не только в результирующем повышенном голосовании за региональное политическое движение или другую политическую силу, а в электоральном поведении избирателей — том, как они представляют себе сферу политики, как принимают решения по политическим вопросам, как голосуют (важен именно подход к процессу, а не то, за кого избиратель решает голосовать) и, возможно, за кого голосуют.

Регионализм на выборах как проявление региональной идентичности можно рассматривать как нелокальное проявление эффекта соседства (в данном случае «эффекта территориальной солидарности») [109, с. 18; 299, р. 77]. Аналогичный феномен фиксируется и в крупном масштабе — в виде электорального локализма. Н. Кларк выделял три подхода к пониманию локализма: 1) явление, закономерно возникающее вследствие неоднородности природы и общества; 2) культурно-политическое проявление пространственного многообразия экономической деятельности человека (территориального разделения труда); 3) результат личных психологических переживаний человеком пространства и места [158, р. 492]. Однако в любом случае локализм на выборах выражается в виде наличия у небольшой территориально компактной группы избирателей специфичного электорального поведения.

Избиратель может предпочитать местные политические силы национальным партиям из-за снижения доверия к институту политических партий, особенно к традиционным [296, р. 5; 375, р. 190], что повышает распространённость протестного голосования, в т. ч. за местные и популистские силы [126, р. 136; 428, р. 236]. Непартийные движения черпают поддержку из нестабильности партийной системы, высокой электоральной волатильности и роста децентрализации [159, р. 10; 189, р. 505].

Зачастую весьма сложно определить, действительно ли формально беспартийный кандидат независим. Особенно в случае выборов, на которых институт партий полностью отсутствует, что на местном уровне не редкость [319, р. 4]. Значительная часть непартийных депутатов местных собраний в Великобритании аффилированы с тори, а в Италии до двух третей местных списков — «замаскированные» партии [162, р. 647; 429, р. 15]. Для непопулярных национальных партий оказывается выгодным передать представительство «на аутсорсинг» формально беспартийным кандидатам. В других случаях популярные местные политики сами покидают непопулярные партии, видя в аффилиации с ними издержки, а не выгоды [214, р. 3].

Эффект друзей и соседей

«Эффект друзей и соседей» (ЭДиС), «эффект кандидата» или «эффект землячества» проявляется в виде повышенной поддержки кандидата и активности электората в районах, имеющих связи с кандидатом, например, в виде местного происхождения политика. Классический пример — повышенные уровни поддержки большинства кандидатов в южных штатах США в их родных районах на выборах (особенно на праймериз Демократической партии) первой половины XX в. Особенно силён эффект был во Флориде и Алабаме, где ещё не сформировались устойчивые электоральные расколы [265, р. 37, 90]. В дальнейшем влияние эффекта было обнаружено на выборах всех уровней: от президентских, вице-президентских и парламентских, до губернаторских, мэрских и выборов судей [130, р. 709; 188, р. 86; 219, р. 102; 366, р. 547]. Например, на президентских выборах преимущество кандидата в его родном штате было оценено в 4–6 п. п. [313, р. 555; 333, р. 3].

Были выявлены следующие закономерности: 1) значимость эффекта с годами снижается; 2) эффект сильнее на праймериз и местных выборах; 3) сильнее при большом количестве конкурирующих кандидатов; 4) сильнее для маргинальных кандидатов; и 5) если кандидат баллотируется на пост впервые; 6) слабее, если ближайший и сильнейший оппоненты проживают в одном или соседних районах; 7) слабее в городах [134, р. 732; 411, р. 811; 432, р. 28; 433, р. 379]. Однако фиксировались и более сложные эффекты. Например, на выборах в Верховный суд Техаса 1988 г. повышенные объёмы пожертвований на избирательные кампании поступали не только из округов с большой долей юристов, непосредственно заинтересованных в результатах, и родных округов кандидатов, но и из родных округов оппонентов. Из-за высокой узнаваемости кандидатов в их родных округах происходит мобилизация не только сторонников, но и противников, решающих помочь оппонентам своего земляка — «эффект друзей и врагов»¹⁵ [420, р. 476].

Есть две группы объяснений возникновения эффекта. Информационная составляющая связана с неравномерным распределением информации в пространстве [226, р. 47]. Избиратели, живущие рядом с кандидатом, имеют больше шансов (при прочих равных условиях) узнать о его существовании. Локальность кандидата создает вероятность бóльшей частоты контактов с местными

¹⁵ Англ. *«friends and enemies effect»*.

избирателями [387, р. 680]. Избирателям уже может быть знакомо имя кандидата из местных СМИ или при наличии у него местного электорального опыта [242, р. 60; 383, р. 7]. Возможно, ЭДиС возникает в первую очередь именно из-за положения избирателя в сложных сетях межличностных коммуникаций и неравномерного распространения информации в пространстве, которое и создает неравномерное распределение поддержки политиков [139, р. 486]. Асимметричность этих сетей может создавать неравномерное воздействие эффекта в разных направлениях от его источника.

Вторая группа факторов дает объяснение, почему избиратель, знающий о географическом происхождении кандидата, с большей или меньшей вероятностью проголосует за него. Некоторые руководствуются логикой *«pork barrel politics»*, т. е. рассчитывают, что политик будет больше внимания уделять интересам своей электоральной базы, даже если это потребует от него конфликта с собственной партией [203, р. 485]. Местное происхождение делает избранных политиков более отчетливыми, ибо избирателям легче вознаграждать или наказывать их за отступление от местных интересов, а партиям сложнее контролировать своих депутатов с сильными личными базами поддержки [237, р. 73; 412, р. 218]. При этом избиратели могут действовать, и не исходя из чисто «корыстных» интересов — им может быть достаточно уверенности, что избранный политик знает о существовании их локальных проблем, а местный кандидат для этого подходит лучше других [289, р. 2].

Другой фактор — доверие. Избиратели часто голосуют за тех, кто по каким-либо личным характеристикам похож на них [185, р. 655]. Происхождение из одного района — один из таких видов близости, создающих доверие и понимание между избирателем и избираемым [191, р. 238; 359, р. 258]. Р. Пиличек назвал это *«общей географией»*¹⁶ [363, р. 236], которая может подстегивать местную идентичность и местный патриотизм [171, р. 3; 227, р. 7; 353, р. 878]. ЭДиС — своего рода проявление *«лояльности к территории»*, которой *«избиратели придают личные чувства, самоуважение и политический смысл»* [228, р. 19].

Разделяя кандидатов на категории «мы» и «они», избиратели определяют, за каких кандидатов голосовать. Одной из таких категорий может быть их принадлежность к одному району, и голосование за местного кандидата — способ выбора *«одного из нас»* (*«внутригрупповой фаворитизм»*) [345, р. 6]. Для расширения

¹⁶ Или *«коллективной/разделяемой [членами сообщества] географией»* — англ. *«shared geography»*.

«электоральной коалиции» кандидату необходимо преодолеть барьер партийного восприятия, что можно достичь посредством апелляции к «местному стилю», поддерживая «разговор на местном языке»¹⁷ и о местных проблемах [339, р. 658]. В итоге «он [местный кандидат] получает поддержку не за то, за что он выступает, или из-за своих способностей, а из-за того, где он живет» [265, р. 37].

Данный эффект распространяется и на лидеров партий или иных известных их представителей, что дает партии дополнительные голоса [147, р. 663; 183, р. 4]. К тому же эффект от одного кандидата передается другим [35, с. 40]. Если одновременно проходит несколько выборов, ЭДиС одного кандидата окажет воздействие на голосование и за его однопартийца [372, р. 7]. Иногда использование локализма в виде ЭДиС становится осознанной стратегией партий — при прочих равных они предпочитают кандидатов с сильными «местными корнями» [496, р. 283].

Отметим также существование двух уровней ЭДиС: локального и регионального [109, р. 17]. Первое иногда ограничено буквально друзьями, родственниками и соседями. Подобное особенно свойственно кандидатам с крайне низким уровнем поддержки, а эффект виден лишь на одном или нескольких соседних избирательных участках. Второй вид более глобальный, так как распространяется на большие дистанции. Расстояние может рассматриваться не только как географическое, но и как институциональное. Избиратели во всех частях одной провинции/области/штата имеют больше мотивации голосовать за местного кандидата вне зависимости от фактического расстояния до его дома, так как в любой точке этой административной единицы он может восприниматься как «свой» [131, р. 2]. К тому же избиратели редко обладают информацией о точном географическом происхождении кандидата и обычно ограничены знанием о его родном регионе или городе. Расстояние перестает быть непрерывным, сменяясь бинарным различием между принадлежностью и не принадлежностью к определенному населенному пункту или области с их конкретными названиями и границами [129, р. 309; 338, р. 305].

¹⁷ Англ. «*talking local*».

Эффект соседства

«Эффект соседства»¹⁸, «эффект заражения», «эффект территориальной солидарности», «кластерный эффект», «эффект окружения», «социального большинства» или «конформизма» — фундамент контекстуального подхода в электоральной географии [109, с. 17; 1, с. 185; 247, р. 286; 391, р. 98]. Общее понимание данного эффекта заключается в зависимости поддержки какой-либо политической силы в регионе от результатов голосования в соседних [39, с. 91]. Однако в такой формулировке механизм эффекта труднодоказуем и неочевиден.

Гораздо заметнее эффект действует на локальном уровне — часть избирателей в бóльшей степени склонна голосовать за политическую силу, пользующуюся подавляющей поддержкой среди представителей сообщества, куда входят эти избиратели [462, р. 17]. Сообщество — важная референтная группа для индивида, которому обычно свойственно желание соответствовать нормам, принятым в этом сообществе. Особенно это важно при голосовании, если у данного сообщества существует явная политическая идентичность, связанная с той или иной политической силой [148, р. 28]. Местоположение избирателя в сложных стохастических сетях межличностных коммуникаций влияет на получаемую информацию и как следствие на принятие решений [167, р. 82] — *«социальный состав местности создает предвзятый контекст, который формирует то, как люди думают о политике»* [144, р. 632].

Например, в одном из первых исследований, в котором был отмечен данный эффект, Г. Тингстен указывал на разницу в электоральных предпочтениях промышленных рабочих, проживающих в разных районах Стокгольма. Рабочие в районах, где эта группа избирателей доминировала, массово поддерживали Социал-демократическую партию и прочие социалистические. В то же время такие же рабочие в районах, где значительную долю составлял средний класс, для которого не была свойственна поддержка левых партий, тоже голосовали за социалистов, но в меньшей степени [422, р. 55]. Существует «кумулятивный эффект» увеличения доли какой-либо группы избирателей на голосование [243, р. 369].

Причина формирования такого эффекта — общение и конформизм. Например, в первом полноценном исследовании эффекта соседства, проведённом Р. Хакфельдтом и Дж. Спрейгом в Саут-Бенде (Индиана) в начале 1990-х гг., выводы

¹⁸ Не путать с «эффектом друзей и соседей» (оба названия вполне устоявшиеся).

которого уже нельзя назвать спекулятивными, проводились опросы избирателей не только на предмет их политических предпочтений, но и о людях, с которыми респонденты обсуждали политику. Закономерный результат — приверженцы сходных политических взглядов кластеризуются в этих сетях межличностных коммуникаций [225, р. 51]. При увеличении доли сторонников одной партии в структуре электората какого-либо района растёт и их доля в структуре друзей и знакомых среди сторонников другой партии [373, р. 643; 435, р. 101]. Их явное преобладание в сообществе создаёт у части избирателей ощущение, что поддержка соответствующей политической силы — единственное разумное решение на выборах, ибо большая часть их окружения придерживается соответствующих позиций [390, р. 223].

Классический пример — гомогенизация электоральных предпочтений небольшой закрытой группы избирателей с сильными внутренними связями. Данный эффект наблюдал Т. Ньюкомб в рамках исследования политических предпочтений студентов Беннингтонского колледжа в первой половине и середине XX в. По мере обучения, их политические взгляды менялись с типичных для их семей (богатых консервативных республиканцев) на более либеральные, соответствующие норме, доминирующей среди молодых преподавателей и в студенческой среде выпускников. Высокая степень интеграции в сообщество приводила к более сильной конвергенции политических взглядов, которые закреплялись почти на всю жизнь [341, р. 41].

Больше всего данному эффекту, как и остальным контекстуальным факторам, подвержены не идеологизированные сторонники той или иной политической силы, а колеблющиеся избиратели. Например, в исследовании Р. Джонстона и Ч. Патти (по Великобритании) приведён следующий результат: такие колеблющиеся избиратели в 3–10 раз чаще поддерживали ту партию, поддержка которой доминировала среди их собеседников перед выборами, чем избиратели, которые таких собеседников не имели [360, р. 49]. Кратко данную формулу обозначил У. Миллер: «люди, общающиеся друг с другом, голосуют сходным образом»¹⁹ [332, р. 65]. Влияние контекста создаёт гетерогенность во влиянии композиционных факторов (дифференциации пространства по какому-либо показателю) — сила воздействия, например, фактора образования будет различаться от места к месту.

¹⁹ Англ. «*People who talk together vote together*».

Пространственные различия в электоральных предпочтениях избирателей возникают из-за комплекса причин: разной структуры электората, контекстуальных факторов, институциональных условий, накапливающихся в течение длительного времени. Все они воздействуют на электоральные процессы в целом и на частные результаты голосований в совокупности, усиливая, ослабляя и видоизменяя эффекты друг друга [178, р. 9]. Описанные факторы действуют на «подстилающей поверхности» пространственно гетерогенной структуры электората, а «сверху» подвержены влиянию глобальных факторов, например, неравномерности интеграции территории страны в глобальную экономику.

Электорально-географические концепции существуют не в вакууме и тесно связаны и иногда прямо проистекают из других общегеографических или социологических. Пространственные взаимодействия различных акторов соответствуют ограниченному ряду моделей. Одна из них — «теория близости» (англ. *«proximity»*), популяризированная голландским географом Р. Бошмой. Эта концепция анализирует потенциал взаимодействия различных акторов, учитывая некоторые их характеристики (положение в пространстве и др.). Р. Бошма выделил пять форм близости: 1) географическую (пространственную) — расстояние между объектами; 2) социальную — социальный капитал и связи; 3) институциональную — схожесть институтов как норм и правил; 4) организационную — принадлежность к одной структуре; 5) когнитивную — сходство систем ценностей, мировоззрения [136, р. 63].

Взаимодействия избирателей и политиков можно разложить на такие же типы. Композиционные факторы — следствие социального и когнитивного видов близости. Эффект друзей и соседей — в чистом виде географическая близость между кандидатом и избирателем. А. Торре, представитель «Французской школы», выделял ещё (6) временную близость, создающуюся на короткое время [424, р. 876]. Её проекция в электоральной географии — эффект избирательной кампании — пространственное влияние адаптации политическими акторами своей повестки к местному контексту. Подробно эффект в работе не рассмотрен из-за отсутствия в научной литературе подтверждений и метрик его значимого влияния. Подробно не рассмотрен и весьма спекулятивный эффект «проблемного голосования», возникающий из-за гетерогенности восприятия избирателями ключевых текущих политических вопросов.

Эффект друзей и соседей и (отчасти) эффект соседства — следствия т. н. «первого закона географии» («закон Тоблера»): *«всё связано со всем, но более близкие объекты связаны сильнее»*²⁰ [423, р. 234]. Закон в целом трансформировался от понимания расстояния как «евклидова» к более сложным его интерпретациям, но в случае ЭДиС «закон Тоблера» работает буквально: более близкие (географически) к кандидату избиратели с большей вероятностью отдают голоса за него. Почти такой же механизм у одной из форм «диффузии инноваций» по Т. Хегерстранду [198, р. 7].

Основные факторы, влияющие на пространственную гетерогенность электоральных предпочтений и поведения избирателей, приведены в таблице 1.1. Существуют и иные факторы, например, ретроспективное голосование, аффективная поляризация, «линейное голосование» [246, р. 193; 266, р. 17], а также институциональные факторы: избирательная система, законодательство в целом и неформальные правила, которые можно обобщить в понятие политической культуры — столь же неконкретное и непрозрачное, сколь и универсальное [31, с. 40; 175, р. 270]. Однако их влияние (кроме политической культуры) на географию выборов вторично.

Таблица 1.1. — Факторы дифференциации электорального пространства

Фактор		Характеристика: влияние...	Масштаб влияния
Композиционные	поколенческий	пространственной сегрегации избирателей или их групп с разным политическим опытом, потребностями, ценностями, интересами, идентичностями и статусами	субрегиональный и локальный
	возрастной		
	образовательный		
	статусный		полимасштабный
	этнический		
	лингвистический		
	конфессиональный		
	экономический		локальный
гендерный			
Контекстуальные	эффект друзей и соседей	места рождения и длительности политика на географию его поддержки	региональный и локальный
	эффект соседства	взаимодействия носителей разных политических мировоззрений в пространстве	
	полит. регионализм	политизации места проживания избирателя на его электоральное поведение	региональный
	полит. локализм	приоритета местных (локальных) проблем и представительства над иными вопросами	локальный
	эффект проблемного голосования	гетерогенности восприятия избирателями ключевых политических вопросов	
	эффект избирательной кампании	адаптации политическими акторами своей повестки к местным условиям	
Институциональные	избирательная система	условий проведения выборов на структуру и стратегии политических акторов	полимасштабный
	неформальный	политической культуры, традиций	
	рестриктивный	формальных ограничений на территориальную деятельность политических акторов	региональный и локальный

Источник: составлено автором

²⁰ Англ. «everything is related to everything else, but near things are more related than distant things».

1.2.3. Масштабные уровни влияния электоральных факторов

В электорально-географических исследованиях часто используются данные разных уровней агрегации (административного деления, избирательных округов и участков), нередко анализируются процессы, влияющие на результаты выборов и имеющие пространственное выражение на каком-то из масштабных уровней (локальном, региональном, национальном). Однако одно лишь это не делает их полимасштабными из-за ограниченности в большинстве случаев только одним уровнем. Тем более редки случаи полноценной концептуализации полимасштабного принципа в электоральной географии — разная выраженность факторов, влияющих на результаты выборов, на разных уровнях очевидна и нередко проговаривается, однако почти не учитывается в методике исследований.

Заметное исключение — подход Дж. Эгню, три составляющие которого напрямую связывают полимасштабность и электоральную географию. Первый элемент его подхода — контекстуальный, который уже был подробно рассмотрен в предыдущих разделах. Основные факторы контекстуального подхода были известны и концептуализированы до Эгню, однако им была добавлена существенная деталь. Решения избирателей при голосовании не просто нельзя объяснить лишь их личными характеристиками или добавлением к ним факторов соседства, кандидата, локализма и кампании, это полноценное объяснение может проистекать только из анализа конкретного места как пересечения разных масштабов [120, p. 38–43].

Для этого вводится второй элемент — место, состоящее из: 1) локальности как масштаба формирования и поддержания основных социальных связей избирателя; 2) местоположения как отношения между областью проживания избирателя и глобальными, национальными и региональными процессами; и 3) чувства места как субъективной связи избирателя с «его» территорией [120, p. 27–29]. Контекст, свойства места — значимая для избирателя часть среды, набор объектов и образов, связи с которыми важны для него и определяют его политическое мировоззрение.

Третий элемент, венчающий контекстуальный подход по Эгню, — масштабная дифференциация или пространственная медиация места. Политические явления и конкретно выборы — сложные процессы, в ходе которых различные стимулы «просеиваются» через иерархию масштабов, влияющих на избирателя [120, p. 44–45].

Это «просеивание» происходит из-за разной значимости для избирателя явлений разных уровней, причём оценивается она не только в моменте, но в условиях разных временных масштабов каждого из явлений. Полимасштабность свойственна не только пространству, но и времени — анализируемые процессы имеют разную выраженность в разные периоды, несовпадающие «сроки жизни», скорости воздействия и изменений, глубину воздействия и инерцию в зависимости от перечисленных параметров. Например, Ф. Бродель выделял три ритма времени: 1) короткий — время отдельных событий; 2) средний или время конъюнктур — циклические процессы, например, экономические; 3) долгий — время структур, формирующихся под действием инертных процессов и явлений, растянутых на длительные периоды и иногда кажущихся вечными [141, р. 4–6].

Применим такой подход и к политике. Для явлений политической культуры свойственно «долгое время» — в этом ритме живут политическое сознание, опыт, архетипы, традиции, ценности, структуры, метанарративы и иные институты. Карьеры политиков, поведение и привычки поколенческих когорт избирателей, текущая интерпретация и место на политическом спектре отдельных идеологических систем относятся к «среднему времени», подвижному и иногда циклическому. Электоральные предпочтения избирателя на отдельных выборах, аффективные реакции, события избирательной кампании, действия политиков и избирателей в этих условиях — явления «короткого времени», изменчивые и эфемерные. Причём последние вполне могут быть проявлениями долгих «тектонических» процессов и весьма значимыми для определения структурных особенностей рассматриваемых объектов.

Сказываются эти различия в ритмах и на свойствах объектов, находящихся под влиянием политических процессов. Следовательно, структуры, порождаемые разными факторами дифференциации электорального пространства, могут существовать «в разных временах». Например, различия в результатах выборов, обусловленные политической культурой, могут быть заметны на протяжении столетий, составом электората — десятилетий, условиями текущего политического момента — нескольких лет. Разные факторы дифференциации электорального пространства по-разному взаимодействуют со временем и действуют на разных масштабных (географически) уровнях, что позволяет составить схему оптимизации знания об этом пространстве с опорой на качественную гетерогенность свойственных ему явлений.

Глава 2. Методика исследования и районообразование в Республике Корея

2.1. Методика электорального районирования

В параграфах 1.1.2. и 1.1.3. были разобраны существующие подходы к политико-географическому и электоральному районированию. Все они в той или иной степени подходят для целей настоящей диссертации, однако обладают рядом изъянов, которые оставляют актуальной задачу разработки методики электорального районирования, применимую и для конкретной задачи структуризации электорального пространства Республики Корея, и, возможно, для сравнительных исследований. Предлагаемая методика основывается на дихотомии двух взглядов на исследовательское поле электоральной географии, обозначенных в первой главе. В значительной степени систематизация знания об исследованиях выборов была проведена в таком виде именно для упорядочивания методической части работы.

2.1.1. Полимасштабная структура электорального пространства

В настоящей работе под электоральным районированием понимается систематизация и интерпретация знания об электоральном пространстве посредством его расщепления на дискретные территориальные отдельности (районы), обладающие цельностью, внутренней гомогенностью, связностью, уникальностью, сонаправленностью развития отдельных их частей, похожей реакцией на политические изменения в различных сочетаниях на нескольких масштабных уровнях и в ряде временных состояний — тот самый *«разумный порядок, вносимый в пёструю картину среды»*, по Д. Л. Арманду [12, с. 116]. Характеристики района²¹ могут дополняться не необходимыми, но достаточными для обособления соответствующей территориальной части электората в некую отдельность свойствами, например, наличием у местных избирателей специфичной идентичности. Районирование, по мнению автора, не есть аналог классификации в географии — типологическое районирование и районы-ареалы допускается, но уступают индивидуальному районированию.

Используемый подход — сочетание нескольких уже существующих: подхода Дж. Эгню, противопоставлявшего статичные поведенческие электорально-географические модели интерпретации политических процессов через полимасштабную призму местного контекста, в котором пространство — активный актор процессов,

²¹ Здесь и далее район в подавляющем большинстве случаев используется в значении электорального района.

а не их пассивный фон [119, р. 129]; Л. В. Смирнягина, понимавшего под районом «одну из частей территории, на которой в местной природной среде по ходу исторического развития сложилась территориальная общность людей, обладающая определённой степенью регионального самосознания» [95, с. 9]; К. Э. Аксёнова, определившего районирование как «процесс выявления, упорядочения, классификации и интерпретации пространственных сходств и различий» [2, с. 113]; пространственно-временного подхода, позволяющего выделять системы, где «одновременно и пространственные, и временные свойства элементов способны менять сущность образующих систему явлений и процессов, связанных с географической оболочкой» [5, с. 13]. Для оценки качества их синтеза определим четыре критерия:

1. Простота. Упорядочивание информации об электоральном пространстве с целью его анализа и объяснения должна упрощать, а не усложнять разнообразие имеющихся фактов. Качественно различающиеся факторы не следует смешивать с рядоположенными объектами — это повышает сложность схемы. Полученная минималистичная схема не должна «плодить» сущности, необязательные для систематизации. Упорядоченное в виде районов знание не должно требовать ещё одного упрощения для работы с ним кого-то, кроме автора исходного районирования.

2. Гибкость. Сложность, противоречащая остальным критериям. Электоральное районирование относится к частным, а не интегральным, имея дело с относительной небольшой областью человеческой деятельности. Однако электоральное пространство — сложный объект, требующий сложносочинённого подхода, обеспечивающего адекватность²² упрощения. Поэтому данный подход не может сводиться к фиксированному набору простых механических операций. Аккуратное балансирование данного критерия с остальными — самая сложная задача при районировании.

3. Наглядность. Полученная схема районов должна выглядеть логичным упрощением даже без необходимости для наблюдателя проводить длительную работу с первичным материалом и тонкостями методики. Конкретный критерий — наличие наглядных структур, соответствующих явным «артефактам» на обычных электоральных картах, отражающих базовые показатели результатов выборов. Данный критерий можно назвать практической применимостью — полезностью в работе с новым материалом и адекватностью этим материалам.

²²Или «точность», хотя это слово плохо применимо к подобным операциям.

4. Универсальность. Сочетания первого и третьего критерия должны обеспечивать воспроизводимость операции и позволять проводить сравнения с другими странами. Предлагаемый каким-либо автором метод районирования — один из возможных инструментов не только для упорядочивания и производства уникалистского страноведческого знания, но и для компаративистских исследований.

В любом случае ищется баланс между универсализмом и уникализмом — конкретная методика разрабатывается на основе материалов малого количества стран (а то и всего одной) и с ограниченным опытом — избыточная универсальность снижает точность в конкретном случае; гибкостью с одной стороны, простотой, воспроизводимостью и наглядностью — с другой. Точное соответствие одному критерию неизбежно снижает адекватность другому.

Лучше всего существующие электорально-географические подходы применимы для определения «ядер типичности», например, как *«территорий с действительно ярко выраженными электоральными доминантами (когда партия имеет поддержку 2/3 избирателей, а то и 80–90%)»* [109, с. 10] и некоторых чётких границ. Это необходимая, но не достаточная для районирования операция, с которой может начинаться работа над систематизацией знания об электоральном пространстве.

В предлагаемом подходе к электоральному районированию предполагается существование масштабных уровней наибольшего влияния на электоральные процессы различных групп факторов. По Н. В. Гришину, *«при рассмотрении детерминант электорального поведения не оправдан редукционизм к какому-либо одному определяющему условию... Необоснованными представляются попытки найти универсальную комбинацию детерминирующих факторов, определяющих особенности электорального поведения на разных территориях и на разных уровнях генерализации. Иерархия факторов, детерминирующих электоральные ориентации, имеет условный и «усредненный» характер. Существующая иерархия детерминирующих электоральное поведение факторов меняется в зависимости от региона и от уровня генерализации»* [31, с. 23]. Каждый из электоральных процессов, явлений и факторов имеет свой масштаб «наиболее эффективного действия» (по Д. Харви) в структурировании исследуемых объектов — уровень агрегации данных (региональный, субрегиональный, локальный и др.), на котором данный фактор имеет максимальную относительную объяснительную силу.

Логичным будет наделение каждого такого масштабного «этажа» своим уровнем районов, выделяемых, исходя в основном из доминирующих на этом «этаже» факторов. Это позволяет избежать смешения разных принципов при работе с конкретными районами и их границами, что повышает прозрачность работы, её воспроизводимость и верификацию. Каждый уровень районов имеет свои особенности, с которыми до определённого момента можно работать в отрыве от других «этажей» электорального пространства, фокусируясь только на тех факторах, которые важны именно в выбранной его части. Важно, что полноценная интерпретация наполнения отдельных районов из полученной многоуровневой сетки невозможна в отрыве от всей системы, так как некоторые свойства интегрального электорального пространства, заключённого в пределах района, имеют более широкое значение как факторы, определяющие конфигурацию и «идею» районов других уровней.

Однородность обширной территории по количественному показателю, влияющему на результаты выборов, например, уровню образования, возрастной структуре электората — нечастое явление, поэтому обособление крупных районов на выборах — следствие более комплексных причин, создающих фундамент для качественных различий, которые, на первый взгляд, могут быть не видны из-за явных внутренних количественных различий. Таким фундаментом может быть региональная политическая культура, «спаивающая» гетерогенный электорат схожим электоральным поведением. Количественные предикторы электоральных предпочтений избирателей гораздо важнее при формировании территориальных структур на среднем масштабном уровне. Именно они становятся генезисом центр-периферийных расколов в большинстве стран, например, в случае России, по Н. В. Гришину, их основные предикторы на субрегиональном уровне — урбанистический и этнический факторы [31, с. 32–34, 163–165]. На локальном уровне набор факторов сложнее — небольшие аномалии могут создаваться любыми их сочетаниями.

Выделим пять иерархических уровней электоральных районов: макро- и мезорайоны, районы, под- и микрорайоны. Макрорайоны и районы — основные уровни, покрывающие всю территорию страны без лагун. Микрорайоны — уровень локальных электоральных аномалий. Мезо- и подрайоны — промежуточные уровни. Границы районов нижних иерархических уровней обычно «вложены» в границы районов верхних уровней. Районы разных уровней различаются не только

размерами, но и принципами разграничения, содержанием, внутренней сложностью и особенностями своих временных состояний — районы каждого уровня «живут» в своём ритме. Ключевые параметры, через которые можно определить данные различия — соотношение на данном уровне влияния композиционных и контекстуальных факторов дифференциации электорального пространства (рис. 2.1).

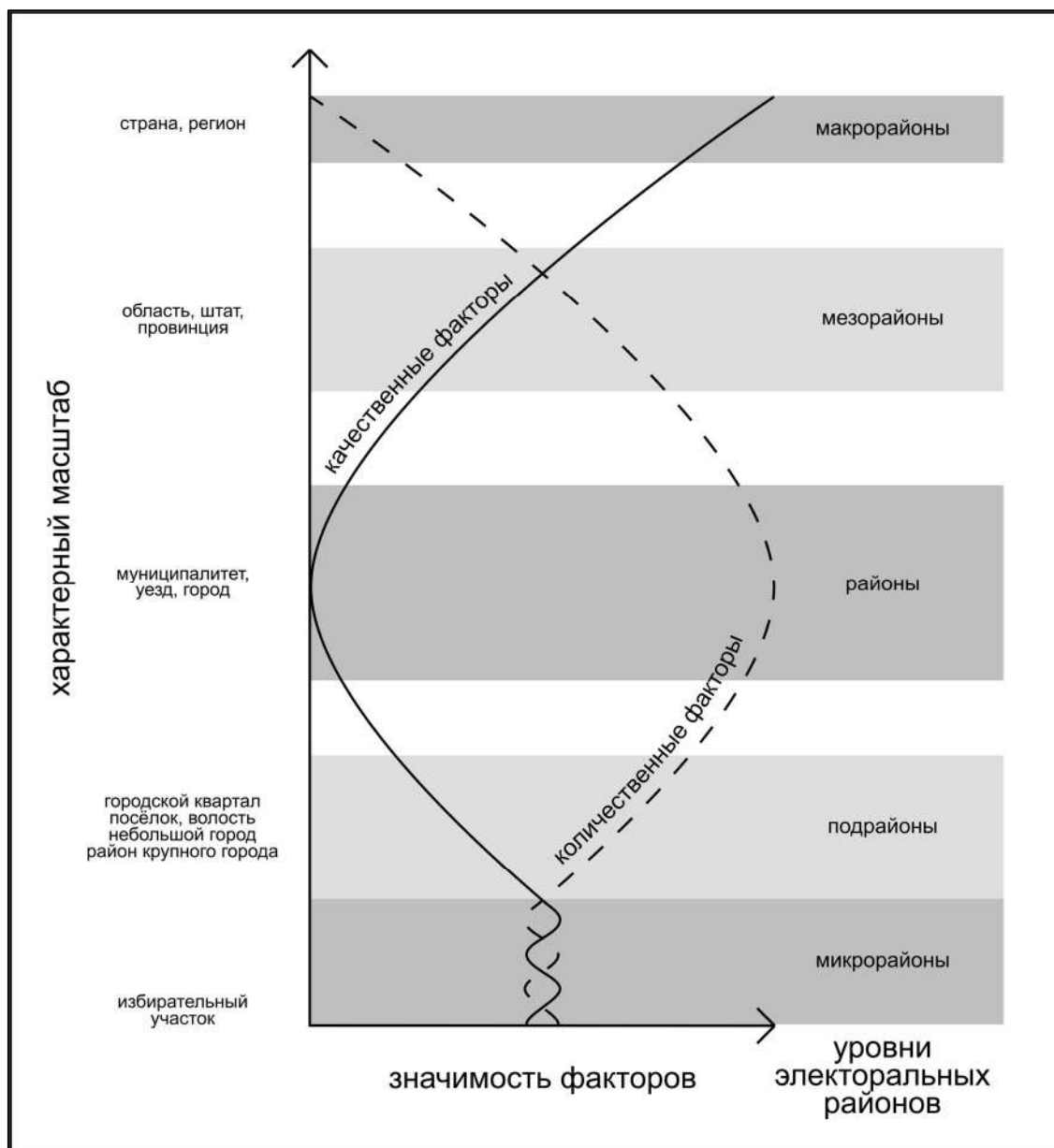

Рисунок 2.1. — Схема масштабных уровней электорального районирования

Источник: составлено автором

Данная схема отталкивается в первую очередь от определения масштабных уровней наиболее сильного действия основных процессов и факторов, а не от конкретных уровней поддержки разных политических сил. Обычно делается

наоборот — рассматриваются территориальные отдельности, выделенные на основании их внутренней однородности по количественным показателям, тогда как факторы, определяющие эти результаты, появляются лишь при объяснении межрайонных различий. Опора в первую очередь на факторы дифференциации электорального пространства упорядочивает сам процесс районирования за счёт индуктивного выстраивания процесса от известного к неизвестному, а не наоборот.

Вторая особенность предложенного метода — систематизация знания об электоральном пространстве не посредством анализа текущего результата его эволюции, а через наложение ряда состояний, полученных вследствие воздействия на него сменяющихся друг друга процессов, имеющих разные формы своего территориального выражения (в виде сетей разного масштаба и типа, системы однородных районов и др.). Следовательно, бессмысленна работа с каким-либо отдельным районом не только вне всей остальной полимасштабной структуры, но и вне структуры временных состояний соответствующей части электорального пространства. В итоге районы — пространственно-временные, а не только пространственные системы.

Структура районов должна учитывать изменчивость состояний электорального пространства, в первую очередь главного (для поставленной задачи) его свойства — районированности. Следовательно, первым этапом работы должна быть периодизация истории развития электорального пространства с фокусом именно на этот его параметр для выделения «электоральных эпох» как периодов времени, в которых территориальные структуры на выборах стабильны. В наиболее обобщённом виде эта периодизация может выглядеть как сменяющиеся друг друга состояния, в которых электоральное пространство более или менее «очевидным» образом обобщено посредством электоральных районов [248, p. 266].

Макрорайоны

Электоральные макрорайоны — обширные области, для которых характерна специфичная региональная политическая культура, обеспечивающая качественное единство района «*в способе восприятия политической деятельности, способе её оценки и, как следствие, способе [политического] действия*» [20, с. 139], но не обязательно сочетающаяся с внутренней гомогенностью результирующих голосований. Пространство внутри макрорайона объединяет общий «стиль» политических

действий, отношения к политике, восприятия политических процессов и событий, то, как «устроена политическая жизнь» и, продолжая метафору И. М. Бусыгиной, как «идут [политические] часы». Сходство в электоральном поведении — качественный признак, не гарантирующий сходство в электоральных предпочтениях. Пространство выступает не в роли пассивного вместилища пространственной неоднородности электоральных процессов, а как один из ключевых факторов этих процессов. Это районы в узком смысле слова — части территории, обладающие внутренней связностью компонентов, единством, целостностью и индивидуальностью [96, с. 200].

Например, для всего макрорайона может быть свойственна высокая степень политизации, естественным следствием которой зачастую возникает повышенный уровень поляризации. Поляризация может иметь и территориальное выражение, что приведёт к соседству внутри одного макрорайона территорий с полярными электоральными предпочтениями, но схожим «политическим духом». Другой пример — макрорайон, сочетания различных особенностей которого сформировали крайне низкий, относительно других частей страны, уровень доверия к большинству институтов, в т. ч. политических. Это качественный признак, принципиально отличающий местный политический контекст от остальных, но не гарантирующий гомогенности в том, за какие именно политические силы будут массово голосовать избиратели разных частей макрорайона. К таким же признакам может относиться степень конкурентности выборов, их приоритетность, например, безальтернативность в сочетании с политической борьбой внутри одной партии или политического лагеря. Иной случай, характерный в основном для авторитарных режимов, — наличие районов с бóльшим, чем в других, административным контролем над выборами.

При этом макрорайоны нельзя назвать «очевидными» территориальными отдельностями, так как куда чаще (и логичнее) внимание привлекают именно количественные различия в том, за кого голосует большинство избирателей какой-либо территории. Здесь может отсутствовать единство в данном вопросе, так как приоритизируются менее явные, но более значимые для систематизации знания об электоральном пространстве особенности. Эти особенности порождаются палимпсестом²³ накапливающихся в ходе политического, социального и экономического развития

²³ Текст на пергаменте, написанный поверх стёртых ранее, из-за чего на пергаменте остаются и накапливаются следы и наслоения предыдущих текстов.

свойств соответствующей территориальной общности людей. Например, из-за пребывания территории данного макрорайона в составе отдельного государства, что впоследствии накладывает специфичный институциональный «отпечаток». В предельном случае, обычно в больших государствах, электоральный макрорайон соответствует одной из стран, существующих в пределах данного государства.

Пример — Восточная Германия, для электората которой свойственен пониженный уровень межличностного доверия и доверия к любым институтам (в т. ч. политическим партиям, правительствам, СМИ), социального капитала, участия в политике во всех форматах, персонифицированный и эмоциональный взгляд на политику, локализм, антиконформизм, протестность и радикализм в голосованиях. Значительная часть указанных особенностей — постсоциалистическое наследие ГДР.

Другой случай — Северная Ирландия, Уэльс и Шотландия в Великобритании. Здесь макрорайонная специфика заключается в стратегии, массово используемой местными избирателями и политиками на выборах. В трёх указанных регионах это регионалистская стратегия, структурирующая электоральные расколы внутри этих частей страны иным образом, чем в Англии. В других случаях этнический или конфессиональный факторы могут быть сильнее регионального, однако всё равно будут порождать качественные различия в электоральном поведении избирателей в разных частях страны. Таким образом обособляются некоторые периферийные области Таиланда (Исан и Север) и Мьянмы (Шан, Качин, Ракхайн), мусульманские районы Малайзии, Белуджистан и Хайбер-Пахтунхва в Пакистане, Курдистан в Ираке и Турции, Квебек в Канаде, составные части Боснии и Герцеговины и др.

Более сложные сочетания различных факторов приводят к подобному качественному обособлению более сложных регионов и региональных сообществ. Один из наиболее известных случаев — Юг США, политическая культура которого существенно отличается от распространённой в других частях страны. Причём внутри Юга могут быть области, в которых электоральные предпочтения (в виде уровней поддержки, получаемых основными кандидатами на выборах) избирателей будут ближе к показателям в районах за пределами Юга — цельность макрорайона обеспечивается единством политической культуры, а не частных количественных признаков. Схожие случаи наблюдаются в Боливии и Польше (запад и восток), в меньшей степени в Италии, Испании и Японии (север и юг) и др.

Мезорайоны

Внутри макрорайона могут быть районы с полярными электоральными предпочтениями, но единой политической культурой. Такие районы отнесём на второй уровень районирования — мезорайонный. Описанной ситуации может и не быть, поэтому мезорайоны — лишь вспомогательный уровень. В других случаях мезорайонная специфика может присутствовать только в одной из частей макрорайона, а остальную его часть можно считать ядром, которое не требуется обособлять в отдельный мезорайон. Зачастую мезорайоны — краевые части макрорайонов, качественных отличий которых от ядра недостаточно, чтобы наделить их статусом отдельного макрорайона.

Пример — Бавария, выделяющаяся на фоне остальных западногерманских земель, в т. ч. и на уровне партийной системы (ХСС), но качественное своеобразие политической культуры которой менее значительно в сравнении с восточногерманскими землями. Этот пример — хорошая иллюстрация эфемерности данного уровня районирования. Любой мезорайон — «почти» макрорайон, который, в зависимости от решения автора районирования, может быть наделён или лишён этого статуса из-за весьма субъективной оценки его своеобразия как недостаточного.

На рис 2.1. линия, соответствующая положению мезорайонов, изображена в виде широкой полосы, допускающей отнесение к мезорайонам как более, так и менее качественно своеобразных или явно выделяющихся количественно районов. Однако важная черта мезорайона, которой может и не быть у макрорайона, — наличие явных количественных отличий в том, за кого именно и с какой «силой» голосуют местные избиратели. Такое расплывчатое положение уровня мезорайонов — следствие несоответствия дискретизации масштабов конкретному положению отдельных мезорайонов на континуальной масштабной линейке. Полимасштабный подход учитывает это и допускает движение между «ступенями/этажами», из-за чего *«границная линия вырастет в полосу с укрупнением масштаба, приближением к истинным размерам местности и проявлением её деталей; масса мелких дискретных объектов сольется в сплошной ареал при движении обратно»* [102, с. 52].

Другой критерий, различающий макро- и мезорайоны, — внутренняя структура. Макрорайон — сложносоставной объект, обычно включающий в себя множество крупных территориальных отдельных видов. Мезорайон более

гомогенен с точки зрения факторов, определяющих его внутреннюю структуру. Типичный инвариант этой структуры — центр-периферийный раскол. В разных мезорайонах одного макрорайона он будет наполнен разным содержанием. На следующем масштабном уровне — «этаже» электорального пространства — резко нарастает гомогенность территории по всем показателям, а внутренняя структура районов нижних уровней либо отсутствует, либо нерегулярна, либо крайне слаба в сравнении с межрайонными различиями.

В упрощённом виде это может выглядеть так: в одном случае электоральной базой политической силы (А) будут центральные районы мезорайона (области её стабильно высокой поддержки), её ключевого оппонента (В) — периферийные, а ряда малых партий/кандидатов (Б) — полупериферийные районы. В соседнем мезорайоне при внешне той же структуре будет наблюдаться инверсия её наполнения: политическая сила А будет более популярна на периферии, тогда как Б и В — в центральных районах (рис. 2.2.). Именно такие особенности в значительной степени определяют количественное своеобразие мезорайона и отличают его от соседних, обладающих схожей политической культурой, небольшие мезорайонные вариации которой и обеспечивают такие инверсии. Граница мезорайонов — место смены направления или силы действия ключевых факторов, обуславливающих внутрирайонную электоральную дифференциацию.

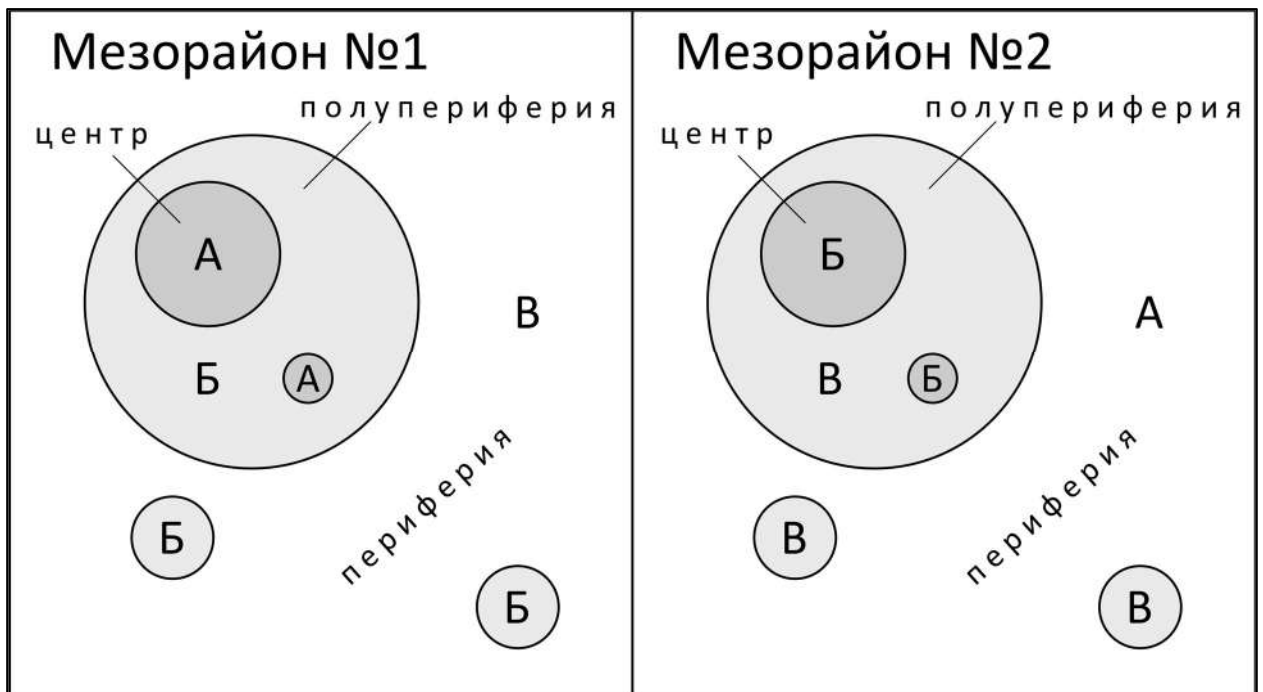

Рисунок 2.2. — Варианты внутренней центр-периферийной структуры мезорайона

Источник: составлено автором

Центр-периферийная структура мезорайонов почти универсальна, так как встречается на выборах в подавляющем большинстве стран, где они есть и «реальны». Различаются лишь принципы определения центров и положения электоральных баз политических сил в этой структуре. Исключения — разве что микросоюда, где почти нет внутренней дифференциации или она не укладывается в центр-периферийную модель, и государства-архипелаги (тоже иногда микро), где центр-периферийная структура может быть отличной от привычной «сухопутной» географии.

Мезорайоны в такой схеме районирования обладают парадоксальной природой. С одной стороны, это вспомогательный и встречающийся не всегда уровень районирования. С другой стороны, именно эти районы наилучшим образом удовлетворяют принципам, которым соответствуют «очевидные» районы, перечисленные некогда Дж. Хартом: *«лучший район — тот, который допускает как можно большее количество общих утверждений, прежде чем возникнет необходимость в отклонениях и исключениях... удовлетворяет наибольшему числу значимых критериев, применяя при этом наименьшее насилие по отношению к любому из них»* [204, р. 22]. Причина — сочетание важнейших качественных черт специфических политических культур и явной количественной аномальности результатов выборов. Именно мезорайоны зачастую фиксируются в сознании политических акторов, воспринимаются и используются как реальные объекты, например, при активации регионализма.

В целом факт наделения каких-то территориальных отдельных политическим смыслом тоже должен быть использован — «вернакулярное электоральное районирование». Эти явления не существуют вне общества — *«их существование в сознании отдельных людей объективируется тем, что представление о них присуще множеству людей и, будучи детерминировано общественной практикой этих людей, существует независимо от их желаний; тем самым происходит объективация индивидуального»* [95, с. 5]. Такой подход похож на уже почти забытую концепцию «смысла политического района», предложенную Р. Хартшорном, — отличительная черта, подтверждающая его существование, которую можно идентифицировать и измерить степень её принятия территориально для определения границ и «сплочённости» частей района [206, р. 117; 370, р. 299]. Наибольшее влияние этот фактор будет иметь именно на уровне мезорайонов — они вероятнее всего будут соответствовать «осмысленным политическим регионам», существующим в сознании людей.

Районы

Электоральные районы различаются количественно по результирующим голосований — уровням поддержки партий и кандидатов, явке и доле недействительных бюллетеней, а также из-за количественных различий в структуре электората, которые на данном масштабном уровне почти полностью определяют и территориальные различия в итогах выборов (рис. 2.1). Это районы в широком смысле слова — части территории, отличающиеся каким-либо свойством [96, с. 200]. На среднем масштабном уровне прием доминирующий в дисциплине подход — определим электоральный район в соответствии с уже ставшим традиционным и наиболее распространённым подходом, как область, зону или ареал с относительно высокими или низкими уровнями поддержки основных политических сил. Это снижает своеобразие получаемых районов, однако повышает наглядность итоговой сетки — явные (на картах) «электоральные рубежи» присутствуют и в сетке районов.

«Идеальный» электоральный район — однородный, с точки зрения основных электоральных показателей, ареал — базовая электорально-географическая единица. Любые существенные отклонения от стандартного для данного района соотношения электоральных показателей — аномалии, причина присутствия которых внутри районов — следствие ограничений исходной задачи, т. е. упрощения сложного континуального пространства до небольшого набора дискретных сущностей. Выделение малого количества районов приводит к сохранению их внутренней сложности, а значит и затруднительности их интерпретации. Другая крайность тоже снижает осмысленность районирования, так как количество получаемых районов слишком велико для восприятия. Любое промежуточное решение снижает выраженность обозначенных проблем, но не решает их полностью. Следовательно, при работе со средней или крупной страной и относительно небольшом количестве выделенных районов внутри них будет сохраняться заметная гетерогенность основных электоральных показателей. Эта проблема не так остра при типологическом районировании, допускающем отсутствие цельности (связности частей) и уникальности районов, однако в предельном случае разрушается сама осмысленность выделения этих крупных территориальных отдельных.

Ключевая проблема работы с электоральными районами среднего масштабного уровня — определение их границ. Здесь максимально влияние выбранного метода и взгляда исследователя. Если в случае с районами верхних уровней мы имеем дело с явными «региональными синдромами» и РПК, то на среднем уровне — с континуальным полем количественных показателей. Границы макро- и мезорайонов за редким исключением весьма чёткие, тогда как границы районов более градиентные и спекулятивные.

Отсюда следует ещё одно различие между районами разных уровней — разная степень их «объективности». Обычно ответ на вопрос об объективности районов постулируется автором районирования заранее, однако, как и в случае выбора между уникалистским и универсалистским подходами, такой подход видится скорее усложняющим, чем упрощающим работу, так как сознательно и значимо упускает сложность изучаемого объекта важные его особенности. Более практичным видится восприятие объективности районов через спектр, в котором присутствуют как более «реальные» или «очевидные», так и более субъективные районы. Мезорайоны обладают наибольшей «реальностью», макрорайоны — несколько меньшей, районы — минимальной, так как вводятся лишь в значении ареалов, областей или зон относительно высоких или низких уровней поддержки основных политических сил.

Количественный фактор при разграничении электоральных районов позволяет использовать математические методы для обработки и систематизации данных. К тому же их качественное своеобразие гораздо ниже, чем у районов других уровней — особенности региональных или локальных политических культур вынесены на прочие уровни районирования. Способов упорядочить пространство, обладающее десятками различных количественных измерений, множество — любые из них в той или иной степени применимы для выделения этих районов среднего масштабного уровня. Главное, чтобы набор этих зачастую механических операций наиболее эффективно снижал внутреннюю сложность полученных объектов при их относительно небольшом количестве.

Под- и микрорайоны

Электоральные под- и микрорайоны — самые низкие иерархические уровни электорального районирования, но от этого не менее важные, так как указывают на порой ключевые особенности электорального пространства страны. В пределах микрорайон ограничивается избирательным участком — наиболее дробным уровнем агрегации данных, — а подрайоны могут быть сопоставимы с районами по площади и численности избирателей. Их можно рассматривать как крупные электоральные аномалии внутри окружающих электоральных районов.

Подрайоны — более крупные и явные аномалии, нередко выделяющиеся по электоральным показателям больше, чем многие районы, однако отличающиеся от них качественным своеобразием местной политической культуры. Микрорайоны — более локальные электоральные аномалии, которые слишком малы для их обособления в районы или подрайоны, однако их специфика обеспечивает выделение на фоне соседних частей соответствующего района. Это наиболее эфемерные из выделяемых районов — они могут появляться и исчезать весьма быстро, ибо подвержены сильному влиянию любых непостоянных и слабых явлений. Де-факто лишь они — в полном смысле однородные районы и имеют важную особенность — не покрывают всё пространство («антилакуны»). Районы верхних уровней как следствие более масштабных, постоянных и глубоких процессов существуют дольше.

Для двух данных этажей районирования место снова, в отличие от районов среднего уровня, становится активным фактором политических процессов, а не пассивным их контейнером. В этом заключается принципиальная разница при, возможно, присутствующем внешнем сходстве. Для районов важнее композиционные факторы, тогда как для подрайонов и части микрорайонов — контекстуальные.

Подрайоны — промежуточный, вспомогательный и необязательный уровень, так как возникновение аномалий такого типа происходит в электоральном пространстве не любой страны. Этот уровень необходим для компенсации количественного «перекоса» в определении конфигурации электоральных районов в тех местах, где локализовано сильное влияние контекстуальных факторов. Как и у мезорайонов, соотношение разных факторов при формировании данных территориальных отдельных крайне вариативно (рис. 2.1). Зачастую это одни из самых «очевидных» районов, наделяемых особым политическим смыслом.

Не будет большим упрощением использовать следующий принцип: к электоральным под- и микрорайонам можно отнести любые аномалии, получающие данный статус из-за отклонения электоральных предпочтений избирателей в какой-либо области от доминирующих в соответствующем электоральном районе и которые невозможно объяснить с помощью классического для дисциплины композиционного подхода с небольшим количеством независимых переменных, имеющих высокую объяснительную силу для большинства электоральных районов.

Под электоральной аномалией понимается два варианта отклонения от нормы:

- Экстремум в распределении поддержки по территориальным ячейкам (избирательным участкам) — большие отклонения от средних значений в ту или иную сторону. У крупных и средних партий распределение участков по уровню поддержки близко к нормальному (стандартному), у малых партий большинство участков концентрируется в области минимальных значений, но существуют «выбросы» в зону более высоких значений. Аномалии — избирательные участки из таких выбросов. Однако крайне высокое или низкое значение электорального показателя может и не быть аномальным. Например, в случае концентрации в данной области «ядерного электората» какой-либо партии уровень её поддержки будет выше среднего. Такой результат закономерен и не аномален. Другой вопрос, что привело к такой концентрации.
- Отклонение от общих закономерностей. Например, в районе высока доля «ядерного электората» партии, можно предположить и высокий уровень её поддержки, однако фиксируется обратное. Это отклонение от нормы, и, видимо, существует внешний фактор, обуславливающий локальный сдвиг от ожидаемого результата. Такие аномалии сложнее определить, ибо явные количественные отличия от соседей могут быть невелики и непоказательны.

Подобных аномалий на локальном уровне много на любых выборах, однако наибольший интерес представляют относительно устойчивые во времени. Именно их и будем рассматривать в качестве электоральных микрорайонов. Механизмов образования аномалий три, и они в явно пересекаются с тремя подходами к пониманию явления локализма по Н. Кларку [158, р. 492]:

- Повышенная концентрация «ядерного электората» партии/кандидата. Например, высокая доля пожилых избирателей в большинстве случаев означает высокий уровень поддержки консерваторов. Это локализм, закономерно возникающий вследствие неоднородности природы и общества.
- Наличие объекта, провоцирующего концентрацию специфичного для данной местности электората. Например, учреждения, работники которых переехали из других частей страны, вследствие чего могут обладать специфичным для местных контекстов электоральным поведением. Особенно заметна аномалия в случае закрытости этого особого сообщества и формирования в них «тотальных институтов» по Э. Гофману, например, в университетских кампусах, как в исследовании Беннингтонского колледжа Т. Ньюкомба [192, р. 4; 341, р. 41]. Это вариант локализма как культурно-политического проявления пространственного многообразия экономической деятельности человека (территориального разделения труда).
- Действие локальных контекстуальных факторов. Например, эффекта друзей и соседей, создаваемого влиянием местного уроженца и обуславливающего сдвиг в электоральных предпочтениях местных избирателей, относительно районов со схожим социально-экономическим профилем. Это локализм как результат личных психологических переживаний человеком пространства и места. Другой вариант — влияние территориализованной деятельности какого-либо актора, институционализированного на выборах посредством политической силы, представленной в партийной системе. Классический пример — коалиция профсоюза с сильным активом в каком-то районе и политической партии, кооптирующей потенциал влияния этого профсоюза.

Первые два варианта могут смешиваться, так как нередко случаи формирования локальных территориальных сообществ вследствие локализации объекта, обуславливающего концентрацию не просто специфичного для данного места электората, а именно «ядерного электората» той или иной партии. С другой стороны, связь этих механизмов образования микрорайонов не всеобщая. Например, электорат, специфичный в контексте данного района, может не иметь чёткой ориентации на ту или иную политическую силу, но всё равно создавать локальную аномалию.

Поиск данных аномалий может вестись с двух концов: перебором электоральной статистики на уровне избирательных участков на предмет обнаружения сильных отклонений от «нормы»; и поиском объектов, потенциально способных привлечь в район избирателей с аномальным электоральным поведением. В первом случае важна степень различий между микрорайоном и окружающим районом; во втором — обоснование прямой связи между найденным объектом и спецификой электората. Разумеется, в ходе работы вероятен перекосяк в сторону аномалий, обнаруженных первым способом — они заметнее и очевиднее. Вторые могут не выделяться количественно, а обоснование внутренней связи окажется сложно доказуемым.

Предложенная схема обеспечивает гибкость метода районирования. Возможно, при более обширной апробации методики на большем количестве примеров эта гибкость будет достаточной для проведения сравнительных исследований. Однако по результатам лишь данной работы утверждение о широкой применимости метода не было бы достаточно подтвержденным.

Можно предположить, например, на основе критериев наличия или отсутствия в той или иной стране каждого из выделенных уровней районов, их выраженности, устойчивости, конфигурации, внутреннего наполнения, степени дробности и генезиса составление типологии электоральных рисунков стран мира. Группы типов электоральных рисунков можно выделить, разделив их на обладающие и не обладающие свойством районированности; подгруппы — по критериям наличия макро- и мезорайонов, их конфигурации и генезиса; типы — форме и факторам дифференциации районов среднего уровня; подтипы — особенностям электоральных аномалий.

Такая схема районов наталкивает на ещё один вопрос — существования узловых электоральных районов. Базово электоральный район — однородный, выделяющийся в силу внутреннего сходства и явных отличий от соседних. С другой стороны, например, в случае под- и микрорайонов возможен случай, в котором специфика электората района обусловлена интенсивностью его взаимодействия с неким объектом или агентом, политизирующим связь с этим объектом и способствующим территориализации соответствующей политической активности на выборах, например, с профсоюзом, связанным с крупным промышленным предприятием. В крупных районах узловой характер может создаваться влиянием крупного города, особенно в мезорайонах с центр-периферийной структурой.

2.1.2. Ограничения предложенной методики

Предложенный метод электорального районирования отчасти компенсирует слабые стороны существующих подходов, однако не решает их целиком:

1. Сохраняется некоторая непрозрачность проводимых операций. Например, на уровне электоральных районов среднего уровня точно не определяется набор действий, необходимых для упорядочивания данных. С одной стороны, вариативность этого набора большая, поэтому задавать «единственно верный» способ, вряд ли более эффективный, чем другие, не следует. К тому же метод должен сохранять гибкость. С другой стороны, это оставляет пространство для разночтений между вариантами, которые гарантированно приведут к разночтениям в конфигурации районов и при сравнении.

2. Предложенная схема разрабатывалась с опорой на несколько десятков примеров, однако основными были более исследованные в дисциплине в целом (американский, британский, итальянский) и лично автором (южнокорейский, израильский, польский, словацкий, немецкий, шведский). Причём в работе методика апробируется лишь на одном электоральном контексте — южнокорейском. Особенно важно это для частных деталей, вводимых в схему под влиянием конкретных сложных случаев, что снижает применимость метода для компаративистских исследований.

3. Полимасштабная структура может быть выделена в случае доступности данных на наиболее дробных уровнях их агрегации. Это не проблема для большинства демократий, но даже в них она становится актуальной при анализе давних выборов. Их зачастую невозможно или крайне сложно сравнивать с современными в силу неизбежного «выпадения» нижних этажей районирования — для работы с ними требуются очень детальные данные и доступ информации о соответствующих сообществах. Это не уникальная проблема только этого метода, однако она существенно влияет на его многосоставность.

4. Двойкие отношения у предложенного подхода с проблемой районированности электорального пространства. С одной стороны, многоуровневость сетки районов обеспечивает хорошую гибкость метода — низкая районированность электорального пространства страны на одном из уровней компенсируется на других. С другой стороны, проблема низкой районированности не решается полностью — в таких случаях высока вероятность обращения к другим (не районным) методам.

5. Приоритет качественных свойств региональных политических культур отчасти снижает наглядность итоговой сетки электоральных районов — многие межрайонные различия не имеют выражения на электоральных картах. С другой стороны, например, необходимость объединения в один макрорайон двух полярных по основным электоральным показателям мезорайонов может вызывать несогласие со стороны страноведов (не географов) и политологов, привыкших воспринимать как главные именно результаты голосований.

6. Метод нельзя назвать в полной мере оригинальным. Разработанная схема ранее не предлагалась в такой конфигурации конкретных методов и решений, однако многие важные элементы уже встречались. Например, полимасштабность в виде выделения районов разных уровней была использована К. Э. Аксёновым при электоральном районировании США. Верхний уровень сущностно похож на выделенный в диссертации уровень макрорайонов, наполненных историко-культурными особенностями соответствующих территориальных общностей людей. Однако подробные различия и принципы определения районов («буферных зон») К. Э. Аксёновым были опущены. К тому же нет пересечения в главном — разнесении факторов дифференциации электорального пространства на разные уровни. Обычно эти факторы использовались для разграничения соседних районов — по глубине, характеру и реакции на политические процессы, что усложняло схемы районирования.

Однако использованный в настоящей диссертации принцип разнесения разных видов факторов на разные иерархические уровни тоже не нов. Он использовался в уже упомянутых схемах районирования Ю. А. Ведениным, В. Н. Калущковым, Д. Л. Армандом и У. Зелинскому. В электорально-географических исследованиях полимасштабность в последние 30 лет активно используется Дж. Эгню. Эти подходы отчасти похожи на предлагаемый для электорального районирования в данной работе, однако не применялись ранее в такой схеме ни в районировании в целом, ни в электоральном в частности.

2.1.3. Используемые данные

В настоящей диссертации электоральное районирование проведено по материалам выборов в Республике Корея в 1948–2025 гг. Для анализа электоральных процессов использовались два основных источника статистической информации:

1. Национальная избирательная комиссия | National Election Commission (NEC) [340] — данные о результатах выборов в 1948–2025 гг. Уровни агрегации данных: I (города и провинции), II (города, уезды и городские районы), III (уездные города, волости и городские кварталы), т. е. уровни административного деления (АД) РК, а также избирательные округа (ИО, «*constituencies*», для мажоритарной составляющей парламентских выборов разных уровней) и избирательные участки (ИУ) — наиболее дробный уровень.

Всего за исследуемый период прошло 15 президентских, три вице-президентских, 22 парламентских, восемь региональных и местных прямых выборов, а также множество ежегодных досрочных выборов на замещение освободившихся должностей (с 2010 г.). Конституционные референдумы (1962, 1969, 1972, 1975, 1980 и 1987 гг.) не анализировались, ибо их результаты не имеют территориальной разбивки. Так же из-за недостатка точных данных в анализ не были включены частично прямые парламентские выборы 1946 г., проводившиеся ещё военной американской администрацией и несколько первых региональных и местных выборов 1950-х гг.

Ограничения:

- Данные на наиболее дробных уровнях (III уровень АД и избирательные участки) опубликованы для выборов 1973 г. и позже. Для более ранних выборов основной уровень агрегации данных — II уровень АД (президентские выборы) и избирательные округа (парламентские).

Степень дробности территории: избирательные участки — 13,5–14,5 тыс. единиц; III уровень АД — 2,9–3,5 тыс. ед.; II уровень АД — 200–250 ед.; I уровень АД — 10–17 ед.; избирательные округа — 71–254 ед.

Карты административного деления РК представлены в Приложении В.

- Досрочное голосование агрегируется минимум на III уровне АД, а не ИУ. Это затрудняет детальный анализ нескольких последних электоральных циклов, так как доля голосов, поданных до основного дня голосования, на них

составляет десятки процентов, например, на президентских выборах 2025 г. — 43%. Эти голоса не учитываются в результатах по участкам.

- На ряде ранних выборов, особенно до 1960-х гг., а в некоторой степени вплоть до конца 1980-х гг., присутствовали различные явления, «искажавшие» результаты голосований: использование властями административного ресурса, манипулирование списками избирателей, подкуп и запугивание избирателей и кандидатов, прямые фальсификации результатов голосований [10, с. 70]. Например, безальтернативность выборов в апреле 1960 г. привела к революции, отставке президента Ли Сынмана и отмене результатов выборов.
- На президентских выборах 1948, 1960 (август), 1972, 1978, 1979, 1981 и 1985 гг. всеобщее голосование не проводилось — президент избирался посредством коллегии выборщиков. Так же проходили и выборы вице-президентов в 1948 и 1951 гг. Региональные и местные выборы начали регулярно проводиться лишь с 1995 г. Пропорциональная составляющая на парламентских выборах разных уровней появилась лишь в начале 2000-х гг.
- На нескольких первых (1995, 1998 и 2002 гг.) выборах в местные советы (II уровень АД) отсутствовал институт политических партий — допускалось участие лишь беспартийных кандидатов без аффилиаций. Это затрудняет анализ их результатов и их сравнение с другими выборами. Аналогичная проблема сохраняется на всех суперинтендантских²⁴ выборах до сих пор.
- Нередко на местных, реже на региональных и в исключительных случаях на парламентских выборах голосование в ряде избирательных округов не проводилось вовсе — число кандидатов соответствовало числу вакантных должностей. В таких случаях на электоральных картах образуются лакуны, где электоральные предпочтения избирателей на данных выборах почти неизвестны. Полнота данных о результатах выборов неравномерна.

2. Корейская служба статистической информации | KOREAN Statistical Information Service (KOSIS) [288] — прочие статистические данные: структура населения, отдельных отраслей экономики и др., а также их динамика в исследуемый период. Уровни агрегации данных: I, II, III уровни административного деления РК.

²⁴ Суперинтенданты — выборные главы региональных (I уровень АД) управлений образования.

Ограничения:

- На более дробных уровнях территориального деления данные со всеобщим покрытием не собираются, что делает почти невозможным подкреплённый социально-экономической статистикой анализ, например, районов приписки избирательных участков, по которым доступны электоральные данные.
- Неполнота данных в непереписные годы (т. е. не кратные «5»), однако «инертность» показателей позволяет использовать данные за соседние годы.

В работе также использованы данные социологических опросов (агрегатор — Национальная избирательная комиссия [150]) для оценки уровней поддержки политических сил среди разных групп избирателей. Аналогичную функцию выполняют «экзитполы», проводимые СМИ, публикующими и прочие материалы по выборам.

Последняя группа используемых материалов — геоданные. В основном это векторные данные формата «*gpkg*», содержащие информацию о границах административно-территориальных единиц (АТЕ) РК и зонах приписки избирательных участков. Базовые файлы для трёх уровней АД страны были получены с ресурса GADM [187], однако из-за перманентных изменений в конфигурации и количестве волостей, кварталов, городов и др. для каждого выборов автором вручную создавалась отдельная сетка АТЕ — итого 45 основных файлов с базовыми уровнями агрегации данных. Для периода 1987–2025 гг. составлена гармонизированная сетка из 2877 АТЕ. Изменения заключались в увеличении административной дробности городов (рост численности населения), и снижении в депопулирующих областях. Для корректировки границ АТЕ использовались ресурсы Naver Map и Какао Мар. Генерализация островов проведена по принципу наличия на острове отдельного ИУ.

Информация об адресах избирательных участках опубликована полностью лишь с 2006 г. Из-за отсутствия точной информации об адресах, приписанных к каждому избирательному участку, для визуализации зон ИУ использовались «Диаграммы Вороного» — полигоны, расстояние от любой точки которых до их центра меньше, чем до центра соседнего полигона, где центры — координаты ИУ. Координаты получены по адресам ИУ с помощью геокодирования сервиса Какао Мар.

Сбор данных был автоматизирован с помощью языка Python. Для работы с геоданными использовались ГИС QGIS и ArcGIS. Для статистической обработки данных использовалась программа IBM SPSS Statistics и Python.

2.2. Этапы электорального районообразования²⁵

Районируемость электорального пространства — свойство не постоянное, а динамичное, так как сама структура электоральных процессов, в т. ч. их территориализации, изменчива. Следовательно, чёткость и выраженность этой структуры в некоторые периоды может быть ниже критичного для целей районирования уровня. В другие периоды может быть затруднено проведение районирования на каком-то одном масштабном уровне.

В настоящей диссертации исследуется не результирующая развития электорального пространства Республики Корея, а весь процесс его формирования и структурирования, поэтому исключение из анализа периодов, условия которых не удовлетворяют необходимым для районирования требованиям, невозможно. Выделим в пределах исследуемого времени несколько этапов развития электорального пространства, с разными условиями районируемости, которые можно рассматривать как последовательно сменяющие друг друга стадии районообразования: стадию отсутствия районов (дорайонная); районообразования; закрепления (апогея); и «эрозии» (ослабления) районов. В этом параграфе подробно рассматриваются лишь верхние «этажи» системы электоральных районов РК (макро- и мезорайоны) — именно они в той или иной степени проявляются и наблюдаемы на почти всех стадиях развития районной системы — остальные уровни будут рассмотрены в третьей главе.

В Приложении Г содержится характеристика политической системы, партийной системы, а также основных периодов политической истории страны, которая облегчает восприятие анализа территориальных структур на выборах, приведённого в настоящем параграфе. В Приложении Д — краткий обзор накопленного (небольшого) опыта районирования Кореи.

²⁵ Основные результаты данного раздела ранее опубликованы автором в публикации: **Чернецкий Ф. М.** Электоральные макро- и мезорайоны Республики Корея // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2025. — Т. 19, № 2. — С. 31–44.

2.2.1. Дорайонная стадия (1948–1963 гг.)

На выборах в РК с 1948 по 1963 гг. не фиксировалось больших однородных и самобытных электоральных районов. Вместо них фиксируются скорее «электоральные местности» — небольшие области с гомогенными электоральными предпочтениями избирателей, изменчивые, аморфные и не обладающие сильными внутренними связями. Электоральный рисунок на этих выборах был мозаичен и никаких современных территориальных структур не наблюдалось, кроме слабой дифференциации по линии центр-периферия.

Избирательные округа с высокой поддержкой какой-либо партии не группировались рядом — средневзвешенный глобальный индекс Морана²⁶ для первых шести парламентских выборов не превышал 0,18 (рис. 2.3) — показатель почти случайного распределения областей повышенной и пониженной поддержки партий. К тому же из расчётов индексов были исключены беспартийные кандидаты, которых нельзя рассматривать как единую политическую силу, а учёт каждого в отдельности почти невозможен из-за их многочисленности и малой статистической значимости каждого отдельного наблюдения. Степень мозаичности пространственного распределения поддержки партий на этих выборах была ещё выше, чем указывают расчёты, — совокупная поддержка беспартийных кандидатов в среднем составляла 45%, а на выборах 1950 г. — 64%. Суммарный уровень поддержки двух крупнейших партий лишь в 1958 г. превысил 50% — это выборы периода наивысшей консолидации режима Ли Сынмана, закончившегося Апрельской революцией и отменой безальтернативных президентских выборов 1960 г.

²⁶ Глобальный индекс Морана для каждой партии/кандидата рассчитывался по формуле (1):

$$Moran's I = \frac{n \sum_{i=1}^n \sum_{j=i}^n w_{ij} (x_i - \bar{x})(x_j - \bar{x})}{(\sum_{i=1}^n \sum_{j=i}^n w_{ij})(\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2)} \quad (1)$$

где x_i — доля голосов, полученная партией/кандидатом в территориальной ячейке i , \bar{x} — доля голосов, полученная партией/кандидатом в среднем по стране, n — количество территориальных ячеек, w_{ij} — пространственный вес (соседство) между ячейками i и j .

Для выборов, по которым существуют детальные данные на III уровне АД (с 1973 г.), индексы были рассчитаны и на этом (более показательном) уровне агрегации данных.

Индекс для выборов в целом рассчитывался как средневзвешенный глобальный индекс Морана всех участников выборов, где как веса выступали доли голосов избирателей, полученные каждым из участников. На президентских выборах 1960 г. в качестве электоральных альтернатив рассматривались доля абсентеистов, недействительных голосов и голосов, поданных за Ли Сынмана, который был единственным участником выборов.

Рисунок 2.3. — Средневзвешенный глобальный индекс Морана на парламентских выборах 1948–2024 гг.
 Источник: составлено автором по данным NEC [340].

На парламентских выборах в данный период были и межрегиональные диспропорции в поддержке некоторых партий, однако области повышенной поддержки этих политических сил не складывались в хоть сколько-нибудь однородные районы и не были стабильными. Небольшое исключение — Корейская демократическая партия в 1948 г., получившая высокие уровни поддержки в нескольких округах на юго-западе страны — регионе Хонам. Внутри региона они не были сгруппированы в район — значение индекса Морана всего 0,31 — однако концентрация таких округов в одном регионе сама по себе уникальна. При этом партия получила высокий уровень поддержки и в отдельных округах в других регионах, а у её преемниц уже не фиксировалось концентрации выигранных округов в одном регионе — распределение стало столь же «случайным», как и у остальных участников выборов. Редкие ареалы с относительно стабильными предпочтениями избирателей в виде, например, поддержки КДП и её преемниц — проявление локализма в виде поддержки избирателями известных местных уроженцев, баллотировавшихся от соответствующих партий. Иногда данный феномен всё-таки трактуют как раннее проявление регионализма²⁷, который полноценно сформировался лишь в 1960–1970-х гг. [303, р. 394].

²⁷ Здесь и далее в случае РК регионализм используется только в значении политического регионализма.

На президентских выборах степень консолидации электорального пространства была выше — всегда присутствовал явный фаворит (Ли Сынман, а в 1963–1971 гг. Пак Чонхи) и небольшое количество миноритарных кандидатов. Отчасти поэтому мозаичность электорального пространства на этих выборах была ниже, чем на парламентских (рис. 2.4). Однако на трёх выборах данного периода фиксируются минимальные значения пространственной автокорреляции поддержки их участников, в сравнении с выборами более поздних периодов.

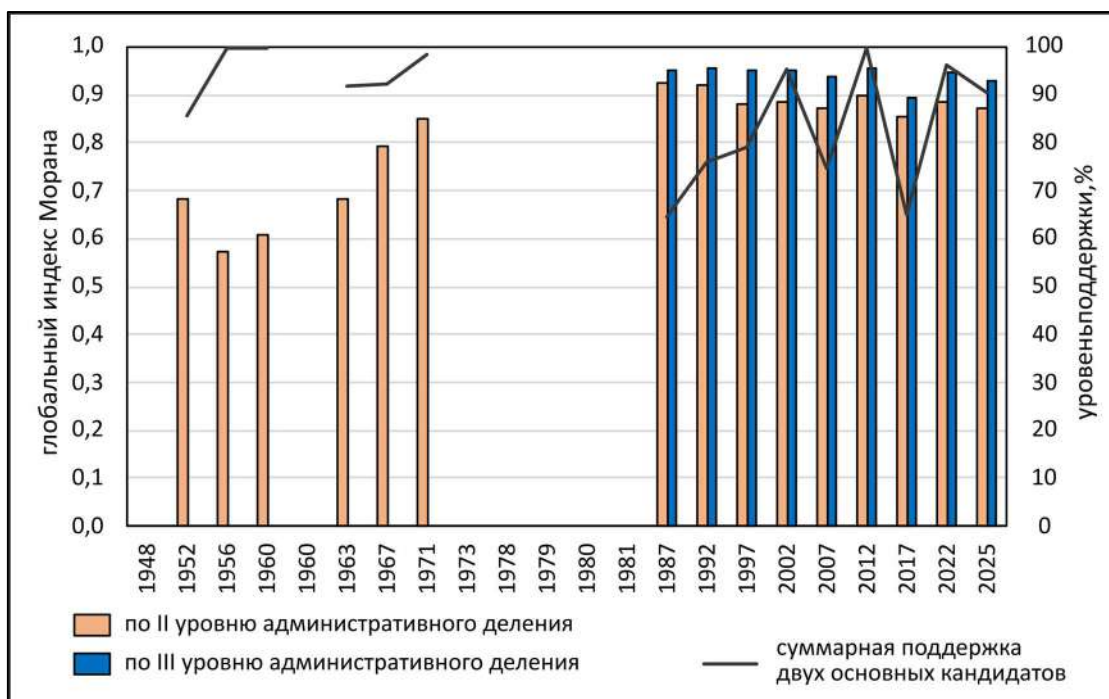

Рисунок 2.4. — Средневзвешенный глобальный индекс Морана на президентских выборах 1952–2025 гг.

Источник: составлено автором по данным NEC [340].

На большинстве выборов заметен лишь один стабильный и явный территориальный раскол — между городами и сельской местностью. Это общий паттерн для почти всех выборов, однако его значимость, особенно на парламентских выборах до конца 1980-х гг., была максимальна, а в рассматриваемый период (до 1963 г. включительно) — несравнимо бóльшая, чем у прочих факторов.

Заметен центр-периферийный раскол в двух основных проявлениях: явке и степени протестности голосования. Такой раскол типичен для авторитарных режимов. Основные предикторы — возраст и уровень образования (и отчасти как следствие материальное положение): уровни явки и поддержки провластных кандидатов прямо пропорциональны возрасту и обратно пропорциональны уровню образования избирателей [269, р. 1063–1064; 277, р. 834–847]. Электоральная база оппозиции —

города, особенно крупные [269, р. 1069; 334, р. 24]. Сельский электорат более конформный, патерналистский, консервативный, коллективистский и более подверженный политической мобилизации и социальному давлению окружения [201, р. 270; 274, р. 37–39; 268, р. 91].

Ещё одно значимое различие между городами и селом — в степени контроля над выборами. Рассматриваемый период — время самой низкой достоверности электоральных данных, так как административное и силовое влияние на выборы было максимальным. Оно было выше в более подконтрольных власти районах (периферия, места дислокации армейских частей²⁸) и в ещё нескольких специфичных областях. Некоторые из них фиксируются по высокой доле недействительных бюллетеней, в которые в ходе манипуляций попадала часть оппозиционных голосов [277, р. 855]. Однако точно выявить очищенную от фальсификаций (прямых и непрямых) электоральную структуру тех выборов не представляется возможным.

В Корее данная центр-периферийная модель сводилась к формуле: *«города за оппозицию, село за партию власти»* [272, р. 487; 274, р. 41]. До Корейской войны она отражала раскол электората по линии *«левые/социалисты/коммунисты — правые/консерваторы»*, а в послевоенный период — сменивший его раскол *«демократы — антидемократы»* [404, р. 34–35].

Можно выделить некоторые города в качестве (прото)районов среднего уровня — они удовлетворяют основным условиям. Однако степень детализации данных и их точность не позволяют сделать это так же методически аккуратно, как в случае выборов после демократизации (1987 г.). Можно попробовать выделить и крупные структуры, «претендующие» на макрорайонный статус. Например, на президентских выборах 1952 и 1963 гг. сильны различия между северной и южной частями страны. В 1952 г. основной электоральной базой Ли Сынмана были провинции Канвондо, Кёнгидо (прифронтовые), Чеджудо (последствие подавления восстания 1948 г.), а также северные части Чхунчхона и Йоннама. В 1963 г. избиратели в этих областях оказали наименьшую поддержку Пак Чонхи, за которого проголосовал юг (кроме городов), до этого оппозиционный. В 1956 и 1960 гг. северные уезды выделялись высокой поддержкой Ли, однако юг был крайне мозаичен. На данном этапе ещё нельзя говорить об этих областях как о полноценных районах.

²⁸ Особенно на выборах 1952 и 1954 гг., проходивших во время Корейской войны и сразу после неё.

Примеры развития территориальных структур на выборах в других странах подтверждают, что для формирования устойчивых территориальных блоков, отличных от соседних и обладающих внутренней связностью, гомогенностью и сонаправленностью развития, требуется время. В некоторых странах, где активная политическая жизнь в виде, похожем на современный, появилась до института относительно всеобщих выборов, такие районы могут формироваться быстро. В других случаях институт выборов приобретался одновременно с основными государственными институтами. Представление о политике в обществе ещё не сформировалось, но голосования уже проводятся. В таких случаях на выборах редко быстро формируются крупные однородные отдельные, охватывающие целые регионы. Карта результатов выборов мозаична, политика ещё не национализирована, поэтому распространён локализм, а чёткие электоральные расколы ещё не закрепились в партийной системе. Так, например, выглядит электоральная география современных Папуа-Новой Гвинеи, Соломоновых островов и Вануату.

Так же в некоторой степени можно охарактеризовать территориальные электоральные структуры многих и европейских, и азиатских стран на ряде первых выборов. Устойчивых электоральных районов ещё нет, однородность электоральных предпочтений свойственна скорее небольшим местностям [398, p. 65]. Например, в Индонезии на первых после диктатуры Сухарто выборах сформировался *«хаотичный фрагментарный»* и очень дробный электоральный рисунок, как и в *«России 1993 г., когда избиратели регионов ещё не определились в своих предпочтениях»* [42, с. 143]. При этом такая фрагментарность территориальных электоральных структур не существует долго. Однако при установлении всеобщих общественных институтов и электоральных расколов между идеологическими и географическими оппозициями, закреплённых в политической и партийной системе и становящихся привычными для политических акторов, и в «новых демократиях» политическая мобилизация нового раскола (и идеологического, и территориального) становится крайне сложной [459, p. 185].

2.2.2. Стадия районообразования (1963–1987 гг.)

Электоральный район — продукт модерного «массового общества», проходящего процессы индустриализации, урбанизации и национализации политики и других сфер жизни, информационных потоков, языка/диалектов, неформальных институтов и др. Политика принимает более современный вид, формируются устойчивые политические интересы территориальных общностей людей, снижается волатильность на выборах, а основные политические силы укореняются в своих электоральных базах, разных социально-демографических группах и территориях [123, р. 336].

Районообразование на выборах в РК началось в 1960-х гг., после военного переворота Пак Чонхи (1961 г.), новых выборов (1963 г.), начала индустриализации, урбанизации, реформирования партийной системы и появления политических партий в современном виде. В этот период прошли две президентские кампании — 1967 и 1971 гг. Территориальные структуры на этих выборах похожи друг на друга и существенно отличаются от наблюдавшихся ранее. Если в 1963 г. Пак Чонхи имел наименьший уровень поддержки в северной части страны и в городах юга, то в 1967 г. его поддержка значительно снизилась в Хонаме, но выросла в городах Йоннама и на севере, особенно на периферии, вблизи ДМЗ²⁹ (в Канвондо) и границы с Йоннамом. В 1971 г. эта тенденция усилилась — Пак почти полностью «потерял» Хонам, за исключением северо-восточных приграничных уездов, однако усилил своё влияние в Йоннаме и победил почти во всех не крупногородских уездах (и нескольких близких к Сеулу, на которые столица оказывала значимое влияние) на севере [464, р. 81]. Электоральное пространство поляризовалось по региональному принципу на юге и по центр-периферийному на севере. На верхнем масштабном уровне эта структура почти соответствует нынешней.

Причина такой региональной поляризации — политический регионализм и эффект друзей и соседей. У регионализма есть глубокие исторические корни, однако гораздо важнее относительно недавние события второй половины XX в. [153, р. 138; 404, р. 38]. В результате военного переворота 1961 г. и последующей «пересборки элит» к власти пришли выходцы из региона Йоннам — Пак Чонхи, значительная часть его соратников, а впоследствии и большинство бизнес-элит [336, р. 596; 454, р. 17; 482, р. 738]. В дальнейшем только три провинции выделялись повышенной

²⁹ Демилитаризованная зона — де-факто граница между РК и КНДР.

долей их представителей на высших позициях в исполнительной, законодательной и судебной ветвях власти: Северная и Южная Кёнсан (Йоннам) и Южная Чхунчхон — родина ближайшего соратника Пак Чонхи Ким Джонпхилия — одного из инициаторов переворота 1961 г., премьер-министра, создателя правящей партии и главной спецслужбы страны, члена семьи (муж племянницы) и «наследного принца» Пака [301, р. 105; 355, р. 826]. Среди представителей крупного бизнеса доля Йоннама составляла около 50% [190, р. 1155], а среди основателей крупнейших конгломератов (чеболей) почти все родились именно на юго-востоке страны (рис. 2.5).

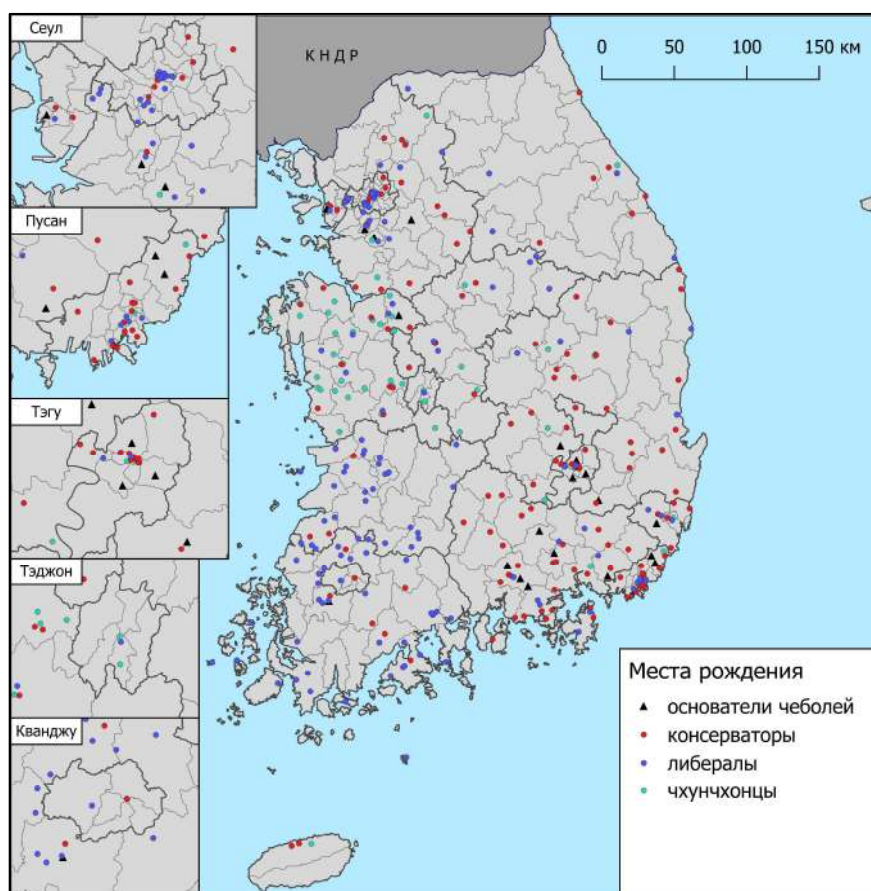

Рисунок 2.5. — Места рождения основателей главных чеболей и лидеров основных политических лагерей

Источник: составлено автором

Экономическое развитие страны, ускорившееся в 1960-х гг. (начало «корейского экономического чуда»), было поляризованным — ставка делалась на несколько «полюсов роста» с лучшими конкурентными преимуществами: Столичный регион и юго-восток (Йоннам) [283, р. 9]. Опережающее развитие Столичного региона — закономерное следствие высокой централизации, а Йоннама — нескольких объективных причин (лучше сохранившаяся во время Корейской войны промышленная база и более выгодное ЭГП), а также местного происхождения значительной части руководства государственного аппарата [355, р. 823]. Отчасти поэтому регион получил

непропорционально бóльшую государственную поддержку и внимание со стороны национальных властей — следствие силы «домодерных» институтов в виде «*лояльности и ответственности по отношению к “первичным группам”, основанным на семье*» [233, р. 66], клане и соответствующих ценностях, «*чувстве принадлежности*» к сообществу выпускников одной школы или университета [156, р. 201; 267, р. 8], представителей одного профессионального сообщества, военного подразделения, деревенской общины, в т. ч. и к территориальным сообществам (уезд, провинция, регион) [211, р. 245; 485, р. 214], порождающих клиентелизм, nepoтизм и «*региональный фаворитизм*»³⁰ [256, р. 178, 184; 407, р. 4]. Например, многие из основателей чеболей приобрели свой статус именно благодаря школьным, семейным и земляческим связям, локализованным в Йоннаме [301, р. 108].

Обратной стороной фаворитизма была система «*региональной неприязни*» и «*регионального соперничества*» в форме «*коллективной враждебности*»³¹, возникшей в однородных регионах и усугубившейся региональной политикой [404, р. 42; 484, р. 37]. Юго-запад (Хонам) был обделён вниманием при разработке экономической политики [476, р. 51]. Активные попытки местных предпринимателей, политических, профсоюзных и религиозных деятелей добиться реализации крупных инфраструктурных и промышленных проектов почти не имели успеха, ибо блокировалась национальными властями. Такое положение спровоцировало формирование у местных политиков и избирателей ощущения исключенности из процесса модернизации. Возникло всеобщее представление о дискриминации региона со стороны «*кёнсанского режима*» [301, р. 104], поощряющего местные инициативы в родном регионе и противодействующего им в прочих, особенно в Хонаме [405, р. 82].

В итоге 12 из 14 национальных промышленных комплексов, созданных в 1960-х гг., были размещены в Столичном регионе и Йоннаме [154, р. 113]. Между 1962 и 1970 гг. только в случае Хонама доля региона в совокупном ВВП страны заметно сократилась (~5 п. п.), тогда как доли Сеула и Йоннама выросли. В 1970-х гг. дивергенция между юго-востоком и юго-западом усилилась из-за реализации правительством плана тяжёлой индустриализации — бóльшая часть крупных химических, металлургических и машиностроительных (кроме электроники и электротехники)

³⁰ Кор. «지역 감정».

³¹ Кор. «집단적 적대감».

была создана в Йоннаме [284, р. 64; 355, р. 823–830]. Такие же региональные различия наблюдались и по вложениям в прочую инфраструктуру [269, р. 1066]. К 1978 г. душевой ВРП в Хонаме сократился с 82% от среднего по стране до рекордно низких 74%, а в Сеуле и южной части Йоннама этот показатель вырос с 214% до 237% и с 91% до 122% соответственно — единственные примеры превышения 100% [301, р. 108]. Усугубляла ситуацию, в глазах местных политических акторов, ещё и память о совершенно ином положении — до Корейской войны юго-запад был одним из основных экономических центров юга страны [157, р. 155; 355, р. 827].

Последствия абсолютизации регионального фаворитизма в государственном управлении сохраняются до сих пор. Например, центральное правительство часто выделяет больше субсидий политически лояльным регионам и уездам [197, р. 171; 251, р. 74; 282, р. 477]. Постепенно произошёл переход к «U-образной модели» — разные президентские администрации выделяют больше средств «своему» региону и региону оппонентов, и лишь в предвыборный период значительная часть средств перераспределяется в колеблющиеся регионы [222, р. 862; 257, р. 52]. Другой пример: избирательные округа, представители которых в парламенте входят в состав бюджетного комитета, получают примерно на 3% больше субсидий, чем другие [276, р. 1894], а в родных районах высокопоставленных чиновников Министерства стратегии и финансов выше темпы роста душевых национальных субсидий — на ~7% [252, р. 205]. Подтверждается и обратный эффект — рост поддержки партий власти в 1970–1980-х гг. в местах, получивших преимущества из-за создания в них промышленных комплексов [221, р. 502].

Есть ещё две концепции, объясняющие происхождение регионализма. Согласно первой — исторической — его источником на выборах стало наследие коллективных представлений и стереотипов о выходцах из разных регионов, отсылающих к периоду существования на Корейском полуострове трёх отдельных государств — Силла, Пэкче и Когурё (до VII в. н. э.) [294, р. 552]. Контуры границ первых двух в значительной степени совпадают с границами Йоннама и Хонама соответственно, кроме того, эти регионы имеют в качестве большинства границ «естественные рубежи» — горные хребты. Физическая обособленность способствовала формированию в них разных культурных традиций, одна из которых — существенно различающиеся диалекты корейского языка [301, р. 111].

К этим различиям добавилась политизация региональных стереотипов. Ещё в «Десяти предписаниях» основателя первого единого корейского государства Ван Гона (718 г.) выходцам из Хонама было запрещено занимать государственные посты из-за их *«ненадёжности, непослушности и склонности к мятежам»* [283, р. 12], а впоследствии регионы, наследовавшие границам государств и почти неизменные на протяжении столетий стали *«служить для культивирования и продвижения местных политических движений»* [301, р. 111; 463, р. 107]. Эта концепция имеет слабую объяснительную силу, так как не объясняет динамику регионализма и его появление на выборах именно в 1960-х гг., отсутствие регионализма в иных регионах, культурно отличных от других (Чеджудо) и др. [404, р. 39; 476, р. 43]. Основа для регионализма могла накапливаться веками, однако толчком послужила именно экономическая региональная поляризация [9, р. 86].

Вторая концепция — политико-поведенческая, учитывающая социальную мобильность избирателей и формирование ими символических региональных пространств. Следствием непропорционального регионального представительства в органах власти, растущего экономического неравенства и урбанизации стали масштабные межрегиональные миграции. Переселение из сельской местности в города в основном происходило внутри регионов, но города Хонама не могли предоставить потенциальным переселенцам достаточного количества рабочих мест, что привело к миграции значительной части жителей региона в крупные города других регионов, в основном в Сеул, где к началу XX в. лишь ~20% были местными уроженцами. Так Хонам стал источником городской бедноты в городах севера страны [283, р. 16–17]. В Йоннаме подобного не происходило — подавляющее большинство миграций были внутрорегиональными. В итоге за период активной индустриализации доли Хонама и Йоннама в населении страны с примерно равных 25–28% изменились до 12% и 30% соответственно [301, р. 106].

В отношении выходцев из Хонама усилились стереотипы, представлявшие их как *«ненадёжных, грубых, опасных и аморальных, жестоких, невежливых и не-конфуцианцев»*, из-за чего они сталкивались с трудностями при трудоустройстве, в продвижении по службе, вступлении в брак и аренде жилья [283, р. 10–18]. Влияло это и на массовую культуру. Например, в кинематографе тех лет многие антагонисты говорили с соответствующим региональным акцентом. С другой стороны,

в «диссидентской литературе» регион представлялся преимущественно как эгалитарный, противостоящий несправедливости — создавался образ места как наиболее протестного во все периоды истории страны, начиная с VII в. [452, р. 75].

Создание палимпсеста символических мест, мифов и образов, привязанных к воображаемой географии региона, помогли создать представление о нём как об обособленном, особом, наделённом смыслом, бóльшим, чем лишь у административной единицы. В итоге большинство не-хонамцев ассоциирует Хонам именно с политикой и известными протестными лидерами, а не с культурой, кухней и т. д. [452, р. 88]. Для них хонамцы стали «Конституирующим Другим», образ которого способствовал собственной консолидации [481, р. 76], — они формировали «оборонительные коалиции» в борьбе за власть, исключая «чужаков» [283, р. 5; 487, р. 7]. Чувство места было усилено тем, что регион стал *«рассматриваться как сообщество судьбы, где материальные интересы отдельных лиц и групповое благополучие тесно переплетены»* [251, р. 75]. Этот процесс С. Йеа сравнила с созданием «символической территории» в процессе «ориентализации» по Э. В. Саиду [452, р. 70].

Регионализм был инициирован не массами, а интересами ведущих политиков [301, р. 103], ставшими катализатором политизации «региональной неприязни» [283, р. 10–19]. Несмотря на исторические корни, регионализм есть *«не выражение врожденных характеристик, а скорее отражение текущих политических конфликтов»* [153, р. 144]. Проявлением этих конфликтных позиций становится *«слепое социально-психологическое предубеждение», «аффективная поддержка и идентификация избирателя с кандидатом своего региона»* [278, р. 67; 283, р. 14]. В итоге регионы стали *«связующим звеном, через которое гражданское общество реагирует на политический процесс»* [301, р. 104]. Мобилизация в одном регионе спровоцировала аналогичный эффект и в других частях страны [153, р. 148], консолидируя электорат и создавая внутри них межгрупповые альянсы [301, р. 108].

Диспропорции в представительстве, влиянии и управлении вызвали территориализацию политики — её следствием стал рост регионализма на выборах, а прибегание к мобилизации регионального электората стало осознанной стратегией политиков [355, р. 816–820]. Выходцы из Йоннама отдавали предпочтение своему региону, а повторяющаяся практика регионального фаворитизма способствовала культивированию «провинциализма» среди избирателей. Для большинства из них

родные регионы приобрели особое значение в их социальной жизни [301, р. 103] — география как конфигурация границ и принадлежность к определённой осмысленной территории стала основным инструментом разделения электората на группы в условиях этнической, языковой и культурной однородности [258, р. 350; 470, р. 387]. Межрегиональное неравенство в экономическом развитии спровоцировало политизацию региональных идентичностей и стереотипов, консолидацию регионального электората и политиков [460, р. 91–92; 474, р. 113]. Отстаивание региональных интересов стало доминирующей стратегией основных политических лагерей, вследствие чего электоральный регионализм впоследствии появился и в тех частях страны, которые не выделялись уровнем своего экономического развития или представленностью в элитах. Регионы *«следует рассматривать не как пассивные субъекты политического процесса, а скорее как особую форму представительства и самовыражения»* [301, р. 102] и, возможно, нигде политический регионализм *«не выражен так очевидно, как в Корее»* [143, р. 2].

Способствовали усилению роли регионализма отсутствие чётких и привычных (для других контекстов) идеологических различий между основными партиями; слабость института политических партий, формирующихся не на базе идей, а вокруг и для «партийных боссов» [153, р. 139] в условиях системы «имперского президентства» [240, р. 41]. Нестабильность партийных структур; мажоритарная избирательная система и культура политики как «игры с нулевой суммой», усиливающие двухпартийную поляризацию [337, р. 554–558]; и персонификация политики превращала выборы в соревнование политиков, а не их программ [404, р. 36]. В итоге для электорального процесса стала свойственна *«эмоциональная идентификация избирателей с кандидатами-земляками»* [153, р. 140] и межрегиональная *«коллективная враждебность»* [476, р. 51], которая способствовала *«увечиванию и использованию политиками»* регионализма для достижения власти [283, р. 15].

Регионализм оказывал влияние не только на два южных региона страны, но и на другие её части, особенно на крупные города. Причина — политическая значимость для избирателей не места их текущего проживания, а региона происхождения [152, р. 161]. Выходцы из Хонама и Йоннама, даже переехав в Инчхон или Сеул, зачастую продолжали поддерживать партию и кандидатов, ассоциировавшихся с их родным регионом [293, р. 196; 483, р. 88]. Причём эффект распространяется на все

выборы. Например, на мэских выборах в Сеуле около 2/3 выходцев из Хонама и Йоннама поддерживают либеральных и консервативных кандидатов соответственно, даже если сами кандидаты не имеют к этим регионам никакого отношения [155, р. 250]. К тому же этот эффект наследуется, воспроизводясь у детей (далеко не у всех, особенно в последние годы) выходцев из соответствующих регионов [477, р. 42].

Обобщим переструктурирование электорального пространства в рассматриваемый период с помощью индекса регионализации³² [294, р. 549] (рис. 2.6). На президентских выборах 1963 г. он был минимален, в 1967 г. немного увеличился вследствие начала региональной консолидации в Хонаме, а в 1971 г. резко увеличился, демонстрируя поляризацию поддержки основных кандидатов в Хонаме и Йоннаме. Причиной столь резкого скачка до нынешнего уровня (0,4–0,5) стало не только продолжение «региональной дискриминации» Хонама, но и выдвижение в качестве основного конкурента Пак Чонхи выходца из Хонама — Ким Дэджуна, консолидировавшего родной регион вокруг идеи защиты региональных интересов [216, р. 671].

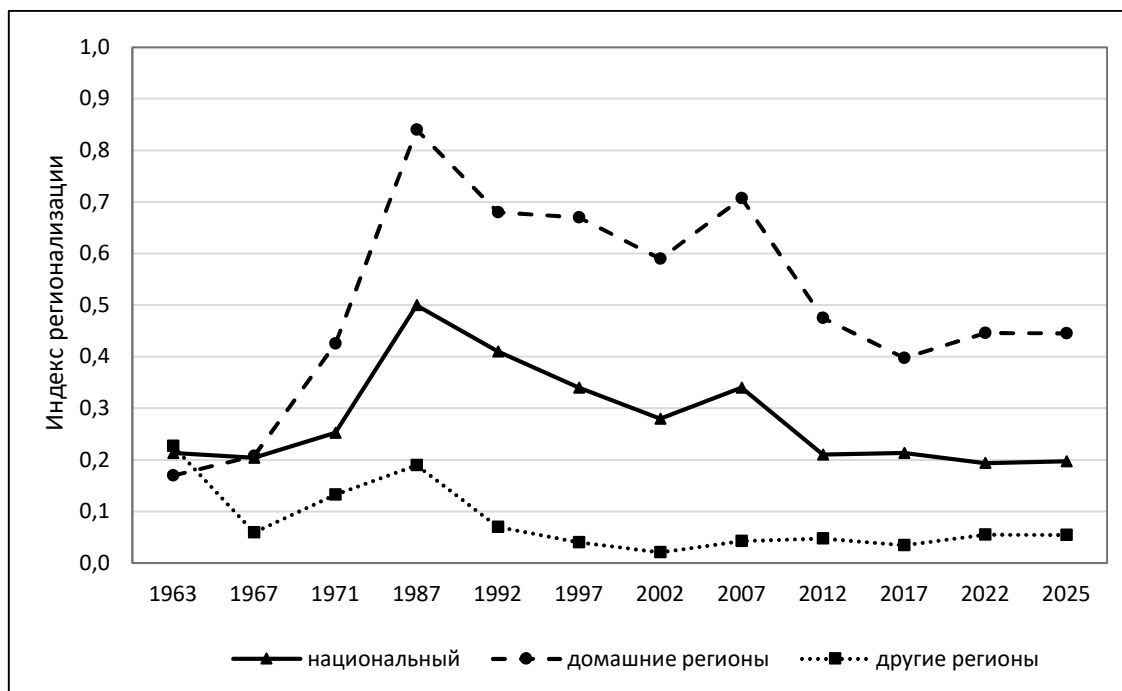

Рисунок 2.6. — Индекс регионализации на президентских выборах в 1963–2025 гг.

Источник: составлено автором по данным NEC [340].

³² Расчёт индекса регионализации проводился по следующей формуле:

$$R = \frac{1}{2} \sum_{i=1}^n \left| \frac{x_i}{x} - \frac{y_i}{y} \right|, \quad (2)$$

где n — количество регионов, x и y — количество голосов, отданных за кандидатов или партии x и y во всех регионах, x_i и y_i — количество голосов, отданных за кандидатов или партии x и y , в регионе i .

Его можно рассчитать отдельно для «домашних регионов» кандидатов и для остальных регионов.

Резкая консолидация регионализма отчётливо наблюдается на серии карт результатов президентских выборов 1956, 1963, 1967 и 1971 гг. (рис. 2.7). К 1967 г. основной электоральной базы Пак Чонхи в Йоннаме стали его родные места (Куми и Тэгу) и южная часть региона, хотя в 1963 г. даже в Йоннаме избиратели крупных городов голосовали оппозиционно (кроме Куми) [357, р. 7–8]. В 1971 г. она расширилась на весь регион. Поддержка оппонентов Пака трансформировалась от городской и концентрирующейся на севере Хосо и юге Кёнгидо (родина Юн Босона) к консолидации Хонама вокруг Ким Дэджуня и концентрации в крупнейших городах (Сеул, Инчхон), утратив поддержку полупериферии [273, р. 93].

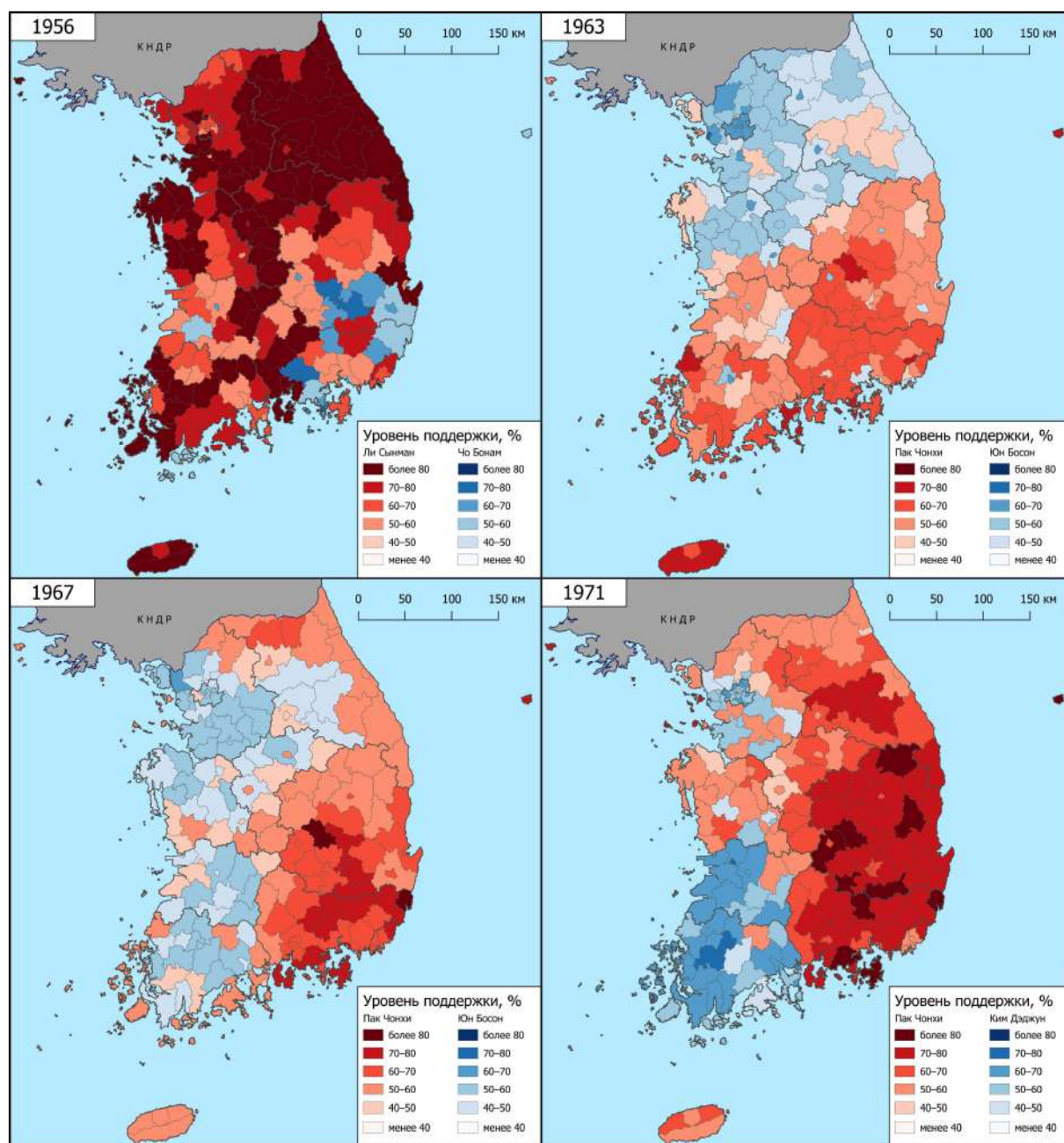

Рисунок 2.7. — География результатов президентских выборов 1956, 1963, 1967 и 1971 гг.

Источник: составлено автором по данным NEC [340].

При этом регионализм и кластеризация областей высокой или низкой поддержки политических сил почти не фиксировались на парламентских выборах (рис. 2.3). На них разве что сохранился и усилился центр-периферийный раскол [277, р. 848]. Причина в мажоритарной избирательной системе и рациональном поведении избирателей — многие в Хонаме предпочли иметь в качестве представителя своего округа местного уроженца из числа членов правящей партии с бóльшими ресурсными возможностями в текущих условиях, чем у депутата-оппозиционера. К тому же в 1973–1985 гг. на парламентских выборах использовались двухмандатные округа, из-за чего поляризация снизилась [153, р. 147; 294, р. 552–553].

Во второй половине 1960-х гг. и в начале 1970-х гг. на президентских выборах сформировалась чёткая региональная структура, в которой регионы юга — Хонам и Йоннам — имели полярные электоральные предпочтения, но схожую политическую культуру, так как в обоих случаях наблюдались региональный антагонизм, порождённый конкуренцией за доступ к распределению ресурсов [493, р. 493], консолидация вокруг региональных интересов и местных кандидатов [407, р. 2–3] и ослабление центр-периферийного раскола — крупнейшие города стали центрами районообразования [471, р. 83]. В северных регионах подобные качественные характеристики электорального поведения избирателей отсутствовали.

Выделим на основании этой дивергенции два макрорайона — Южный (Хонам и Йоннам), подверженный регионализму, и Северный (прочие регионы), где регионализм как фактор отсутствует. Ключевое различие между ними в том, происходит ли на выборах территориализация стратегий избирателей и политиков и насколько важны «региональные сентименты». Важно, что они различаются не тем, что обычно служат электоральными базами каких-либо партий, — сама политика в них воспринимается не одинаково из-за политических культур, различающихся структурой электоральных расколов, восприятием нормы в политике, активностью и способом организации политических акторов на выборах, реакцией на политические события.

Внутри Южного макрорайона выделяется две явные территориальные отдельности, обладающие полярными электоральными предпочтениями, т. е. сочетанием качественных (культуры) и количественных (уровней поддержки политических сил) особенностей — мезорайоны. Выделим в качестве таковых Хонам и Йоннам.

2.2.3. Стадия закрепления районов (1987–2002 гг.)

В предыдущий период на выборах только начали формироваться крупные, относительно однородные, но ещё неустойчивые электоральные районы. В последовавшие почти 20 лет они утвердились как устойчивые явления, определяющие конфигурацию политических процессов до сих пор [275, р. 141]. При этом продолжилось переструктурирование электорального пространства — Южный макрорайон расширился за счёт появления нового регионализованного мезорайона, а в нескольких других частях макрорайонов обособилось ещё несколько менее выраженных мезорайонов. Всего в данный период можно выделить восемь мезорайонов — по четыре на Юге (Йоннам, Хонам, Хосо и Пусанский) и на Севере (Столичный, Чеджу, Йондон и Восточный Чхунчхон) (рис. 2.8). Впоследствии два из них утратят свою специфику, однако этот процесс будет рассмотрен в следующем разделе.

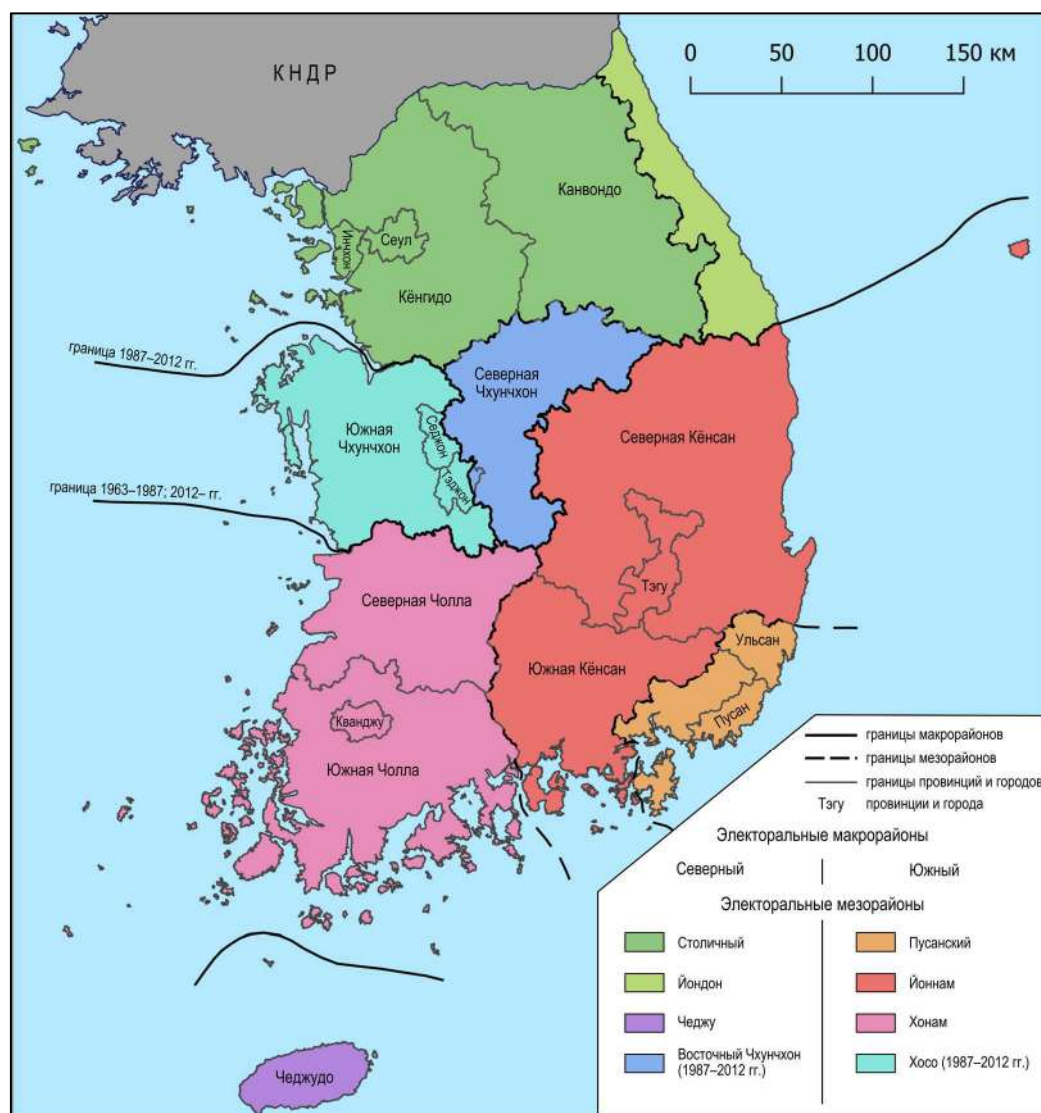

Рисунок 2.8. — Электоральные макро- и мезорайоны Республики Корея

Источник: составлено автором

В период демократизации (конец 1980-х гг.) и перестройки политической системы была возможность для изменения электоральных расколов на основе новых актуальных общественно-политических вопросов. Однако раскол внутри оппозиции перед президентскими выборами 1987 г. привёл к воспроизводству регионалистской стратегии мобилизации электората. Отсутствие политических партий как сильных структур и их подчинённое положение по отношению к «партийным боссам», для реализации интересов которых они и создавались, обусловило отсутствие содержательного политического дискурса, вместо которого наблюдалась персональная конкуренция нескольких кандидатов [168, р. 47; 407, р. 1]. Подавляющее большинство избирателей вне зависимости от пола, возраста, уровня доходов и образования в данный период учитывало при голосовании поощрявшийся со стороны основных кандидатов региональный фактор [476, р. 41].

Регионализм достиг апогея именно в этот период [281, р. 25] — он впервые проявился и на президентских (рис. 2.4), и на парламентских выборах (рис. 2.3) — степень пространственной концентрации областей со схожими электоральными предпочтениями была одной из самых высоких за всю историю, а степень региональной поляризации — абсолютно рекордной (рис. 2.6). За пределами Столичного региона даже почти исчезли центр-периферийные различия — основным фактором стала принадлежность к региону и удалённость родных мест кандидатов [271, р. 87].

Характерный пример — выборы 1987–1988 гг. (президентские и парламентские), на которых четыре основных кандидата и их партии получили максимальные уровни поддержки в родных регионах, а внутри них — в родных уездах и волостях (рис. 2.9). К Хонаму и Йоннаму, представленным Ким Дэджуном и кандидатом правящей партии Чон Духвана (де-факто преемник Пак Чонхи) Но Тхэу, добавились представители Пусанского региона и Хосо — Ким Ёнсам и Ким Джонпхиль [260, р. 99]. Региональная сегментация — следствие незначительности различий в идеологических платформах политиков и узости представительства [479, р. 121]. Из-за повторяющихся структурных паттернов реализации власти в перераспределении ресурсов у избирателей выработалось представление о неразрывности успеха экономического развития региона и присутствия во власти его представителей [466, р. 89], поэтому большинство старалось реализовать стратегию продвижения «своих» политиков в национальные органы власти [473, р. 99; 488, р. 89].

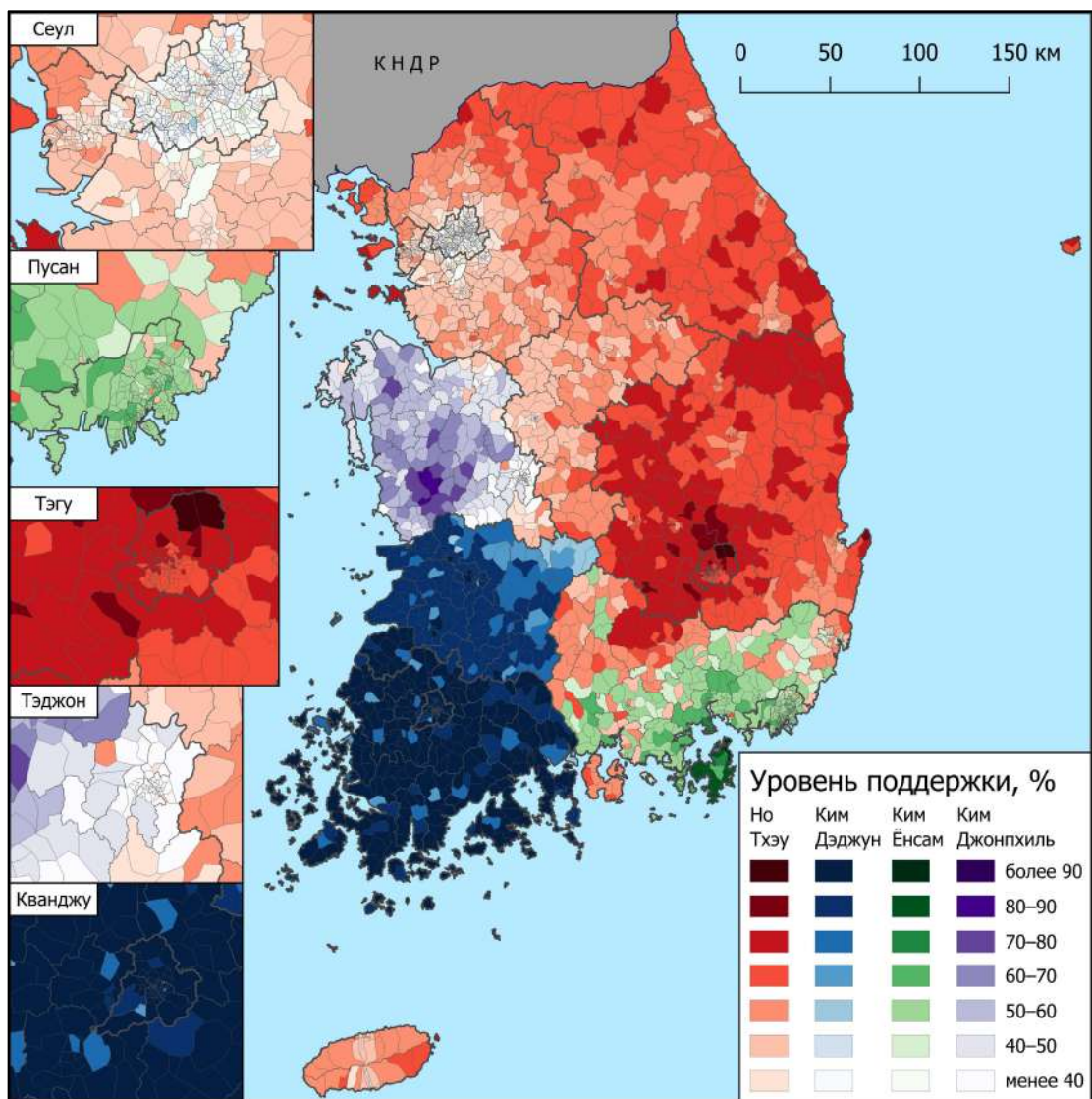

Рисунок 2.9. — География результатов президентских выборов 1987 г.

Источник: составлено автором

Пусанский мезорайон охватывает урбанизированную приморскую часть юго-востока полуострова от Ульсана до Чханвона и Кодже. Его можно воспринимать как своеобразную часть Йоннамского мезорайона, не всегда заметную по результатам выборов, однако не менее обоснованным будет и выделение его в отдельный мезорайон. Он обособлен от Йоннамского меньшей выраженностью регионализма, влиянием эффекта друзей и соседей и субрегионализмом — противостоянием политических элит Пусана и Тэгу [153, р. 148; 404, р. 36–41]. Его формирование можно отсчитывать с 1970-х гг. по мере роста оппозиции режиму Пак Чонхи, локализованной в основном в городах. Особенно сильны протестные акции и поддержка оппозиции в Пусане и Масане. При этом самым значимым фактором, чем дальше, тем сильнее было не только преобладание городского электората с высокой долей промышленных рабочих, студентов и молодёжи в целом, а влияние местных политиков.

Наиболее значимым из них на данном этапе был Ким Ёнсам — один из лидеров оппозиции в 1970–1980-х гг., более «системный» и умеренный, чем Ким Дэджун. Он родился в Кодже, и с 1950-х гг. избирался в парламент в основном от соседнего западного Пусана. В 1987 г. он и Ким Дэджун не смогли договориться о выдвижении единого кандидата, поэтому оппозиционный электорат разделился по региональному принципу. К Ким Ёнсаму больше тяготел электорат его родного южного Йоннама, тогда как электорат в центральной и северной частях региона остался верен правящей партии в лице местного уроженца Но Тхэу. Схожее разделение было и на выборах 1997 г., когда фракция Ким Ёнсама поддержала не основного кандидата консервативного лагеря Ли Хвечхана, а Ли Индже, максимальный уровень поддержки которого был именно в Пусанском мезорайоне (Приложение К) [262, р. 605; 475, р. 7].

В 1992 г. Ким Ёнсам стал единственным кандидатом в президенты от блока, объединившего его, бывшую правящую партию (военных) и сторонников Ким Джонпхилия. Сформировался альянс всех значимых не-хонамских партий, что привело к консолидации и Йоннама, получившего единого кандидата, и Хонама, вновь столкнувшегося с противодействием коалиции всех остальных регионов. Впоследствии этот альянс распался — Ким Джонпхиль восстановил собственную регионалистскую партию, а оставшаяся часть альянса из бывшей правящей партии и системной оппозиции стала основой нынешнего консервативного политического лагеря. Его оппонент — либеральный лагерь, основой которого была хонамская партия Ким Дэджуна.

Вторым новым мезорайоном стал **Хосо**. Причём ранее его территория была отнесена к Северному макрорайону, где отсутствовал регионализм, однако в конце 1980-х гг. местная политическая культура стала куда ближе к Южному макрорайону. Регионализм в Хосо был попыткой имитировать регионализм в Хонаме и Йоннаме и никак не проявлялся до 1987 г. В этих двух южных регионах региональный сентимент активировался и сохранялся в виде «слепой» поддержки местных представителей из-за региональной дискриминации или фаворитизма. Политики в Хосо не могли опереться на электорат, недовольный региональным неравенством и отчуждением, так как регион не отставал в экономическом развитии от среднего уровня, а его представители не были исключены из политических элит [490, р. 149].

В 1987 г., когда оппозиция оказалась расколота по региональному принципу, Ким Джонпхиль увидел возможность для консолидации электората его региона

вокруг идеи отстаивания местных интересов, как в Хонаме и Йоннаме. Далее он продолжил эту линию на парламентских выборах, и до 2000-х гг. его партия побеждала в большинстве избирательных округов региона [468, р. 47]. Однако из-за отсутствия сильных факторов, подпитывавших регионалистские настроения так, как в других регионах, регионализм в Хосо оказался слабее.

Он возник как реакция на регионализацию в других частях страны под лозунгом *«что мы делаем, когда другие объединяются»*. Поэтому иногда данное явление называют «имитационным» или «рефлекторным» регионализмом, пытавшимся конкурировать с «гегемонистским» регионализмом Йоннама и «сопротивляющимся» регионализмом Хонама [490, р. 148]. Однако такое изобретение регионализма «сверху», де-факто одним человеком в стратегических целях, не могло обеспечить должный уровень консолидации. Среди жителей Хосо была выше, чем Йоннаме и тем более, чем в Хонаме, доля выходцев из других частей страны, что размывало региональную идентичность [465, р. 127]. К тому же доля региона в населении страны была в два раза ниже Йоннама, и сопоставима с Хонамом, однако степень консолидации электората последнего в данный период составляла 90–95%.

В итоге местные политики отказались от президентских амбиций, претендуя на небольшую, но значимую долю мест в парламенте, гарантированных победой в регионе, на местные губернаторские и мэрские посты с редкими попытками коалиций с локальными политическими силами из других регионов. Важнейшим ресурсом Ким Джонхилия, а впоследствии и лидеров двух других движений (Ли Хвечхана и Ли Индже), наследовавших регионалистской партии Кима, была их гибкость по ключевым политическим вопросам, что позволило «торговать» своим политическим влиянием, вступая во временные коалиции с более крупными и консолидированными политическими лагерями, обменивая поддержку регионального электората на выгоды для себя и региона [472, р. 213; 492, р. 77].

В 1992 г. они поддержали консерваторов (Ким Ёнсама), в 1997 и 2002 г. — либералов Ким Дэджуна и Но Мухёна, а потом снова консерваторов. Каждый раз поддержанный ими кандидат одерживал победу на выборах. В первых случаях поддержка была обменена на вхождение представителей региона в правительство и большие вложения в инфраструктуру и индустриальное развитие Хосо. В 2002 г. Но Мухён для получения поддержки этого ключевого электората обещал перенести

столицу из Сеула в Хосо, что отчасти было реализовано (город Седжон) [465, р. 119]. В итоге Хосо стал регионом с самой быстрорастущей экономикой [490, р. 151].

Ключевой спорный вопрос при определении макро- и мезорайонов в этот период — граница между Хосо и Северным макрорайоном. Границы Хонамского и Йоннамского мезорайонов почти точно совпадают с административными границами пар соответствующих провинций³³ — именно в этих пределах избиратели чувствуют принадлежность к региональной общности, сформировались идентичность, стереотипы, система региональной неприязни и дискриминации. В Хосо ситуация сложнее.

С одной стороны, к мезорайону можно отнести весь регион, так как во всех его частях избиратели в той или иной степени были подвержены регионалистским настроениям. С другой стороны, успеха местные регионалисты достигали только в западной части региона, да и большинство из них происходило именно с запада, из-за чего избиратели на востоке региона не воспринимали их как «своих» [468, р. 61]. В итоге можем определить **мезорайон Хосо** как провинцию Южная Чхунчхон, Седжон и Тэджон, а соседствующие с ними области провинции Северная Чхунчхон — как широкую градиентную границу с Северным макрорайоном, включающим в себя остальную часть провинции в виде отдельного мезорайона.

Восточную часть региона, политическая культура которой всё-таки ближе к Северному макрорайону, выделим в мезорайон **Восточный Чхунчхон**. Он отличается от ядра макрорайона слабовыраженным регионализмом. Здесь нарушены типичные для макрорайона закономерности электоральной дифференциации пространства, базирующиеся на поколенческом расколе электората. Куда более значимым фактором оказывается эффект друзей и соседей — влияние происхождения кандидатов. Слабая региональная солидарность местного электората — следствие противопоставления избирателей своей части региона западной, откуда происходили почти все регионалистские лидеры (рис. 2.5). Это явление можно интерпретировать как субрегионализм, в той или иной степени характерный для многих регионов.

Столичный мезорайон не обладает какими-либо специфическими характеристиками, будучи ядром Северного макрорайона и выделяется только на фоне его периферийных частей, обособляющихся в отдельные мезорайоны. Электоральная

³³ В Хонаме есть три административные единицы первого порядка — город Кванджу и две провинции: Северная и Южная Чолла. В Йоннаме — город Тэгу и две провинции (Северная и часть Южной Кёнсан). Картограмма административного деления РК приведена в Приложении В.

география мезорайона обусловлена территориальным выражением поколенческого раскола, проявляющегося на выборах в различиях между центрами, полупериферией и периферией из-за разного соотношения в них ядерного электората разных политических лагерей. Других электоральных особенностей у него нет — местная политическая культура не имеет почти никаких отличных от национальной. Здесь проживает более половины избирателей страны и именно этот район в основном определяет исход выборов — здесь максимальна доля колеблющихся избирателей. При этом мезорайон обладает наименьшей «субъектностью» из всех — политическое представительство Хонама, Хосо и тем более Йоннама огромно, причём не только на уровне отдельных политиков, но и целых структур — партий и политических лагерей. Парадоксально, что наиболее крупный и потенциально влиятельный район не обладает какими-либо значимыми особенностями, связанными с его размерами, столичным статусом и внутренней сложностью, будучи средним или базовым — единственным, не отклоняющимся в какую-либо сторону из-за действия регионализма или субрегионализма. Эта «нормальность» — единственная его значимая черта.

Особенность **мезорайона Чеджу** состоит в изолированности острова (конфигурационный район), локализме и конформности электората, выразившейся до конца XX в. в стабильной поддержке кандидатов и партий власти. Причина такой поддержки на протяжении всей второй половины XX в. — последствия жестокого подавления восстания 1948 г., из-за чего степень контроля над регионом со стороны национальных властей была крайне высока. После демократизации ситуация изменилась и мезорайон из консервативного стал колеблющимся — по основным электоральным показателям он близок к полупериферии Столичного мезорайона.

Чеджу географически относится к югу страны, но электорально он тяготеет к Северному макрорайону, так как местной РПК не свойственен регионализм. К специфике мезорайона можно отнести разве что повышенный уровень поддержки социалистических партий. Основная причина — попытка кооптации в основном Зелёной партией слабых местных регионалистских настроений. Региональное отделение партии обладало значительной автономией, в рамках которой местные регионалисты пытались реализовать свои интересы, что не представлялось возможным самостоятельно. Успеха им добиться не удалось — Зелёная партия всегда имела крайне скромную поддержку, однако для самой партии стратегию можно считать успешной —

максимальной поддержки на выборах всех уровней она добивается именно в этом мезорайоне. Вторая причина — возвращение истории восстания 1948 г. в текущую политическую повестку, из-за чего местные жители склонны поддерживать социалистов и либералов, а не консерваторов, отчасти наследующих политическим силам, подавившим восстание [13, с. 32].

Мезорайон Йондон — восточная часть провинции Канвондо, отделённая от западной крупным горным хребтом. Относительная изолированность от остальной части провинции и связи с соседним Йоннамом обусловили стабильно более проконсервативную ориентацию мезорайона. В районах, демографически схожих с рядом районов Столичного мезорайона, фиксируется более высокий уровень поддержки консервативных политиков. Слабовыраженная региональная политическая культура, распространённая на обширной территории, позволяет выделять эти области в отдельный мезорайон, характеризующийся небольшим субрегионализмом по отношению к западной части провинции.

В данный период макро- и мезорайоны обрели свою форму и закрепились как наиболее значимые территориальные сущности на выборах. Сущности, наделённые политиками и избирателями важным для них политическим смыслом, — эти районы осознаются и используются политическими акторами для реализации своих интересов. Зачастую именно в категориях этих объектов рассуждают политические акторы, говоря о территориальных аспектах выборов, тем самым воспроизводя и легитимизируя их в общественном сознании и в приведённом районировании. В этот период политизация свойственной пространству страны неоднородности утвердилась в виде межрегиональной экономической поляризации. Общественное сознание, стремительно двигавшееся по пути национализации, в т. ч. политической жизни, «зависло» на важнейшем этапе этого процесса — регионализации. Политизация региональных различий оказалась сильнее противостояния между городским и сельским электоратом, разными позициями по ключевым экономическим и политическим вопросам устройства общества.

2.2.4. Стадия «эрозии» районов (с 2002 г.)

На нынешней стадии развития районной системы наблюдается постепенное разрушение цельности мезорайонов, сформировавшихся на предыдущих этапах. Мезорайоны Хосо и Восточный Чхунчхон постепенно утратили свою специфику, вновь став частью Северного макрорайона, почти неотличимой от его ядра. Другие мезорайоны Юга тоже подверглись ослаблению регионализма, что, с одной стороны, приводит к постепенной конвергенции результатов выборов в них, но с другой стороны, на нынешнем этапе пока что в первую очередь увеличило дивергенцию между Пусанским и Йоннамским мезорайонами (рис. 2.6).

Общеполитическая рамка этого процесса была задана двумя событиями. Первое — президентские выборы 2002 г., на которых кандидатом от либерального лагеря, традиционно представлявшего Хонам, стал выходец из Пусанского мезорайона — Но Мухён. Его участие в выборах привело к сдвигу в сторону либералов ряда районов Пусана и юга Йоннама: Кимхэ (родина Но), западного Пусана (область политической активности Но и его соратников) и районов с сильными профсоюзами (Чханвон, Ульсан, Кодже), которые новый президент стремился кооптировать.

Механизм ослабления региональной поляризации был, по сути, тем же, что и породил регионализм — голосование за земляков вне зависимости от политической аффилиации [478, р. 380]. Для либералов такая возможность возникла в середине 1990-х гг., когда часть представителей консервативного лагеря покинула партию Ким Ёнсама из-за его союза с Но Тхэу и Ким Джонпхилем. Многие из них в итоге примкнули к Ким Дэджуну, а в 2002 г. их кандидат победил на внутрипартийных праймериз и стал кандидатом от либералов на президентских выборах [51, с. 30]. В первую очередь отреагировали на возможность такого протестного, относительно регионального мейнстрима, голосования молодые городские избиратели Пусанского мезорайона, в меньшей степени подверженные регионализму [62, с. 238]. Далее влияние либерального лагеря в мезорайоне росло, что позволило его представителям уже регулярно побеждать на выборах в ряде округов, где им ранее редко удавалось набрать более 10%. Пусанский мезорайон стал близок по электоральным показателям к Северному макрорайону.

Данный процесс затронул и остальной Йоннам. Аналогичные, но менее выраженные успехи либералов в городах мезорайона в 2010-х гг. стали регулярными,

особенно в Чинджу, Тэгу и Андоне. В некоторых из них либералов удавалось победить на мэрских, муниципальных или парламентских (в местных ИО) выборах. Такой же по форме, но более слабый в результатах процесс происходит и в Хонаме — уровень поддержки консерваторов в мезорайоне растёт, хотя всё ещё остаётся крайне низким. Несколько раз консервативным кандидатам удавалось даже достичь победы на отдельных выборах, однако такие случаи крайне редки. Особенно заметно ослабление регионалистских партий в городах их «домашних» регионов, где высока доля молодёжи, меньше подверженной регионалистским настроениям.

Второе событие, повлиявшее на выраженность регионализма, — уход в 2004 г. из активной политической жизни Ким Джонпхилия — «основателя» регионализма в Хосо. После этого регионалистские настроения, в значительной степени завязанные на личность Кима, слабели, полностью исчезнув к 2012 г. Период после 2012 г. можно выделить отдельно, так как степень национализации выборов в данный период достигла максимума (рис. 2.3 и 2.4), совсем исчез регионализм в Хосо, существенно снизилась степень персонификации политики, а влияние смены политических поколений стало критично влиять на территориальную структуру на выборах [310, р. 119; 404, р. 52]. Однако данный период не представляет собой отдельной стадии развития районов — основной тренд на снижение выраженности районных признаков в целом, увеличение гетерогенности районов и межрайонную конвергенцию остался тем же [239, р. 7].

В рассматриваемый период произошла трансформация самой сути регионализма. Сейчас уже нет сильных межрегиональных экономических различий, которые ранее активизировали регионализм, однако данный феномен до сих пор остаётся главным, определяющим территориальную конфигурацию на выборах [304, р. 419]. Ким Ук и Ли Джэхён выделили четыре стадии регионализма по голосованию за: 1) местного кандидата; 2) партию с местным лидером; 3) кандидата от местной партии; 4) кандидата, проводящего политику в интересах региона [469, р. 161].

Регионализм в Хосо прошел все четыре стадии — вопросы, затрагивающие региональные интересы, решились, поэтому в глазах избирателей исчезла необходимость продвигать их посредством всё менее эффективного обособления в отдельный политический регион. Местные политики были кооптированы либеральным и консервативными лагерями, что сказалось на географии их поддержки — она чаще

определялась тем, в какой из политических лагерей перешёл местный представитель регионалистской партии [468, р. 47]. Однако местная политическая культура сохранила гибкость и изменчивость предпочтений избирателей — они стали колеблющимся электоратом, за который наравне с электоратом Столичного региона и происходит борьба на выборах. Регионализм не исчез полностью, а коренным образом изменился, перейдя от «традиционного», основанного на поддержке «своих» из-за аффективной региональной поляризации, к «политическому», базирующемуся на максимизации продвижения региональных интересов посредством электоральной конкуренции [490, р. 151]. Другими словами, регионализм от «примитивного», при котором избиратели отдавали голоса за кандидатов, происходящих из их регионов, перешёл к стратегическому регионализму в форме поддержки пусть и «чужих» кандидатов, однако учитывающих региональные интересы [240, р. 33–40; 404, р. 50].

В Хонаме и Йоннаме развитие регионализма всё ещё находится на третьей стадии, по Ким Уку и Ли Джэхёну. Там он трансформировался от поддержки «своих» кандидатов к поддержке партии, укоренённой в регионе, и её кандидатов, даже если это выходцы из региона политических оппонентов. Если раньше регионализм почти полностью зависел от личностей конкретных политиков (например, «Трёх Кимов»), то в 2000-х гг. партии стали играть более значительную роль. Например, в 2002 г. избиратели в Хонаме поддержали Но Мухёна, выдвинутого возглавляемой хонамцем Ким Дэджуном партией, несмотря на то, что Но Мухён был родом из Йоннама. Далее на президентских выборах соответствующую партию лишь в 2007 г. представлял хонамец (Чон Донён), а в 2012, 2017, 2022 и 2025 г. её кандидатами на президентских выборах были йоннамцы Мун Джэин и Ли Джэмён. Снизилась доля хонамцев и в истеблишменте либерального лагеря в целом (рис. 2.5).

Однако регионализм всё ещё преобладает как ключевой фактор электоральных процессов в Южном макрорайоне. Периодически он усиливается, так как в каждом из политических лагерей регулярно происходят расколы, в т. ч. и по региональным линиям. Например, из-за увеличения роли выходцев из Йоннама в либеральном лагере некоторые хонамские политики обособлялись в отдельные партии, протестуя против, по их мнению, игнорирования интересов региона [286, р. 328]. Например, к таким партиям относятся Демократическая партия (2004 и 2016 гг.), Народная партия (2016 и 2020 гг.), Объединённая демократическая партия и Открытая

демократическая партия (2020 г.), Партия Родины, Партия нового будущего и Сосновая партия (2024 г.). В консервативном лагере аналогичным образом периодически обособляются партии, имеющие ещё большую концентрацию электората в Йоннаме, чем «материнская» партия: Фракция Пак Кынхе (2008 г.), Ханнара (с 2012 г.), Правильная партия (2018 г.), Республиканская партия, Сэнури (с 2020 г.) и др. Политические регионы продолжают воспроизводиться, но уже в рамках конкуренции внутри политических лагерей.

Ещё одна особенность данного периода — «насыщение» мезорайонов дополнительными свойствами вследствие усложнения и увеличения разнообразия в партийной системе. Например, к специфике Хонамского мезорайона добавилась повышенная поддержка социалистических партий и кандидатов. То же свойственно и нескольким ядрам Пусанского мезорайона, а характерной чертой Йоннама также стала регулярное и значимое присутствие на выборах крайне правых политических сил. Несколько характерных показателей, по которым видны различия между РПК макро- и мезорайонов, приведены в Приложении Е.

За рассматриваемый период (1948–2025 гг.) структура электоральных макро- и мезорайонов прошла четыре стадии развития. На первых районируемость электорального пространства низка — распространены мозаичность территориальных электоральных структур, локализм и высокая волатильность. Лишь на нижних «этажах» можно определить несколько формирующихся и внутренне гетерогенных районов с разными региональными политическими культурами. Только после демократизации районы закрепились как устойчивые и тотальные сущности, а также появилась полная полимасштабная схема районов — от макро- и мезорайонов до районов среднего уровня и микрорайонов. Именно на среднем и локальном уровнях в данный период (1987–2025 гг.) наблюдается основная динамика электоральных структур, тогда как мезорайонные особенности лишь «задают фон» текущим электоральным процессам и подвергаются постепенной «эрозии» со стороны факторов, определяющих дифференциацию электорального пространства внутри мезорайонов. Набор, сформированных ими электоральных районов, под- и микрорайонов, рассмотрен в следующей главе.

Глава 3. Электоральное районирование Республики Корея³⁴

3.1. Современные электоральные районы

3.1.1. Электоральные районы

Структура электоральных расколов в Республике Корея регионально гетерогенна, поэтому использование стандартных количественных методов для выявления территориальных отдельностей затруднено — слишком велики различия между макро- и мезорайонами. Поэтому анализ проводился внутри каждого мезорайона отдельно. Также выборы были разделены на три «электоральные эпохи» (до 2002 г., 2002–2012 гг., после 2012 г.) относительно стабильных географических паттернов голосований. Из анализа исключались политические силы с крайне малым уровнем поддержки (<2%) в рассматриваемом мезорайоне. Ряды электоральных показателей преобразовывались в факторы, отражающие совокупную пространственную дифференциацию поддержки политических сил. Примеры дифференциации электорального пространства мезорайонов и районов по значениям ряда основных полученных факторов приведены в Приложении Ж. Факторный анализ позволил нивелировать «выбросы» в данных и снизить размерность. Далее территориальные ячейки были подвергнуты кластеризации на основе показателей факторов и преобразованы в относительно гомогенные группы. Наложение полученных группировок друг на друга позволило выделять ядра районов и контуры наиболее «очевидных» из них.

Всего выделено 75 районов, из них три — подрайоны со статусом районов, которые будут рассмотрены в следующем разделе. Дифференциация электорального пространства внутри мезорайонов структурирована по линии «центр-периферия», где как центры выступают города и места локализации «региональных синдромов» и «элитогенеза». Конфигурация электоральных районов подчинена этой структуре.

Влияние регионализма, эффекта друзей и соседей и связанных с ними «центров элитогенеза» на выборах в РК были подробно рассмотрены в предыдущей главе. В данном разделе для анализа центр-периферийной структуры электорального пространства мезорайонов рассмотрим второй по значимости фактор (после регионализма) в электоральной географии страны — поколенческий. Слабость

³⁴ Основные результаты данного раздела ранее опубликованы автором в публикациях: Чернецкий Ф. М. Электоральные районы Республики Корея // Региональные исследования. — 2025. — № 2. — С. 92–107; Чернецкий Ф. М., Крсманович М. Ключевые факторы дифференциации электорального пространства Республики Корея // Известия РАН. Серия географическая. — 2025. — Т. 89, № 5. — С. 716–730.

идеологических различий между ключевыми партиями и соответствующих расколов на южнокорейских выборах не обеспечивают существующих, например, в Европе и Северной Америке изменений электоральных предпочтений избирателей по мере старения. Там периодически сдвигаются точки отсчёта идеологических координат, поэтому чего избиратели обычно с годами становятся консервативнее. В Корее этого почти не наблюдается, ибо различия между условными либералами и консерваторами в основном относятся к вопросам, по к которым явной и значимой динамики не происходит. Поэтому политические поколения, сформировавшись, остаются стабильными в своих электоральных предпочтениях [118].

Старшее поколение избирателей — «поколение индустриализации» или «поколение 6.25»³⁵ — родилось до середины 1960-х гг., застав колониальную эпоху, Корейскую войну и послевоенную нищету. Именно представители этого поколения стали свидетелями и строителями «корейского экономического чуда». На выборах большинство избирателей из «поколения индустриализации» предпочитает поддерживать консервативный политический лагерь — отчасти наследника правящих партий времён авторитарных режимов периода индустриализации [275, р.141 ; 467, р. 7]. По мере сокращения доли этого поколения в электорате растёт его внутренняя гомогенность — ранее оно составляло большинство и расколы между разными кандидатами делили его на крупные части, что почти не фиксируется на ряде последних выборов. Однако уровень поддержки либерального лагеря в этом поколении стабилен — от четверти до трети (в исключительных случаях до 40%) (рис. 3.1).

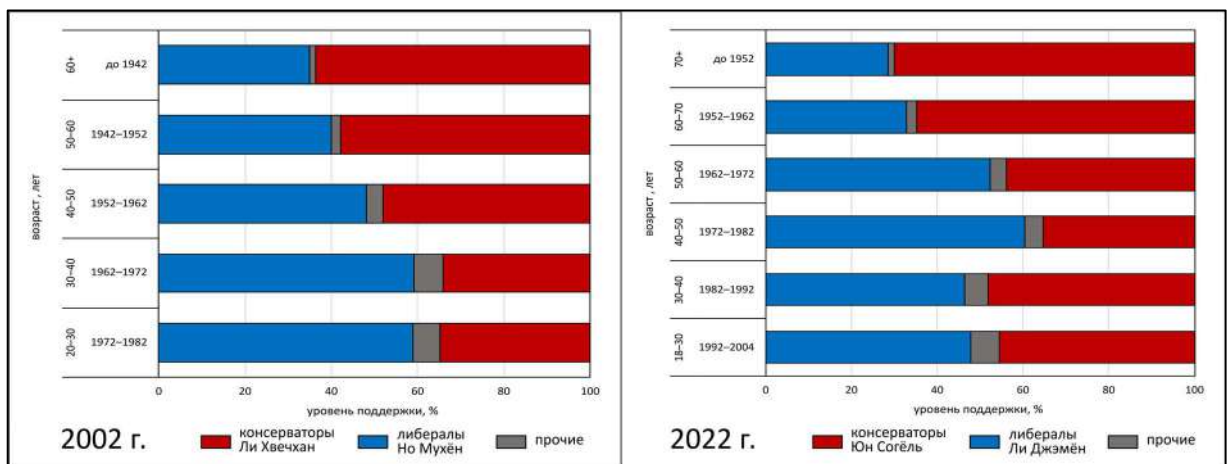

Рисунок 3.1. — Распределение поддержки основных и «миноритарных» кандидатов на президентских выборах 2002 и 2022 гг. по возрастным группам

Источник: составлено автором по данным экзит-поллов [340]

³⁵ 25 июня 1950 г. — дата начала Корейской войны (иногда её называют «Войной 6.25»).

Второе политическое поколение — «поколение 586» — родилось между 1965 г. и 1985–1990 гг. Оно росло уже в условиях стремительного экономического развития и улучшения качества жизни, но ещё в условиях политических несвобод и социального консерватизма, воспринимаемых ими как анахронизм. К тому же именно это поколение было первым, массово получавшим высшее образование, период его активной политической социализации пришёлся на 1980–1990-е гг.³⁶ Именно представители «поколения 586» массово участвовали в продемократических и антиправительственных движениях 1980-х гг. [396, р. 53].

Это южнокорейский «аналог» поколения «68-ого» — идеологически преимущественно левого большого послевоенного поколения, массово (впервые) получавшего высшее образование. Его представители жили в условиях устойчивого экономического роста и улучшения качества жизни, а не в условиях регулярных кризисов и войн, непосредственно затрагивавших предшествующее поколение, и были максимально политически активными с середины 1960-х гг. до конца 1970-х гг. (особенно в 1968 г.), в Европе и Северной Америке [436, р. 53–67]. Однако в случае РК начало формирования такого поколения сдвинуто примерно на 15 лет из-за Корейской войны и времени начала форсированной модернизации. Это поколение тоже выделялось сильными антиправительственными настроениями, тяготением к левой части идеологического (классического) спектра, симпатиями (разной выраженности) к КНДР, антиамериканизмом и антикапиталистическими установками. Этот набор трансформировался в 1990-х гг., из него исчезла большая часть радикальных идей, однако осталась сильная антипатия к южнокорейским авторитарным (особенно военным) режимам, их наследникам и крупному бизнесу. В итоге «поколение 586» массово поддерживает условно либеральный лагерь. Например, в 2002 и 2022 г. около 60% активных избирателей этого поколения проголосовало за либеральных кандидатов на президентских выборах (рис. 3.1).

Следующее и самое молодое поколение, первые представители которого родились в начале 1990-х гг., стало частью электората лишь в конце 2000-х гг., а его политическая социализация продолжается до сих пор. Их электоральное поведение

³⁶ Отдельный термин, обозначающий данное поколение, возник в конце 1990-х гг., когда значительная часть поколения достигала 30-летнего возраста. Поэтому изначально название выглядело иначе — «поколение 386». «6» — от 1960-х гг. (появление поколения), «8» — от 1980-х гг. (время максимальной политической активности и социализации поколения), «3» — от 30-летнего возраста большинства представителей поколения в тот момент. Сейчас поколение массово достигло возраста 50 (и почти 60) лет, поэтому называется «586».

начало оформляться уже после формирования регионального и поколенческого (между старшими когортами избирателей) расколов, поэтому они в меньшей степени подвержены влиянию этих факторов. Данное поколение росло уже в условиях консолидированной демократии, регулярных смен правящих партий и кризисов, растущего неравенства и поляризации, вследствие чего не имеет чётких электоральных предпочтений в виде однозначной и стабильной во времени ориентации большинства представителей поколения на какой-либо один политический лагерь.

Это ключевой колеблющийся электорат, за который обычно и ведётся основная борьба на выборах — победа среди молодёжи почти гарантирует победу на выборах в целом. В итоге данное поколение на выборах либо массово поддерживает один из политических лагерей и их кандидатов, например, после крупных политических кризисов (выборы 2007, 2008 и 2017, 2018, 2020 гг.), либо поляризуется — тогда исход выборов неясен до самого конца (2012, 2016 и 2022 гг.). Причём зачастую именно для молодого электората характерно «негативное голосование» — не «за» какую-либо наиболее предпочтительную политическую силу, а «против» наименее приемлемого кандидата или партию из основных [348]. Из-за этого у данного поколения есть ещё одна особенность — повышенная поддержка «третьих» партий и кандидатов — маргинальные политические силы на краях политического спектра и/или регулярно откалывающиеся от двух основных партий (рис. 3.1). В целом относительно повышенная поддержка «немейнстримных» партий характерна для молодёжи во всех странах, однако в РК это явление особенно выражено.

Важная специфика молодого поколения, появившаяся на нескольких последних выборах, — гендерный раскол, который ранее не фиксировался. Начиная с досрочных выборов мэра Сеула 2021 г., на выборах всех уровней наблюдается следующая закономерность: большинство молодых (до 40 лет) мужчин склоняется к поддержке консервативных и крайне правых партий и кандидатов; большинство молодых женщин — к поддержке либералов и социалистов³⁷ [172]. Феномен растущей гендерной поляризации молодёжи наблюдается в последнее десятилетие в большинстве демократических стран, в РК он выражен крайне явно [145; 179, р. 9].

³⁷ Хотя подобные расхождения между электоральными предпочтениями молодых женщин и мужчин фиксировались и в конце 2010-х гг., но были ещё крайне малы.

Например, отчётливо проявилась эта закономерность на президентских выборах 2025 г.: почти 65% женщин от 18 до 29 лет и 60% от 30 до 39 лет поддержали либерала Ли Джэмэна и социалиста Квон Ёнгука, тогда как среди мужчин в этих возрастных группах 75% и 60% соответственно поддержали консервативных кандидатов Ким Мунсу и Ли Джунсока, а в целом соотношение составляло 50% на 50% (рис. 3.2). Отметим также, что среди этих возрастных групп 30% и 20% избирателей соответственно поддержало не основных кандидатов (Ли Джэмён и Ким Мунсу), а двух других, не имевших шансов на победу, набрав всего менее 10%.

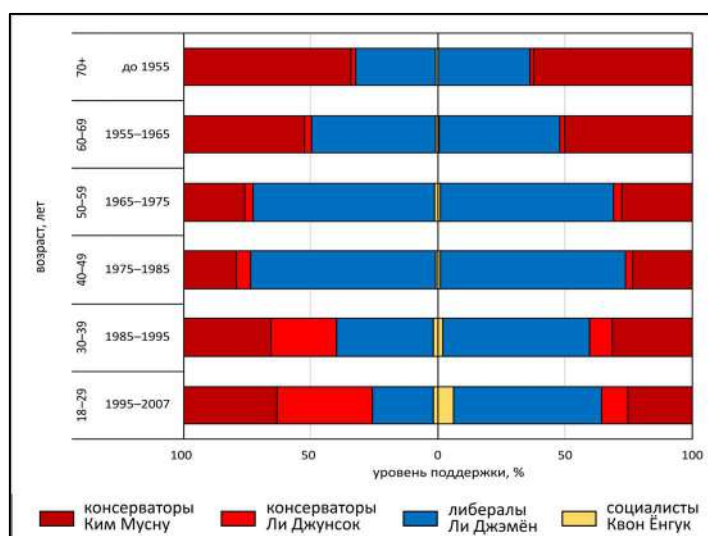

Рисунок 3.2. — Электоральные предпочтения женщин (слева) и мужчин (справа) на президентских выборах 2025 г. по возрастам

Источник: составлено автором по данным экзит-поллов [340]

Причина раскола — растущая поляризация между молодыми мужчинами и женщинами по вопросам гендерного равенства и феминизма. Молодые мужчины всё в меньшей степени солидарны с тезисом о системной дискриминации их сверстниц. Это вызывает их недовольство политикой гендерного равенства, например, самим фактом приоритизации женских интересов (часто декларативной), гендерных квот и др. Усугубляет проблему, с их точки зрения, растущее обратное неравенство — часть молодых мужчин, считает, что в текущих условиях женщины имеют больше возможностей, а мужчины подвергаются системной дискриминации, например, обязательному призыву на военную службу; крайней активностью движения «#MeToo» и иных профеминистских движений, акций и организаций; активизацией обсуждения во всё ещё весьма социально консервативном обществе вопросов гендерных ролей, прав и обязанностей [253, р. 97; 330; 444].

Многие другие переменные, которые принято использовать для объяснения дифференциации электорального пространства в других странах, в РК очень тесно коррелируют с поколенческой структурой электората. Например, уровень образования избирателей, агрегированный на уровне каких-либо территориальных ячеек, почти полностью зависит от соотношения представителей разных поколений. Старшее поколение в молодости ещё не имело доступа к массовому высшему, а нередко и к школьному образованию, поэтому их высокая доля в структуре населения какой-либо территории автоматически понижает долю лиц, имеющих какое-либо образование. Аналогична ситуация и со структурой жилья: пожилые избиратели чаще проживают в отдельных (особенно в сельской и мелкогородской местностях) или малоэтажных домах, тогда как представители более молодых поколений в основном в более новых многоэтажных кварталах. Образование в значительной степени влияет на мировоззрение и политические взгляды, однако как самостоятельный фактор в случае РК его можно использовать лишь в исключительных ситуациях. Влияет поколенческий опыт и на другие факторы, например, гендерный.

На электоральные предпочтения южнокорейских избирателей оказывают влияние и иные композиционные факторы, однако, в отличие от двух описанных, они не обладают значимой спецификой в сравнении с классическими примерами из Западной Европы и Северной Америки [202, р. 7; 302, р. 640; 307, р. 670] или их влияние крайне мало [309, р. 507]. Влияние данных факторов на электоральную географию страны ещё ниже и лишь два из них — религиозный и идеологический — имеют хотя бы локальное выражение. Первый важен в случае концентрации представителей некоторых религиозных групп («сект») в небольшом районе при наличии у них специфических электоральных предпочтений. Идеологический фактор важен в основном для социалистических политических сил в местах их максимальной поддержки, к которым кроме университетских кампусов (молодёжь) относятся и районы сильного влияния профсоюзов, связанных с левыми партиями [17, с. 61–62].

В итоге дифференциацию электорального пространства внутри мезорайонов определяет прежде всего территориальная проекция поколенческого раскола в сочетании с проявлениями регионализма и субрегионализма. Конфигурация электоральных районов каждого из мезорайонов — следствие этой центр-периферийной структуры. Полученная сетка электоральных районов приведена на рис. 3.3.

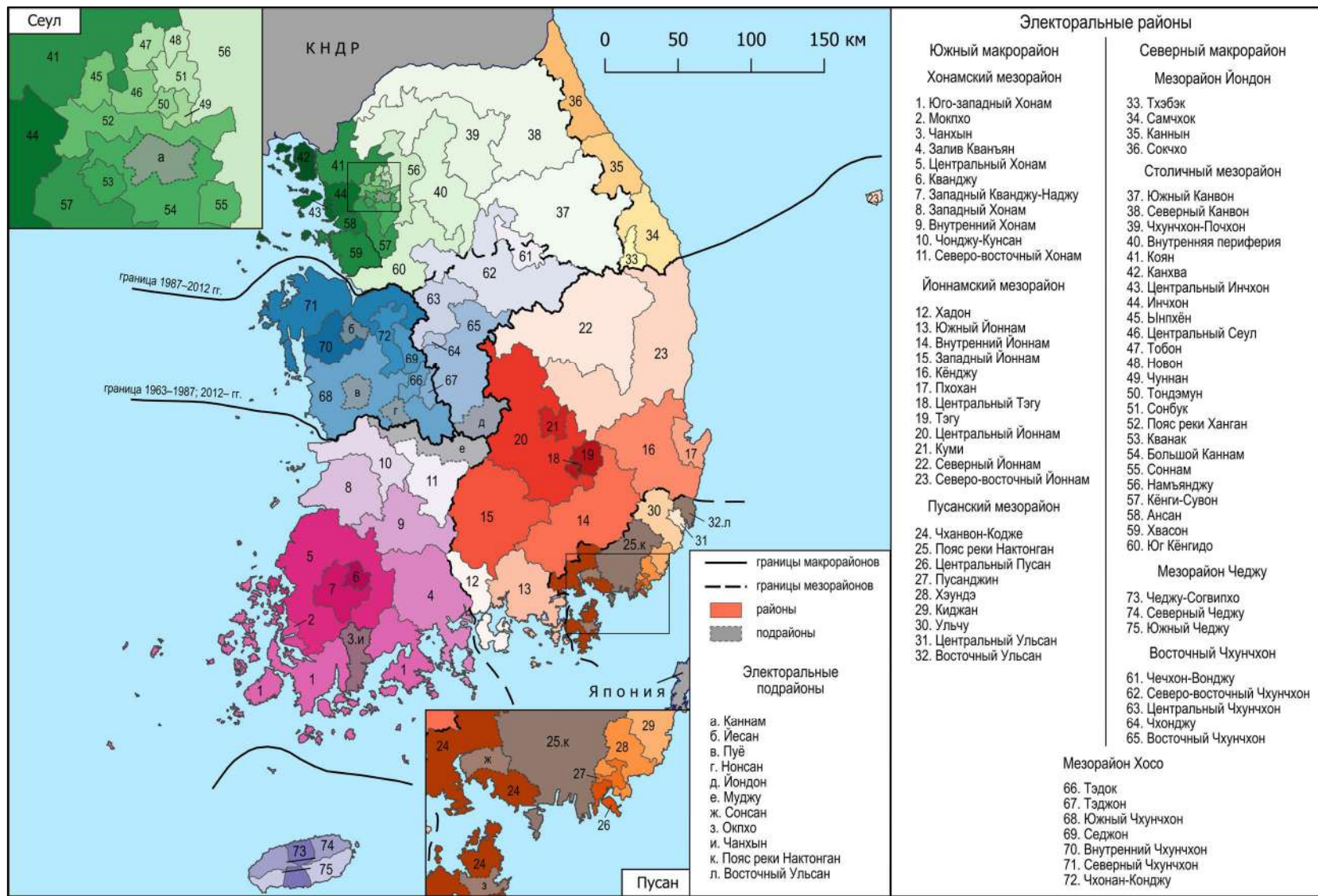

Рисунок 3.3. — Электоральные районы и подрайоны Республики Корея

Источник: составлено автором

Рассмотрим сначала районы южных мезорайонов, внутренняя структура которых подчинена одинаковому сочетанию ключевых факторов.

В качестве субцентральных районов Хонамского и Йоннамского мезорайонов выступают крупнейшие города — Кванджу (6, 7) и Тэгу (18, 19) соответственно. Именно здесь были локализованы «районные синдромы» в период районообразования и длительное время они были соответственно самыми пролиберальными и проконсервативными районами страны. Из этих городов происходили или были с ними тесно связаны многие лидеры главных политических лагерей. В Кванджу антипатия к консерваторам резко усилилась в 1980 г. вследствие кровавого подавления Восстания в Кванджу после военного переворота Чон Духвана [453, р. 1556]. Сейчас наблюдается обратный эффект — центры мезорайонов теряют районные признаки быстрее большинства соседних районов. Причина — более молодая структура электората: высокая доля молодёжи, слабо подверженной регионализму, повышает уровень поддержки оппозиционного в данном мезорайоне политического лагеря.

Структура электората и его возраст обусловили различия между старыми и более новыми частями этих городов. Центральный Тэгу (18) и Кванджу (6) — старые центральные районы, а районы Тэгу (19) и Западный Кванджу-Наджу (7) — более молодые, города-спутники и пригороды, соседствующие с крупными промышленными парками. В более молодых районах фиксируется сильное снижение значимости регионалистского электорального поведения и более высокая поддержка социалистов. Отличие Кванджу в большей доле «старого города», по сравнению с Тэгу, где он ограничен тремя центральными административными районами.

Другие субцентры мезорайонов — соседние районы со схожими характеристиками, но с более сильным влиянием фактора местного элитогенеза. Для них характерна почти максимальная выраженность типичных для соответствующих мезорайонов признаков. В Хонаме таковы Мокпхо (2) и Юго-западный район (1) — родина Ким Дэджуна. Позже здесь многократно избирались его ближайшие политические наследники и сыновья. Расколы внутри доминирующего в регионе либерального лагеря, несколько раз проходившие между фракциями наследников Ким Дэджуна и иными группами, отчетливо выделяли именно эту часть региона на соответствующих выборах. В Мокпхо, как во многих городах, регионализм заметно ослабевает, однако в соседнем Юго-западном Хонаме этого почти

не наблюдается, так как, с точки зрения классического восприятия центр-периферийного раскола в виде дихотомии между городом и селом, данный район относится к глубокой периферии, включая сельские островные и часто изолированные территории с крайне высокой долей пожилых избирателей, а значит и с крайней приверженностью региональному мейнстриму.

В Йоннаме аналогом Мокпхо может выступать Куми (21) — родина Пак Чонхи, а Юго-западного Хонама — Западный Йоннам (15) (табл. 3.1) — горная сельская периферия, тоже отчасти послужившая центром элитогенеза консервативного лагеря. Например, именно здесь родился Чон Духван, влияние эффекта друзей и соседей которого отчетливо фиксировалось на выборах 1980–1990-х гг.

Таблица 3.1. — Сопоставление электоральных районов Хонама и Йоннама.

Хонам	Йоннам	Специфика
Кванджу	Центральный Тэгу	центр элитогенеза
Западный Кванджу-Наджу	Тэгу	центр элитогенеза
Юго-западный Хонам	Западный Йоннам	пожилая периферия
Мокпхо	Куми	центр элитогенеза
Центральный Хонам	Центральный Йоннам	ближняя полупериферия
	Кёнджу	полупериферия
Залив Кванъян	Южный Йоннам	крупные города
	Пхохан	промышленный центр
Западный Хонам	Северо-восточный Йоннам	субрегионализм, сельская периферия
Внутренний Хонам	Внутренний Йоннам	полупериферия мезорайона, средние города
Чонджу-Кунсан	Северный Йоннам	субрегионализм, средние города
Северо-восточный Хонам	Хадон	периферия, субрегионализм, приграничное положение

Источник: составлено автором

Центральные (не городские, а географически) районы (5 и 20) занимают положение ближней полупериферии, находясь под сильным влиянием центров (Куми, Тэгу, Кванджу и Мокпхо), охватывая часть их дальних пригородов и городов-спутников. Степень выраженности мезорайонных признаков в них ниже, чем в Юго-Западном Хонаме и Западном Йоннаме, но выше, чем в городских ядрах, из-за менее молодой структуры электората.

Города, не относящиеся к центральным частям мезорайона, за редкими исключениями, обладают наибольшим отклонением от характерных для мезорайона в целом черт. Предельные случаи — города и их окрестности на севере мезорайонов — Чонджу-Кунсан (Хонам) (10) и Северный Йоннам (22). Их специфика заключается в почти максимальном удалении от центров мезорайонов и повышенном протестном голосовании, относительно регионального мейнстрима. Это феномен, аналогичный

Восточному Чхунчхону, но кратно менее выраженный. Разница между этими городскими районами и соседними более сельскими, на которых влияние данных субцентров уже не распространяется — таковы Западный Хонам (8) и Северо-восточный Йоннам (23), — состоит в основном в центр-периферийных различиях поколенческого состава электората.

Влияние городов распространяется всё-таки и на обширные соседние мелко-городские и сельские области, которые административно объединены с городами. Повышенное влияние, например, консервативных кандидатов в городских ядрах обуславливает их большую конкурентоспособность и известность во всем округе. Поэтому конфигурация электоральных районов подвержена ещё и влиянию административных границ, что особенно значимо в Южном макрорайоне, так как набор и влияние кандидатов на парламентских, мэрских и прочих местных выборах зачастую играет ключевую роль в различиях результатов между округами.

В Хонаме влиянию административных границ подвержен полупериферийный преимущественно городской район залива Кванъян (4), в который входят конурбация Кванъяна, Сунчхона и Йосу и прочие территории, включённые в состав соответствующих административных единиц II уровня. Он не выделяется противостоянием с региональным центром, но отличается от более сельской внутренней полупериферии — районов Внутренние Хонам (9) и Йоннам (14) — более молодой структурой электората и его мобильностью. Сельская полупериферия занимает промежуточное положение между центрами и протестными северными (и южными в случае Йоннама) окраинами мезорайонов.

Ещё один специфичный случай — приграничные периферийные районы Хадон (12) и Северо-восточный Хонам (11). В них крайне важен фактор удалённости от мезорайонных центров и протеста против регионального мейнстрима [200, р. 61], а также влияние контактных границ мезорайонов, создающих внутри этих районов под- и микрорайоны с крайне сниженными мезорайонными характеристиками — данные аномалии будут рассмотрены в следующих разделах.

Йоннам существенно больше Хонама, поэтому в нём выделяется на два района больше. Кёнджу (16) максимально близок к соседнему Пхохану (17), полным аналогом которого выступает Кванъян, как по электоральным процессам, так и по экономическим (металлургические комбинаты POSCO). При этом Кёнджу имеет также

характеристики, близкие к Центральным районам. Южный Йоннам тоже можно рассматривать как аналог района залива Кванъян (13) — средние города (Чинджу, Косон, Тхонъён, Сачхон) и полупериферийное положение.

Граница между Южным Йоннамом и Пусаном значительно размыта, однако Чханвон и Кодже (24) — крупные городские ядра, сильнее выделяющиеся антиконсервативными настроениями. К тому же этот район куда чаще попадает под влияние пусанских политиков, что существенно отклоняло электоральные предпочтения избирателей в нём от характерных для соседних районов Йоннама. В остальном Пусанском мезорайоне наблюдается обычная центр-периферийная закономерность. Старое городское ядро (26) характеризуется крайней консервативностью из-за высокой доли пожилых избирателей, что также свойственно периферии Пусана (29) и Ульсана (30). Центр Ульсана (31) выделяется более пролиберальным голосованием и отклонением от регионалистского паттерна. Пусанджин (27) и Хэундэ (28) занимают полупериферийное положение и имеют типичные для мезорайона характеристики.

Исключения — районы, выделенные в качестве подрайонов, обладающие явным качественным своеобразием политической культуры. В первую очередь к ним относится промышленный Восточный Ульсан и Пояс реки Нактонган, занимающий западный Пусан и ближайшие пригороды. Также в качестве подрайонов выделяются части Чханвона и Кодже — они будут подробно рассмотрены далее.

В Хосо и Чхунчхоне схема районов отклоняется от описанной модели — городская и более пролиберальная ось находится в центре региона, а «центр элитогенеза», где высока поддержка местных регионалистов, смещён на запад. Для центра крупнейшего города мезорайона Тэджона (67) свойственна та же инверсия, что и для Центрального Тэгу — очень высокая доля пожилых избирателей в старой части города, что обуславливает его консерватизм. Западная часть Тэджона и ближайшие пригороды — район Тэдок (66) — похожи структурно на Западный Кванджу и полупериферию Тэгу из-за очень высокой доли «поколения 586» и молодёжи. Остальные районы центра мезорайона тоже различаются в первую очередь степенью урбанизированности и спецификой структуры электората. Например, значительную долю избирателей в Седжоне (69) составляют выходцы из-за пределов региона — чиновники, переехавшие в быстрорастущий город, задуманный как новая столица. Северо-Восток (62) — горная сельская периферия, где выделяются лишь города Чечхон и

Вонджу (61). В целом восток региона был меньше затронут регионализмом, поэтому его внутренняя структура похожа на другие мезорайоны Севера. К тому же в последние 13 лет здесь вообще нет мезорайонной специфики.

Прочие районы, входившие в состав мезорайона Хосо, имеют более сложную структуру. В значительной степени она определена локализацией центров регионального элитогенеза, обособленных в предложенной схеме в качестве подрайонов, которые будут рассмотрены в следующем разделе. В остальном набор районов подчинён классическому центр-периферийному расколу: центры — крупные города в лице Чхонана и Конджу (72), полупериферия, характеризующаяся колебаниями местного электората между политическими лагерями и ослаблением мезорайонной специфики, охватывает Северный Чхунчхон (71), а периферия, выделяющаяся крайне высокой долей пожилых избирателей — горные области Внутреннего Чхунчхона (70). Южный Чхунчхон (68) сейчас представляет собой полупериферийный и весьма гетерогенный район, но ранее он был скорее аналогом Западного и Центрального Йоннама и Юго-западного Хонама.

Северный макрорайон имеет упрощенную конфигурацию районов. Здесь максимально влияние поколенческого раскола между городами и сельской местностью. Однако этот обычно плавный градиент местами осложняется мозаичностью — соседством небольших контрастных электоральных местностей. На Юге так соседствуют более крупные блоки, сформированные административными границами.

Мезорайоны Йондон и Чеджу структурированы центр-периферийно под влиянием поколенческого раскола с выделением городских районов вокруг Каннына (35), Тхэбэка (33), Чеджу и Согвипхо (73) и сельских районов на периферии Чеджудо (74, 75) и Йондона (34). Однако в отличие от остального макрорайона, периферия фрагментирована влиянием административных границ, а север Йондона — Сокчхо (36) — выделяется повышенной (относительно районов со схожей структурой электората) поддержкой консерваторов из-за близости границы с КНДР и значимости межкорейских отношений для местных избирателей.

Ещё меньшую региональную специфику имеет Столичный мезорайон, где четко выделяются периферийные консервативные районы, в которые обычно попадают горные и островные территории с крайне высокой долей пожилых избирателей (37, 40, 42, 59); полупериферийные районы с неустойчивым электоральными

предпочтениями, куда входят пригороды крупных городов и небольшие города-спутники (41, 56, 60); либеральные центральные районы — значительная часть крупных городов-спутников Сеула и нескольких районов самого города, где максимальна доля электората из «поколения 586» (44, 45, 51, 53, 55, 57, 58).

Особые случаи — консервативные центральные районы в городском ядре Инчхона (43) и в деловом центре Сеула (54). В первом случае специфика аналогична старой части Тэдждона, а второй — один из немногих примеров влияния экономического фактора на географию поддержки основных партий, так как к этому району относится Каннам, западная часть Соннама и несколько соседних пригородов Сеула с крайне высокой стоимостью недвижимости, концентрацией деловой активности и богатейших жителей страны. В значительной степени специфика района Большой Каннам (54) определяется электоральным подрайоном в его ядре.

В других частях Столичного мезорайона на стыках областей с полярными электоральными предпочтениями формируются районы без преобладания поддержки того или иного лагеря (47, 48, 50), например Пояс реки Ханган (52) — район концентрации большинства сеульских колеблющихся избирательных округов. Центральные либеральные районы различаются по степени либеральности и по прочим электоральным показателям, например, Кванак (53) отчасти выделяется повышенной поддержкой некоторых социалистических партий из-за кампуса крупнейшего ВУЗа страны (Сеульского национального университета), но в первую очередь на его выделение повлияла поколенческая структура окружающего университет района. Похожие «выбросы» есть и на периферии, например Северный Канвон (38) — горная малонаселенная местность — находится у границы с КНДР, что обуславливает присутствие на его территории множества военных баз — районов концентрации молодых избирателей (призывников), имеющих отличное от местного населения электоральное поведение.

Территориальная дифференциация результатов выборов в пределах Сеула — самый сложный участок данной работы. Ключевая проблема — несоответствие масштабов типичного электорального района, полученного в ходе районирования остальной страны, с тем его размером, который был бы адекватен территориальным электоральным структурам Сеула. Для более качественного районирования Сеула требуется чуть большее количество выделяемых районов, не 75, а почти 100, однако

такой увеличение критично для восприятия — отчасти теряется смысл районирования как упрощения наблюдаемых структур. Перераспределение количества выделяемых районов между мезорайонами критично снизило бы адекватность сетки районирования в Южном мезорайоне, где предложенная схема оптимально отражает центр-периферийную структуру мезорайонов, не слишком дробя или упрощая её.

Районируемость электорального пространства Сеула ниже, чем в других частях страны, — это очень плотное место с активными процессами городской трансформации. Существовавшие ранее крупные и более или менее гомогенные районы подвержены постоянной перестройке, что меняет структуру их электората. В итоге дробность электоральных структур и процессов в Сеуле выше.

Однако предложенная схема районирования позволяет обойти это затруднение. По сути, на уровне районов среднего масштаба в данном случае требуется лишь определить несколько крупных территориальных отдельностей, существенно отличающихся друг от друга, хотя и не обладающих внутренней гомогенностью, сопоставимой с гомогенностью прочих районов. В остальном районирование Сеула — финальная задача, вынесенная на уровень микрорайонов (и отчасти подрайонов), способных адекватно отразить крайне мозаичную территориальную электоральную структуру города.

3.1.2. Электоральные подрайоны

Существует несколько мест, где электоральные предпочтения избирателей существенно отклоняются от описанных моделей и выделяются на фоне окружающих районов. При создании сетки электоральных районов недоучтены либо количественные переменные, преимущественно локального масштаба, либо действие контекстуальных факторов. Часть них имеет совсем небольшие размеры, другая часть сравнима по площади и численности электората со стандартным электоральным районом. Выделим 11 наиболее крупных из них в качестве электоральных подрайонов, разбитых на три группы с разными статусами: «подрайоны-районы», «подрайоны-ядра» и «подрайоны-аномалии».

«Подрайоны-районы» отличаются от остальных размерами и степенью количественного своеобразия — они заметно выделяются на фоне соседей, но в основе этой отличительности лежит не половозрастная или иная структура электората, а специфика его электорального поведения. Де-факто это электоральные районы с повышенной значимостью качественных факторов, определяющих их своеобразие. К тому же эти подрайоны дают институциональное закрепление некоторым специфичным политическим движениям, так как их размер соответствует территориальным административным или избирательным единицам. Таких подрайонов три:

Восточный Ульсан — два района Ульсана, где находятся крупнейшие предприятия Hyundai, в т. ч. крупнейшая в мире верфь Hyundai Heavy Industries (ННІ) и верфь Hyundai Mipo, а также крупнейший в мире автомобильный завод (Hyundai Motor) и несколько смежных предприятий. Влияние концерна в Ульсане, распространяющееся и на политическую жизнь, породило одно из прозвищ города — «Королевство Хёндэ». Например, в 1988–2008 гг. Восточный ИО Ульсана представлял Чон Монджун — сын основателя Hyundai Чон Джуёна, миллиардер, владелец ННІ и экс-вице-президент ФИФА — будучи то представителем партии своего отца, то собственной партии, то беспартийным и набирая 55–70% голосов (рис. 3.4). Впоследствии Чон стал одним из лидеров консервативного лагеря. В 2008–2016 гг. округ представлял консерватор Ан Хёдэ — бывший сотрудник ННІ и личный помощник Чон Монджуна. В 2020–2024 гг. депутатом от округа был другой соратник Чона — Квон Мёнхо — экс-руководитель школьной корпорации Hyundai, управляющей частными школами в Восточном Ульсане, и глава соответствующего района.

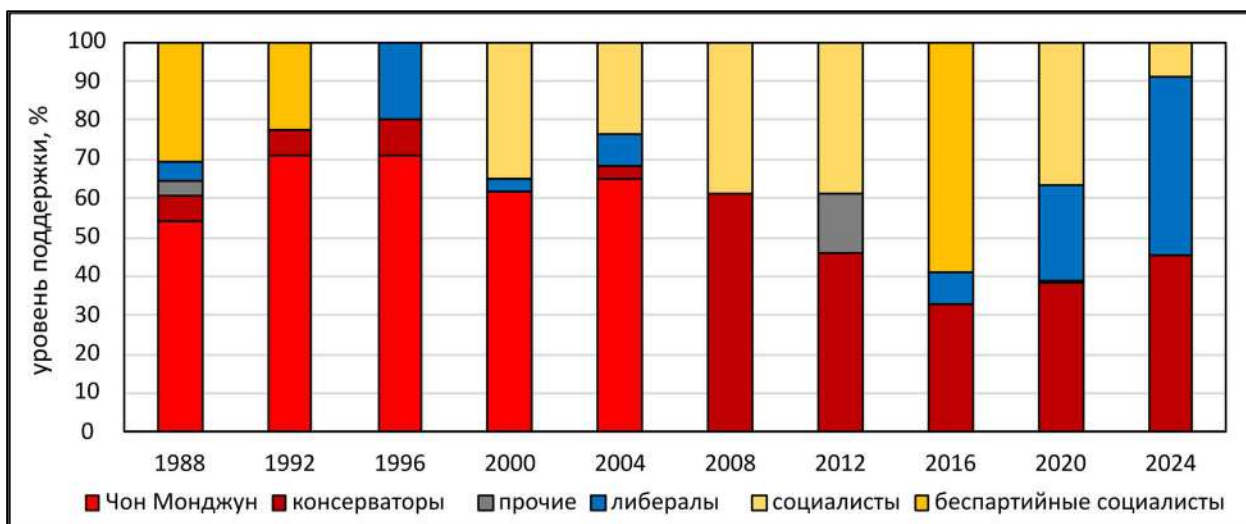

Рисунок 3.4. — Динамика поддержки политических лагерей в Восточном Ульсане на парламентских выборах в 1988–2024 гг.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Важно, что ключевым оппонентом Hyundai и консерваторов на востоке Ульсана выступают не столько либералы, сколько социалисты. Около 50% из 180 тыс. местных занятых работают в обрабатывающей промышленности, почти все — в транспортном машиностроении. Высокая концентрация промышленных рабочих есть и в других местах, однако случай Ульсана выделяется крайне сильным влиянием профсоюзов на выборы. Электоральное поведение части местных рабочих организовано двумя крупнейшими профсоюзными объединениями («Корейская конфедерация профсоюзов» и «Федерация корейских профсоюзов»). Результат — рекордные уровни поддержки социалистических партий и кандидатов, аффилированных с профсоюзами. В северной части подрайона за последние 25 лет социалисты одерживали победу четыре раза из 10, а ещё дважды поддержали кандидата-либерала, впоследствии одержавшего победу. Несколько раз они добивались успеха на выборах главы района. Чуть меньших успехов социалисты в союзе с либералами достигают в восточной части, где сильнее позиции Hyundai. Благодаря столь сильной базе сторонников, социалисты периодически претендуют на контроль за мэрским постом Ульсана — уникальное для страны явление. Пока безуспешно, хотя на выборах регионального суперинтенданта им уже удалось достичь победы.

В итоге политическая борьба в Восточном Ульсане совершенно не похожа на национальный контекст, где основные электоральные альтернативы представлены классическими консерваторами и либералами, а не профсоюзами и кандидатами,

аффилированными с Hyundai. Это самый «очевидный» район и по количественному своеобразию (уровням поддержки партий), и по качественным особенностям.

Чанхын — подрайон на юге Хонама, выделяющийся на фоне соседних районов влиянием некоторых социалистических партий, особенно Демократической рабочей партии и Партии Прогресса, которые нередко становятся здесь основными оппонентами либералов. Специфика района заметно выражена в основном на региональных и местных выборах, где местные округа не объединены с соседними. Причина её появления — влияние «Корейской крестьянской лиги» — профсоюзной фермерской организации, укоренённой в Чанхыне, в т. ч. из-за местного происхождения одного из её лидеров. Территориализация политической деятельности этой организации на выборах посредством социалистических партий похожа на пример Восточного Ульсана, однако с гораздо меньшим масштабом.

«Пояс реки Нактонган» — запад Пусана и ближайшие пригороды (Янсан и Кимхэ), где, в отличие от большинства районов Йоннамского и Пусанского мезорайонов, консерваторы иногда уступают либералам. Это часть «домашнего района» Ким Ёнсама и его фракции среди консерваторов, поэтому данный подрайон был в зоне максимального влияния оппозиции режимам Пак Чонхи и Чон Духвана в 1970–1980-х гг. и местных субрегионалистских сил в конце 1980-х гг., а в 1990-х гг. стал основным оплотом консерваторов. В 2000–2010-х гг. доминирование консерваторов в Пусанском мезорайоне стало разрушаться, особенно на западе Пусана, где находились ИО нескольких консерваторов, перешедших в либеральный лагерь, в т. ч. Но Мухёна и его соратников. В значительной степени данный подрайон — следствие чрезвычайно сильного эффекта друзей и соседей, созданного Но Мухёном вокруг его родного города Кимхэ и «унаследованного» его партией. Например, в обоих ИО Кимхэ либералы лишь на одних парламентских выборах уступили консерваторам, на мэрских выборах с 2010 г. они тоже потерпели поражение лишь единожды.

Характерен пример пусанского района Саха, где находится избирательный округ Чо Гёнтхэ, одного из соратников Но Мухёна, баллотировавшегося здесь с 1996 г. и побеждавшего на всех выборах, начиная с 2004 г. Благодаря Чо, либералам удавалось побеждать и в 2004 г., когда только началось движение Пусанского мезорайона в сторону либералов и ИО №2 Саха стал единственным в Пусане, перешедшим под контроль либералов, и в 2008 г., на самых провальных для них выборах,

когда данный округ тоже стал единственным либеральным во всём городе, и в 2012 г., когда единственным другим пусанским пролиберальным округом стал Сасан, где баллотировался кандидат в президенты Мун Джэин. Однако они утратили данный округ в 2016 г., когда Чо Гёнхэ перешёл в консервативный лагерь — с тех пор это устойчиво проконсервативный округ, даже на выборах 2020 и 2024 гг., на которых консерваторы потерпели сокрушительные поражения.

В значительной степени феномен Но Мухёна стал возможен из-за молодой структуры электората западной части Пусанского мезорайона — молодой избиратель в меньшей степени подвержен регионализму, поэтому активнее откликнулся на антирегионалистскую риторику Но. Нынешнее состояние подрайона лучше всего описывается определением «колеблющийся» — это основное место в Йоннаме и Пусане с устойчивой конкуренцией между основными политическими лагерями.

Прочие подрайоны меньше и не претендуют на статус электоральных районов среднего уровня. Они вложены в состав более крупных районов, но обладают заметным своеобразием местного политического контекста. Оно может как усиливать характерные черты соответствующего района, действуя сонаправленно с композиционными факторами («подрайоны-ядра»), так и ослаблять выраженность соответствующего района на фоне соседних — «подрайоны-аномалии». Их границы размыты, ибо влияние порождающих их факторов не столь локально, как в микрорайонах и не столь чётко оконтурено, например, административными границами, как в случае Восточного Ульсана или Чанхына.

Характерный пример «**подрайона-ядра**» — Муджу — часть района Северо-восточный Хонам, выделяющегося повышенным для мезорайона влиянием консерваторов (рис. 3.3). Особенно сильны их позиции в северной части района вдоль границы с Йоннамом (на востоке) и Хосо (центр и запад), близость к которой и обеспечивает существенное снижение влияния регионализма на выборах. В данном случае действует эффект соседства в форме конвергенции характеристик сообществ с повышенной интенсивностью взаимных контактов, например, в населённых пунктах, находящихся на границе или в непосредственной её близости [470, р. 385].

Значительная часть границы между Хонамом и Хосо проходит по горам, однако в районе Нонсана равнина Хонам³⁸ распространяется за пределы одноимённого

³⁸ Она же равнина Кимдже.

региона на север, вследствие чего Нонсан имеет больше сходства с севером Хонама, чем соседние районы Чхунчхона. С другой стороны, северные районы Иксана, расположенного напротив Нонсана с хонамской стороны границы, весь уезд Муджу, бóльшая часть уездов Чинан и Чансу, а также волость Кёнчхон на севере Ванджу, относятся к бассейну р. Кымган, охватывающего также и бóльшую часть Хосо. Отчасти о более сильной связности этих районов с Хосо, чем с остальным Хонамом, говорят результаты применения к дорожной сети РК метода перколяции³⁹: северные части Иксана, Ванджу и Муджу попадают в одно сообщество с Нонсаном и Кымсаном, а юг Муджу, Чинан и Чансу выделяются в отдельные сообщества [350, p. 1682]. В итоге эффект ослабления крайне высокой поддержки либералов сильнее выражен в более равнинных частях Хонама, в пределах бассейна р. Кымган и напрямую связанных с соседними районами Хосо. Среди приграничных областей есть и те, где эффект крайне слаб. Это волости Хвасан, Пибон и Косан в Ванджу — горные районы в бассейне хонамской р. Мангёнган, почти не связанные с соседним Нонсаном.

В большинстве приграничных областей Северо-восточного Хонама всё же фиксируется снижение выраженности регионального синдрома, так как у местных жителей ослаблена региональная идентичность, присутствуют регулярные трансграничные миграции, нередки случаи проживания в этих районах выходцев из соседнего региона и размыто доминирование преобладающего в регионе диалекта корейского языка из-за смеси с чхунчхонским диалектом. Итог — успех в данной области чхунчхонцев Ким Джонпхилия, Ли Индже, Ли Хвечхана и большинства консерваторов, а не либералов, имеющих высокую поддержку в соседних районах Хосо.

Другой вариант образования подрайонов данного типа — действие эффекта друзей и соседей. Например, подрайон Йесан — родина одного из лидеров консервативных и регионалистских чхунчхонских партий, трижды кандидата в президенты Ли Хвечхана. Окружающий район — Внутренний Чхунчхон — самый проконсервативный в своём мезорайоне. До этого он был одним из основных оплотов местных регионалистов. Причина — крайне пожилой электорат, так как большая часть данного района — внутриконтинентальные горные области, удалённые от крупнейших

³⁹ Метод анализа графа дорожной сети, заключающийся в последовательном удалении наиболее длинных рёбер графа для оценки связности и устойчивости сети. По мере удаления таких рёбер единый граф распадается на части, более связные внутри, а не с другими частями графа.

городов. Именно в Йесане районные признаки выражены сильнее всего, а эффект кандидата усилил своеобразие окружающего района.

Подрайон Каннам выступает в роли ядра Большого Каннама — единственного устойчиво консервативного района Сеула. «Электоральный темперамент» Каннама создан идентичностью местных жителей вокруг специфического образа элитного района с новым типом застройки, повышенной ролью образовательных учреждений и концентрацией политических и бизнес-элит.

Он возник в 1970-х гг. при реализации властями проекта расширения города на левый (южный) берег р. Ханган и создания первого многоэтажного района, который должен был стать прототипом будущего развития города. В новый район были перенесены лучшие школы, а появление школьных округов отчасти вынудило представителей нового среднего класса и элит переезжать в Каннам. До этого средний класс Кореи не существовал как осмысленная социальная группа и не концентрировался в каком-либо районе, но с изменением условий в сфере образования и с трансформацией образа дорогого жилья он материализовался в пространстве Каннама.

В 1970–1980-х гг. средний класс Сеула активно расширялся и оказался собран в пространстве смежных кварталов с однотипной и одновозрастной застройкой. Образ «анклава корейской правящей элиты» активно формировали СМИ, влияние на которые он имел исключительное, и то был образ места, с которым средний класс начал себя неразрывно ассоциировать. Сформировался район с однородным составом жителей по образованию, занятости и доходам, вследствие чего потребительские привычки и образ жизни каннамцев гомогенизировался. Для чёткого различения «своих» и «чужих» среди жителей района становилось модным пользоваться определёнными марками автомобилей и бытовой техники, покупать определённую мебель, ходить в конкретные универмаги и магазины, отправлять детей в определённые хагвоны⁴⁰ и летние языковые лагеря. Помогало процессу стандартизации образа жителей Каннама и относительно недавнее приобретение статуса и высоких доходов, так что потребительские привычки только формировались, а старый средний класс активно размывался новым.

⁴⁰ Вечерние частные школы, в основном нацеленные на подготовку к вступительным экзаменам в университет.

Спекуляции недвижимостью, связанные с системой аренды «чонсе»⁴¹, сформировали у остальных сеульцев негативный образ района. С другой стороны, каннамцы проводили бинарные различия между своим «чистым, тихим, просторным, дружелюбным и цивилизованным» районом и соседними «грязными, шумными, узкими, опасными и отсталыми», образовав закрытые сообщества, основанные на принадлежности к среднему классу и проживании в определённом типе жилья. Сообщества активно противодействовали строительству социального жилья в их районе, а также продаже кем-либо из соседей своей квартиры не местному, т. е. старались контролировать цены на свою недвижимость. Коллективные действия, создание «бренда места» и рост неравенства, начавшийся в 1990-х гг., чётко определили для каннамцев и пространственные, и социальные границы района.

Гомогенизация образа жизни среднего класса в Каннаме не обошла и электоральные предпочтения местных жителей. Одинаковые интересы подавляющего их большинства и тесная связь с политической элитой города и страны привели к однозначной ориентации каннамцев на партию власти и консерваторов. Каннамцы, находившиеся на протяжении десятилетий в более тесных связях друг с другом, чем жители других районов, приобрели такую устойчивую ориентацию посредством общения внутри локальных сообществ. При преобладании лоялистов, остальные жители подстраивались под большинство [494, p. 149].

Противоположный случай — «**подрайоны-аномалии**», в которых действие контекстуальных факторов либо идёт вразрез с чертами окружающих районов, либо крайне сильно выделяется на их фоне. Механизмы их формирования такие же, как и у прочих подрайонов. Например, подрайон Йондон в Южном Чхунчхоне — аналог соседнего Муджу, образованный эффектом границы с Йоннамом. Для него характерна более высокая, чем с окружающим районом, поддержка консерваторов, особенно в восточных волостях Мэгок, Хванган и Чхупхуннён, через которых проходит магистраль Кёнбу⁴².

Подрайоны Сонсан и Окпхо в Чханвоне и Кодже соответственно — аналоги Восточного Ульсана. В Окпхо находятся «суперверфи» двух крупнейших мировых

⁴¹ Специфичная южнокорейская система аренды жилья: арендатор вместо ежемесячной оплаты вносит депозит в объёме 40–70% стоимости жилья, полностью возвращающийся по истечении срока аренды (обычно двух-летнего). Де-факто арендодатель получает крупный беспроцентный кредит, который в периоды быстрого роста рынка жилья обычно используется как инвестиция в новое жильё, впоследствии также сдаваемого.

⁴² Главная железнодорожная и автомагистраль РК, соединяющая Сеул, Тэджон, Тэгу и Пусан.

судостроителей и конкурентов Hyundai — Samsung Heavy Industries и Hanwha Ocean (бывш. Daewoo S&ME). В Сонсане — огромный «Национальный промышленный комплекс Чханвон», где расположены крупные предприятия Doosan Enerbility, LG Electronics, Hyosung Heavy Industries, Hyundai Wia, STX Corporation, а также Hanwha Defense и Hyundai Rotem — крупнейших подрядчиков ВПК.

Эти подрайоны — оплоты профсоюзного движения, однако масштаб меньше, чем в Восточном Ульсане, а из-за отсутствия столь сильного консолидирующего политического оппонента, как Hyundai, ожесточённость противостояния профсоюзов и консерваторов, доминирующих в соседних районах, не столь сильна, что способствует расколам между профсоюзами, социалистами и либералами. Влияния Окпхо пока недостаточно, чтобы избрать от ИО Кодже кандидата-социалиста или либерала — влияние профсоюзов ограничено подрайоном. В Сонсане степень консолидации левого электората выше, к тому же именно в соответствующем ИО баллотировалось несколько лидеров социалистов национального масштаба — Квон Ёнгиль и Но Хвечхан, побеждавших не нескольких выборах 2000–2010-х гг.

Последние два подрайона — чхунчхонские Пуё и Нонсан — аналоги подрайона Йесан. Пуё — родина Ким Джонпхилия, бывшего одним из самых влиятельных политиков на протяжении десятилетий, в т. ч. благодаря основанному им в конце 1980-х гг. регионалистскому движению, максимальная поддержка которого была характерна именно для Пуё. Нонсан — родина Ли Индже, многократно баллотировавшегося в президенты, менявшего партийную аффилиацию и на рубеже 2000-х и 2010-х гг. бывшего одним из лидеров последней чхунчхонской регионалистской партии вместе с Ли Хвечханом. Эти подрайоны — сложные случаи, так как в периоды усиления регионализма они выступали в роли ядер окружающего района, а в остальное время характеризовались аномальным электоральным поведением. К тому же случай Нонсана уникален присутствием эффекта границы с Хонамом и электоральным опытом Ли Индже, он баллотировался в Нонсане и от либералов (2000 г.), и от регионалистских партий (2004 и 2012 гг.), и от консерваторов (2016 г.), и как беспартийный (2008 г.), каждый раз уводя за собой свой ядерный электорат.

3.1.3. Электоральные микрорайоны

Наглядный пример локальной электоральной аномалии — микрорайон из (обычно) одного избирательного участка острова Сорок на юге Хонама. Консерватор Но Тхэу в 1987 г. получил в Хонаме около 10%, в уезде Кохын, где находится Сорок, — 9,6%, а на самом острове — 82,6% голосов (рис. 3.5). Даже на выборах 2017 г., когда кандидат-консерватор проиграл, получив минимальный уровень поддержки в истории, он победил на острове с результатом 36%, имея в Хонаме лишь 2,5%. Это аномалия в масштабах всего региона, где больше нет мест, с такой поддержкой консерваторов.

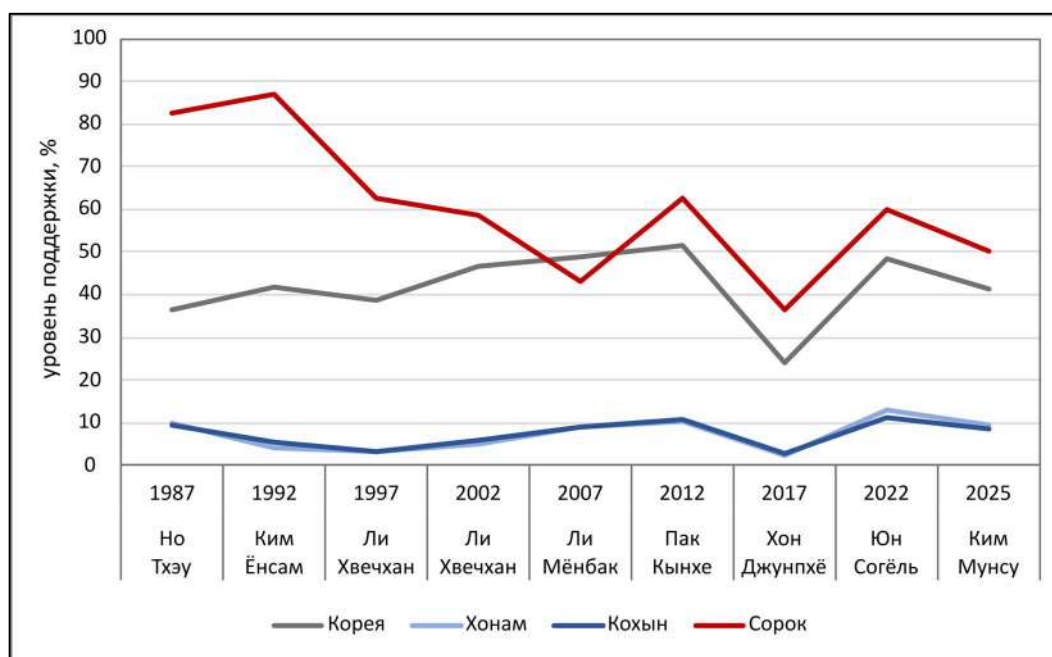

Рисунок 3.5. — Динамика поддержки кандидатов-консерваторов в Корее, Хонаме, Кохыне и на о. Сорок на президентских выборах 1987–2025 гг.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Причина возникновения аномалии — в расположенном здесь с начала XX в. лепрозории, куда попадали пациенты не только и не столько из окрестных районов, сколько из более населённых частей страны. Большая доля избирателей не из Хонама сделала невозможным доминирование либералов в этом районе, что дополнялось антипатией к местным жителям, враждебно относившимся к подобному соседству. Специфика о. Сорок проявляется на выборах всех уровней.

Схожий случай в том же мезорайоне — «Деревня здоровья» в уезде Кочхан (ИУ №5), хотя уровень поддержки консерваторов здесь не столь высок и стабилен. В начале 2010-х гг. там появились курорт и жилой комплекс для приёма

туристов (нередко с медицинскими целями) и комфортного проживания пенсионеров. Значительная часть жильцов — состоятельные выходцы из Столичного мезорайона. Как и на о. Сорок, уже один этот фактор существенно снижает степень выраженности регионалистского голосования. Эффект усиливается принадлежностью значительной части жителей к старшему поколению — «ядерному электорату» консерваторов (в случае не-хонамского происхождения). В прочих регионах действует лишь поколенческий фактор, например, в «Samsung Noble County», «The Classic 500» и «Spring County Xi» — «серебряных городах» для пенсионеров в Сеуле и Йонъине.

Объединим описанные примеры в один тип электоральных микрорайонов — **рекреационный**. Выделим ещё несколько типов по их генезису, т. е. основным факторам, обусловившим их аномальность.

Наиболее распространённый топ электоральных микрорайонов — **университетские кампусы**. Во-первых, это места концентрации молодёжи. Во-вторых, жильцы общежитий, голосующие в кампусах, — не местные, а выходцы из других районов. Кампусы отличаются от соседних городских кварталов сниженной поддержкой мейнстримных политических сил, так как молодёжь чаще поддерживает «третьи партии»; высокой волатильностью электоральных предпочтений, так как молодёжь — колеблющийся электорат; повышенным уровнем поддержки социалистических партий, для которых студенты — ядерный электорат. В 2025 г. многие кампусы выделились поддержкой Ли Джунсока — самого молодого кандидата в президенты в истории с соответствующей электоральной базой. К наиболее ярким представителям данного типа микрорайонов относятся кампусы университетов Корё (сеульский и седжонский), Йонсе, Инха, Сеульский, Ханъян, Пусанский, Чхуннам, Чонбук, Канвон, Сонгюнган, Тонгук, Кунмин, Вонган, POSTECH и KAIST. Бóльшая их часть находится в Сеуле, Пусане и прочих крупных городах. В другие годы университетские кампусы выделялись также высокой поддержкой социалистов (Квон Ёнгиль, Сим Санджон), центристов (Мун Гукхён), либералов (Но Мухён) и консерваторов (Ли Мёнбак) — в зависимости от колебаний молодого электората.

Третья особенность некоторых кампусов — преобладание женского электората. Это специфика женских университетов, выделяющихся на электоральных картах более просоциалистическим и профеминистским голосованием, чем в соседних районах. Особенно заметна эта специфика на нескольких последних выборах из-за

гендерной поляризации молодого электората. Хороший маркер таких микрорайонов на двух последних выборах — поддержка Женской партии, которая в 2020 и 2024 гг. в среднем по стране получила 0,7% и 0,1% голосов соответственно, однако в женских кампусах имела в несколько раз более высокий уровень поддержки. Например, в Женском университете Сонсин в 2020 г. — 8%, а в университете Сукмён — 6%. Показатели могут казаться малозначимыми, но подобные явления можно рассматривать как «эффект трилобита» по Л. В. Смирнягину — не главную, но уникальную характеристику, чётко маркирующую особенность района. К данному подтипу университетских микрорайонов относятся сеульские женские университеты Сонсин, Сукмён, Сеульский, Ихва, Тондок, а также Пусанский женский университет.

Схожий эффект обеспечивается военными объектами (**армейский** тип). На нескольких последних выборах он выступал как политический антипод женских кампусов. Причина — «консервативный поворот» молодых мужчин, среди которых в последние годы наиболее популярны антифеминистские взгляды и высокая поддержка консерваторов. В 2025 г. почти 40% мужчин моложе 30 лет проголосовали за Ли Джунсока (всего он набрал 8,3%). Армия РК в значительной степени состоит из призывников, поэтому на военных базах крайне высока доля молодых мужчин, что и обуславливает их электоральную специфику. Например, один из самых проконсервативных избирательных участков в Хонаме — микрорайон Самге, где находится офицерская школа. До переезда в 1994 г. она создавала электоральную аномалию в квартале Чхипхён в Кванджу. По большинству иных характеристик армейские микрорайоны близки к университетским.

Консервативная ориентация была характерна для некоторых военных объектов и до 2020-х гг. из-за проконсервативных взглядов кадровых военных — нынешний консервативный лагерь отчасти наследует военным режимам 1961–1987 гг. Микрорайон Синдоан близ Тэджона имеет все основные предикторы пролиберального района — возрастную структуру с высокой долей молодых избирателей и «поколения 586», очень высокие показатели образованности (доля магистерских степеней и PhD). Однако в Синдоане находится крупная военная база (штабы Армии, ВМС, ВВС), что обеспечивает поддержку консерваторам. При этом такие места отличаются от районов с преобладанием пожилых и крайне проконсервативных избирателей. Так, на наиболее сложных для консерваторов президентских выборах,

прошедших в 2017 г. после импичмента Пак Кынхе, многие военные не поддержали консерватора Хон Джунпхё. Однако либерал Мун Джэин ими воспринимался как радикально левый, поэтому в Синдоане победу одержал центрист Ан Чхольсу. Это почти уникальный случай на тех выборах за пределами Юго-западного Хонама — базы поддержки сторонников Ана. Высокие уровни поддержки на тех же избирательных участках получил и консерватор-центрист Ю Сынмин.

Особенно важен данный тип микрорайонов для северного приграничья, где близость демилитаризованной зоны обуславливает высокую концентрацию военных объектов. Например, в 2025 г. большинство волостей и районов, где Ли Джунсок получил наибольший уровень поддержки в районе ДМЗ, обязаны такой спецификой именно расположением военных баз (рис. 3.6). К ним можно добавить крупные базы в Сосане, Йоньине, Кванмёне, Тэджоне, Пусане и Чинхэ. Военные базы с низкой долей кадровых военных и высокой долей призывников из-за поколенческой структуры электората ранее отличались от Синдоана большой электоральной волатильностью, поддержкой центристов и социалистов.

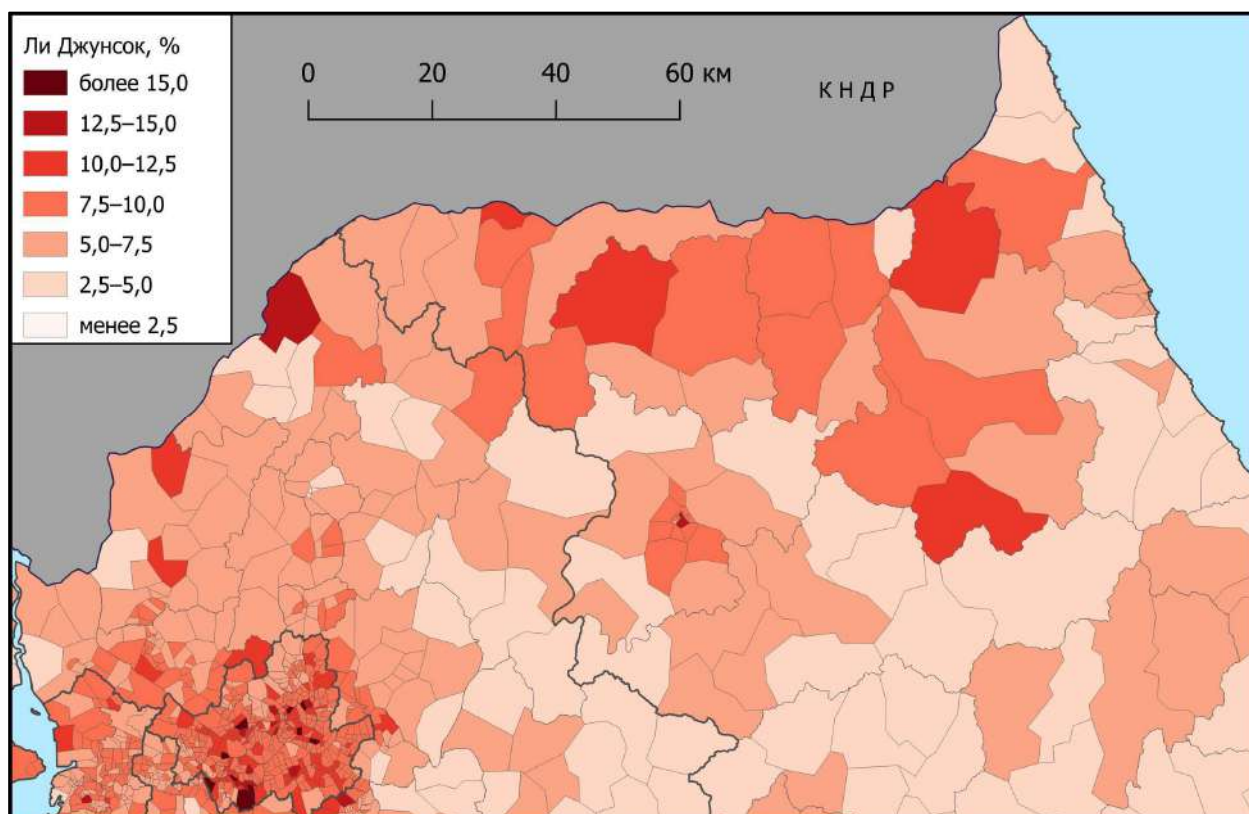

Рисунок 3.6. — География поддержки Ли Джунсока в северной части страны, 2025 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Следующий тип — **индустриальный**, где аномалии создают крупные промышленные предприятия, но не столько из-за деятельности профсоюзов, как в Восточном Ульсане, сколько из-за структуры и происхождения электората. Характерные примеры — металлургические комбинаты компании POSCO в Кванъяне и Пхохане, где понижено влияние доминирующих в окружающих районах политических сил. В кванъянском квартале Кымхо уровень поддержки консерваторов на нескольких последних выборах составил 30–35%, в соседних районах — 15–20%, тогда как в остальном мезорайоне — менее 10%. Такой же эффект, но уже в поддержке либералов, фиксируется в Пхохане. Причина — молодость электората и большая доля выходцев из других регионов, не имеющих характерных для местных жителей регионалистских сентиментов. К другим примерам относятся районы близ промышленных комплексов Кунсана (Сорён и Оксо), Иксана (Кымма), Чонджу (Пхальбок), Сихына (Чонван), Киджана (Чанан) и Сосана (Тэсан).

Ещё сильнее выражено влияние промышленных объектов в случае их высокой специфичности. Например, на ИУ №5 г. Хоннон в Йонгване (Хонам), где находится АЭС Ханбит. Значительная часть работников станции, особенно высококвалифицированных, — выходцы не из Хонама. В 2022 г. в данном микрорайоне консерватор Юн Согель получил 40%, а на соседних избирательных участках лишь 5–10%. К другим примерам относятся промышленные комплексы с крупными предприятиями электроники, электротехники или фармацевтики, например, полупроводниковыми заводами Samsung Electronics и SK Hynix в Сувоне (кварталы Мэтхан и Йонхон), Йонъине (Сонон), Куми (Чхондан), Асане (Тхамджон) и Чхонджу (Покдэ), предприятием LG Display в Пхаджу (Воллон) и различными «технологическими долинами» и «инновационными кластерами» в Тэджоне (Чонмин), Асане (Ымбон) и Чхонджу (Очхан), где работодатели нередко предоставляют работникам жильё. Например, в Йонъине резко выделяется первый ИУ №1 Сонона, так как именно к нему приписан жилищный комплекс общежитий Samsung Electronics. Особенно заметной данная группа микрорайонов стала на последних выборах, так как из-за гендерного неравенства в инженерных специальностях значительная часть местных работников — молодые мужчины (около 2/3).

Отдельный большой тип микрорайонов — **селитебный**. В нём выделяются четыре подтипа: старые центры, молодые города, «городские деревни» и элитные кварталы. Все они связаны со спецификой жилой застройки и инфраструктуры микрорайонов, разной долей поколений в структуре электората.

Первый подтип состоит из кварталов старой жилой застройки в центрах городов. Это малоэтажные плотные районы с узкими улицами и слабой инфраструктурой, в сравнении с более новыми многоэтажными жилыми комплексами. Электорат таких кварталов весьма пожилой, из-за чего они имеют сильную и устойчивую проконсервативную ориентацию. Их окружение — многоэтажная застройка, где преобладает пролиберальный электорат «поколения 586». В крупных городах такие старые ядра занимают значительную часть исторического центра, поэтому не могут считаться локальными аномалиями. Например, к ним нельзя отнести центральные части Инчхона, Сувона, Йоньина, а также восточные районы Тэджона. Однако в городах средних размеров данные аномалии ограничены несколькими кварталами в пределах нескольких избирательных участков. Характерные примеры — старые центры Каннына, Чечхона, Вонджу, Чхонана, Асана, Сосана и Чхонджу. Последний, возможно, великоват для микрорайона, но он слишком сильно контрастирует с окружающим его электоральным районом.

Их антипод — районы новой многоэтажной застройки, вынесенные за пределы основной городской зоны. Подобные проекты обычно называют «новыми городами», хотя это лишь несколько кварталов на периферии существующего города. Они обладают сильной ориентацией на либеральный лагерь из-за поколенческой структуры электората — преобладают избиратели средних лет с детьми и молодёжь. Примеры — новый комплекс столичного правительства провинции Северная Кёнсан в Андоне (район Пхунчхон) и проект Нэпхо во Внутреннем Чхунчхоне.

Третий подтип состоит из тех полупериферийных частей городских агломераций, которые оказались наименее в них интегрированы и (пока) неинтересны застройщикам. Пример — районы на стыке границ провинции Кёнгидо, Инчхона и Сеула (Оджон, Панхва-2, Кеян-3), соседствующие с аэропортом Кимпхо на севере и западе. Из-за глиссады здесь невозможно многоэтажное строительство, распространённое более удалённых от аэропорта кварталах. Кроме того, соседство с аэропортом снижает привлекательность кварталов по шумовым и другим параметрам. В итоге

к западу и северу от аэропорта сохранилась деревенская и поселковая застройка, а в соответствующих районах преобладает пожилой консервативный электорат. Аналогичные аномалии сформировались вблизи аэропортов Сувона и Кимхэ. Другие «городские деревни» сохранились на полупериферии Столичного региона — в Кванмёне, Сихыне, Ханаме и юго-западном Инчхоне. Только в этих случаях ключевой фактор — рельеф. Районы Синхён, Чансусочхан и Намчхонторим, Чхунгун расположены на холмах, отчасти изолирующих местные деревни от окружающего города, к тому же они разделены административными границами.

Иной случай — трущоба Курён в сеульском районе Каннам. Эта электоральная аномалия сформирована на контрасте между богатым модным Каннамом и бедной, изолированной и деградирующей (инфраструктурно) трущобой в южной его части, отгороженной от соседних районов шоссе и высокими холмами. Если Каннам выделяется крайне высоким уровнем поддержки консерваторов, то на избирательном участке, к которому приписана Курён, обычно нет значимого преобладания поддержки одной из партий, хотя сдвиг в сторону поддержки либералов на фоне соседних районов очевиден. Смежный пример — малоэтажные районы в центре Каннама. Они тоже имеют скорее пролиберальную ориентацию, а не консервативную, как в соседних районах многоэтажной застройки. К ним относятся в первую очередь кварталы микрорайона Чамсиль в районе Сонпха и кварталы Нонхён и Йоксам в районе Каннам (административном).

Последний подтип селитебных электоральных микрорайонов связан с элитными жилыми массивами. Это кварталы многоэтажной застройки с хорошей инфраструктурой, обилием офисов и офистелей, инвестиционного жилья и специализированных учебных заведений (хагвонов и прочих элитных спецшкол). Такие районы можно рассматривать как местные небольшие аналоги Каннама, имеющие более проконсервативную ориентацию, чем соседние районы. Примеры — кварталы Намчхон и Понсон в Пусане и Кванджу соответственно, имеющие репутацию «местных Каннамов», ИУ №7 и №20 района Пэбан в Асане, офисные кварталы с инвестиционным жильём в Чхонане близ станции КТХ⁴³ в Ссанёне, LG Village в Йоньине и Parkview в Соннаме, а также кварталы Тэчхи и Тогок в самом Каннаме — самое

⁴³ Korea Train eXpress — система высокоскоростных железнодорожных дорог РК.

«элитное» место района. К тому же типу можно отнести единственный элитный малоэтажный микрорайон Сеула — Пхёнчхан в административном районе Чонно.

Пятый тип электоральных микрорайонов — **персональный**, связанный с влиянием эффекта друзей и соседей местных известных политиков. Например, влияние Но Мухёна, отчасти сформировавшее целый подрайон в Пусанском мезорайоне, особенно сильно вокруг его родной деревни Понха. Сущностно такого же, но меньшего и более эфемерного эффекта добивались и другие политики: Ким Ёнсам в Чанмоке (Кодже), Ким Дэджун в Синане (особенно в волости Хаый) и соседнем Мокпхо, Сим Санджон в Кояне, Чон Джинсок и Чон Сокмо в Керёне и Син Дэпхён в Панпхо (Конджу). Недавние примеры: волость Йеан в Андоне (Йоннам), где родился нынешний президент Ли Джэмён, и волость Мокса в Коксоне (Хонам) — родина консервативного экс-депутата национального парламента Ли Джонхёна. На парламентских выборах 2024 г. ближайший к родине Ли Джонхёна ИУ стал единственным в Хонаме, кроме о. Сорок, где консерваторы опередили либералов.

Шестой тип — **приграничные** микрорайоны, расположенные, как подрайон Муджу, вблизи границ мезорайонов с полярными электоральными предпочтениями. К ним можно отнести почти все области вдоль границ мезорайонов Юга, однако явно эффект границы фиксируется не везде. Он заметнее в местах активных трансграничных контактов, например, в средних и крупных населённых пунктах, разделённых границей или находящихся вблизи неё. Характерный пример — город Кангён в Нонсане, а также соседние районы. Бóльшая часть городка находится в регионе Чхунчхон, а южная часть — в Хонаме. Поддержка либералов в чхунчхонской части ниже, чем в Хонаме, но существенно выше, чем в соседних районах к северу; в хонамской части она, наоборот, выше, чем в Чхунчхоне, но ниже, чем в более южных частях региона, удалённых от границы.

Такой же эффект границы заметен на юге Сочхона (Чхунчхон), который граничит с хонамским городом Кунсан, агломерация которого расширяется в т. ч. в Сочхон. Например, квартал Чанхан — ближайшая к мосту через реку Кымган, соединяющему Сочхон с Кунсаном, — в 2025 г. стал единственным в юго-западном Чхунчхоне местом, где либеральный кандидат набрал больше голосов, чем консерватор. Менее заметен эффект на других участках границы, например, в волостях Намиль в Кымсане (Чхунчхон) и Сандон в Куре (Хонам). Однако в южной части

границы между Хонамом и Йоннамом её влияние почти столь же велико, как в Муджу и Нонсане. Минимальные уровни поддержки консерваторов в западной части Йоннама фиксируются именно в этой приграничной зоне (волости Кымсон, Чхонам и Хвагэ в уезде Хадон), а максимальные в Хонаме, за исключением нескольких избирательных участков, — в Кванъяне.

Специфичный случай — остров Чхуджа, административно относящийся к провинции Чеджудо, однако расположенный вблизи южного побережья Хонама. Диалект и прочие особенности культуры местных жителей ближе к Хонаму, чем к Чеджудо, поэтому на острове существует «двойная идентичность», что немного повышает поддержку либералов на двух местных избирательных участках.

Последняя группа электоральных микрорайонов — **религиозные аномалии**. При наиболее строгом подходе она состоит всего из одного объекта — 12-ого избирательного участка Киджана (северо-восток Пусана). Это самый консервативный микрорайон почти на всех выборах (рис. 3.7), с аномально высокой явкой избирателей (более 90%). Причина — локализация единственного сохранившегося места компактного проживания последователей синкретического учения Чхонбугё — некогда влиятельного околопротестантского религиозного движения, обычно характеризуемого как секта. Бóльшая часть местных жителей — молодые женщины (~80%), живут относительно закрыто, работают и голосуют вместе. Это случай не просто преобладания ядерного консервативного электората, а голосования общиной. Пример — казус выборов 2017 г. Пак Кынхе, представлявшая консервативный лагерь и занимавшая президентский пост в 2012–2016 гг., к концу своего срока вступила в конфликт с религиозными (в первую очередь протестантскими группами) по ряду финансовых вопросов, что обусловило их меньшую поддержку Пак во время импичмента и последовавших протестов. В итоге на досрочных выборах 2017 г. многие из них не голосовали за основного консервативного кандидата Хон Джунпхё. Группа Чхонбугё массово поддержала либерала Мун Джэина, что неожиданно сделало этот избирательный участок самым пролиберальным в стране, опередившим самые лояльные либералам участки Хонама.

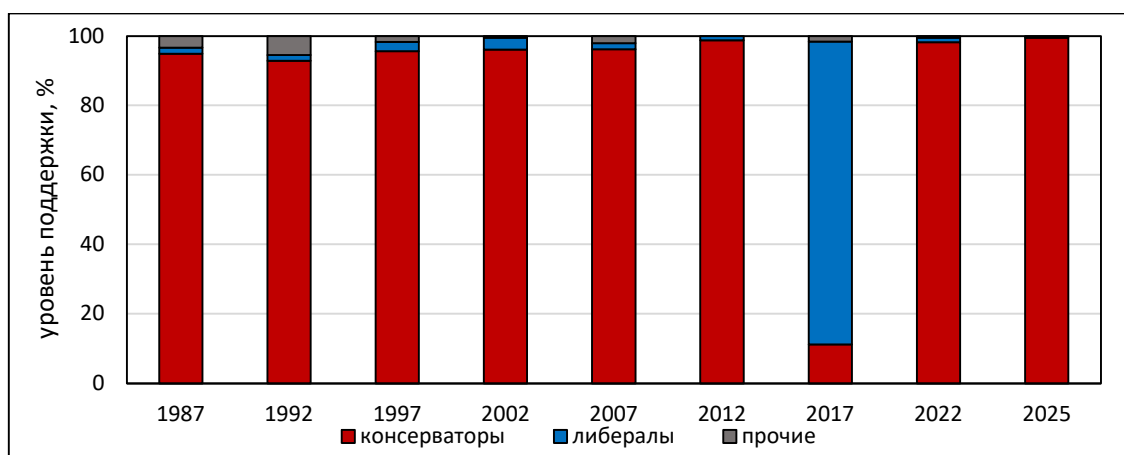

Рисунок 3.7. — Поддержка основных политических лагерей в ИО №12 Киджана (Пусан) на президентских выборах 1987–2025 гг.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Столь аномальный микрорайон, имеющий в генезисе религиозный фактор, единичен, хотя в РК существует ещё множество «сект» с подобной структурой, электоральными предпочтениями и прочими особенностями. Например, Церковь Объединения («Муниты»), Церкви Саран Чеиль и Синчхонджи, Миссия христианского евангелия и др. Существуют или существовали районы компактного проживания их прихожан, однако точно локализовать их крайне затруднительно. Исключение — жилой комплекс Ханмаым в пределах второго ИУ квартала Сондан в Тэгу, где проживает немало членов Синчхонджи. Это одно из самых консервативных мест Тэгу. Несколько участков выделяются повышенной поддержкой маргинального кандидата Хо Гёнёна, многократно баллотировавшегося в президенты и стоящего во главе собственного культа «Небесный дворец». Одно из таких мест — район локализации штаб-квартиры данной «секты» в Чанмёне (Янджу). Такой же феномен характерен для одного из ИУ Кымгана (Ульджин) — места компактного проживания «секты» Тоальнара, однако связь между ними и Хо не установлена.

Есть ещё несколько мест, где связь с религиозным фактором лишь предположительная. Например, рядом со штаб-квартирой «Церкви Провидения» (Чинсан в Кымсане) или рядом с буддистскими храмами (Поримса и Хэдонса) в уезде Чанхын (Хонам), где весьма высока поддержка консерваторов. Однако лишь в одном или двух случаях можно хоть сколь-нибудь уверенно предполагать значимую связь религиозного фактора и специфики микрорайона.

В некоторых случаях смешивается влияние нескольких факторов. Например, в Йонму (Нонсан) — сразу трёх: граница с Хонамом, влияние местного политика Ан Хиджона и армейского учебного центра; а на западе Соннама — двух: военная авиабаза Сеула и окружающие её «городские деревни». Однако такие случаи редки.

Всего, в зависимости от признаков аномальности (в первую очередь количественных различий с соседями), можно выделить 110–160 электоральных микрорайонов, из которых почти треть — университетские, четверть — селитебные (в основном элитные) и по 15% армейских и индустриальных, ещё 15% приходится на все остальные типы (табл. 3.2).

Таблица 3.2. — Характеристики типов электоральных микрорайонов РК

Тип	Подтип	Механизм возникновения	Электоральная специфика: сдвиг в сторону	Географическое положение	Кол-во
Университетский	Смешанный	спец. объект + ядерный электорат	колеблющихся; социалистов; поляризации	центры	~45
	Женский		социалистов		~5
Армейский	Призывной	спец. объект + ядерный электорат	консерваторов; колеблющихся; социалистов	полупериферия периферия	10–20
	Кадровый		консерваторов		~5
Селитебный	Элитный	ядерный электорат	консерваторов	центры	10–20
	Молодые города	ядерный электорат	либералов; социалистов	полупериферия периферия	~5
	Городские деревни	ядерный электорат	консерваторов	полупериферия	~5
	Старые центры	ядерный электорат	консерваторов	центры	~5
Индустриальный		спец. объект + ядерный электорат	зависит от региона	полупериферия периферия	10–25
Рекреационный		спец. объект + ядерный электорат	консерваторов	полупериферия	~5
Персональный		местный контекст	зависит от политика	полупериферия периферия	~5
Приграничный		местный контекст	зависит от региона	периферия	5–10
Религиозный		спец. объект	консерваторов	периферия	2

Источник: составлено автором

Список основных (устойчивых во времени) электоральных микрорайонов представлен в Приложении 3. Материалы, иллюстрирующие специфику некоторых упоминавшихся в данном параграфе примеров, приведены в Приложении И.

В образовании электоральных микрорайонов прослеживается и фактор их принадлежности к определённым районам более высоких иерархических уровней. Например, микрорайоны Северного макрорайона обособляются вследствие высокой концентрации в них избирателей одного из трёх политических поколений на фоне преобладания в окружающем районе представителей другого поколения.

В Южном макрорайоне при образовании микрорайонов важно региональное происхождение электората — высокая доля «чужаков» с большой вероятностью приводит к формированию электоральной аномалии, а поколенческий фактор имеет меньшее значение, так как лишь высокая концентрация младшего поколения нарушает регионалистскую норму. К тому же для Юга характерны два специфичных типа микрорайонов: приграничный и персональный. Регионализм сильно связан с эффектом кандидата, и для РПК Южного макрорайона характерна большая персонификация политики, что приводит к формированию целой группы под- и микрорайонов в родных местах нескольких влиятельных политиков. Районы данного типа, расположенные в Хосо, при этом не относятся к исключениям, так как сформировались в период, когда данный мезорайон ещё относился к Югу и был подвержен регионалистской РПК. Приграничные под- и микрорайоны — ещё одна производная регионализма, созданная соседством районов с полярными или просто сильно различающимися электоральными предпочтениями. Все они находятся в пределах границ южных мезорайонов. По сути, их можно рассматривать и как сами эти границы, представленные не в виде линий, а в виде широких полос, отражающих более или менее плавные переходы между мезорайонами в ряде мест.

Ещё одно различие фиксируется между мезорайонами Юга. Если в Йоннаме «новые города», промышленные и военные объекты формируют микрорайоны более пролиберальной ориентации, чем в окружающих районах, то в Хонаме они выделяются повышенной поддержкой консерваторов. Например, «новые города» Питкарам в Наджу и Намак на границе Мокпхо и Муана.

Многие из перечисленных типов электоральных аномалий выделяются как таковые не только в РК. Университеты имеют аномальные для своего окружения электоральные предпочтения во многих странах, а некоторые похожие по генезису микрорайоны выделял на материале выборов на Юге России Н. В. Гришин (военные объекты, шахтёрские города, районы с особенностями жилого фонда и др.) [31, с. 219–235]. Эффект друзей и соседей в РК выражен сильнее, чем в других странах, однако и там способен формировать такие электоральные аномалии. То же относится к домам престарелых, специфичным медицинским учреждениям, промышленным районам, военным базам и областям на стыке районов преобладания разных РПК.

Однако в некоторых случаях электоральное пространство РК на локальном уровне имеет и собственную специфику. Отнесём к ним пять факторов:

- **Регионализм** в РК атипичен, что обуславливает и атипичность некоторых электоральных районов. Особенность южнокорейского случая — бóльшая степень выраженности регионализма, из-за которой минимальные отклонения микрорайона от присущих мезорайону черт хорошо видны на картах. Данный фактор повышает распространённость приграничных под- и микрорайонов.
- **Поколенческий раскол** первичен по отношению к возрастному, преобладающему в большинстве других стран. Для образования аномалий важна концентрация представителей именно поколения, а не возрастной когорты.
- **Персонафикация политики** увеличивает вероятность образования электоральных под- и микрорайонов вокруг родных мест влиятельных политиков.
- **Женские университеты** существуют не только в Корее, но назвать их широко распространённым явлением нельзя, поэтому соответствующие университетские микрорайоны относятся к почти уникальному южнокорейскому явлению.
- **Отсутствие некоторых типичных для других стран факторов:** этническая гомогенность электората обуславливает отсутствие влияния этнического фактора даже на локальном уровне; конфессиональное разнообразие электората, в т. ч. и региональное, не оказывает почти никакого влияния, за исключением двух-трёх микрорайонов; также в списке специфичных объектов, формирующих локальные электоральные аномалии, отсутствуют тюрьмы, так как в РК заключённые временно лишаются избирательных прав.

3.2. Трансформация электоральных районов

3.2.1. Трансформация электоральных районов в 1987–2025 гг.

Трансформация набора и форм районов — один из самых противоречивых вопросов при составлении их сетки. С одной стороны, районы — устойчивые сущности, переживающие некоторые изменения, однако одно из основных их свойств — стабильность конфигурации, отличительности на фоне соседей и отчасти внутреннего содержания. Районы для того и выделяются, чтобы упростить не только пространственное разнообразие исследуемого объекта, но и разнообразие его временных состояний. Качественное районирование в пределах не очень длительного периода должно упрощать и динамику изменений в электоральном пространстве.

С другой стороны, районы — динамичные объекты, так как отражают систематизацию подвижных явлений. В первую очередь это важно для приграничных частей районов при отсутствии признаков, чётко разграничивающих соседние районы. Районирование, полученное как сумма обобщений временных состояний электорального пространства может оказаться неадекватным каждому из состояний в отдельности или значительной их части. Следовательно, необходим компромисс между широтой обобщения материала (во времени) и соответствием полученной сетки частным территориальным проявлениям электоральных процессов, состояниям электорального пространства в целом и базовым его структурам.

В полученной в ходе районирования электорального пространства РК в 1987–2025 гг. сетке районов среднего уровня этот компромисс найден. С одной стороны, произведено дробление рассматриваемого периода на «электоральные эпохи» со своими соотношениями факторов дифференциации электорального пространства для учёта изменений в схеме районов. Оно было одним из этапов при получении итоговой сетки. С другой стороны, результат работы — относительно устойчивые районы, содержание которых, отчасти конфигурация и степень обособленности от соседей могли меняться в течение рассматриваемого периода, однако общие их характеристики стабильны. Некоторые из полученных районов совершенно незаметны по количественным показателям результатов выборов на многих голосованиях, но в той или иной степени проявляются и в начале, и в середине, и в конце рассматриваемого периода. Они переживают процессы трансформации, во многом заданные их макро- и мезорайонным контекстом.

Рассмотрим основные изменения содержания и формы полученных районов, укладываемые в процесс общей трансформации всей системы.

1. Рост выраженности центр-периферийных расколов внутри мезорайонов на фоне снижения влияния регионализма и фактора элитогенеза. В 1980–1990-х гг. электоральные расколы на внутрирегиональном уровне лишь формировались, так как до этого явной спецификой электорального поведения выделялись лишь некоторые города. Многие избиратели, оказавшиеся после демократизации в совершенно новых политических условиях, постепенно приобретали свои электоральные предпочтения и привычки, отходили от регионалистской стратегии на выборах.

Если в начале рассматриваемого периода внутри мезорайонов Юга дифференциация поддержки основных электоральных альтернатив была подчинена в первую очередь влиянию фактора элитогенеза (эффекта друзей и соседей), то в 2000–2020 гг. основным в большинстве случаев стал центр-периферийный раскол, где в качестве центров выступали крупные города, а как предиктор — пространственное выражение поколенческого раскола.

Снижение выраженности регионализма на выборах в пределах мезорайонов Юга наглядно демонстрирует динамика влияния эффекта друзей и соседей на президентских выборах. При этом для грубой оценки достаточен самый простой способ измерения этого влияния — расчёт коэффициентов корреляции между уровнями поддержки кандидатов в территориальных ячейках и расстоянием от их родных мест (табл. 3.3). На первых выборах в рассматриваемый период для всех основных кандидатов (уровень поддержки $>5\%$) фиксируется большой по модулю и отрицательный коэффициент корреляции (Пирсона) между данными показателями. С ростом расстояния от родины кандидата уровень его поддержки снижался. Для Ким Джонпхилия в Хосо этот показатель составил $-0,84$: география его поддержки в мезорайоне была почти полностью обусловлена одним фактором. В дальнейшем корреляция между показателями постепенно снижалась, кроме выборов 2007 г., когда из-за кризиса одного из политических лагерей регионализм временно усилился. На нескольких последних выборах эффект друзей и соседей почти не фиксируется. Избиратели перешли от аффективной поддержки конкретных политиков с ориентацией на их происхождение к другим моделям.

Таблица 3.3. — Коэффициенты корреляции между уровнем поддержки кандидатов и расстоянием от их родных районов на президентских выборах 1987–2025 гг.⁴⁴

Кандидат	Родной мезорайон	Политический лагерь	Год выборов	Уровень поддержки, %	Коэффициент корреляции
Но Тхэу	Йоннам	военные (консерваторы)	1987	36,6	-0,70
Ким Ёнсам	Пусанский	консерваторы		28,0	-0,75
Ким Дэджун	Хонам	либералы		27,0	-0,52
Ким Джонпхиль	Хосо	чхунчхонцы		8,1	-0,84
Ким Ёнсам	Пусанский	консерваторы	1992	42,0	-0,46
Ким Дэджун	Хонам	либералы		33,8	-0,53
Чон Джуён	—	центристы (консерваторы)		16,3	—
Пак Чханджон	Пусанский	консерваторы		6,4	-0,37*
Ким Дэджун	Хонам	либералы	1997	40,3	-0,50
Ли Хвечхан	Хосо	консерваторы		38,7	-0,56⁺
Ли Индже	Хосо	консерваторы (центристы)		19,2	-0,38*
Но Мухён	Пусанский	либералы		48,9	-0,37
Ли Хвечхан	Хосо	консерваторы	2002	46,6	-0,65*
Ли Мёнбак	Йоннам	консерваторы		48,7	-0,59
Чон Донён	Хонам	либералы		26,1	-0,72*
Ли Хвечхан	Хосо	чхунчхонцы (консерваторы)		15,1	-0,65
Мун Гукхён	Столичный	центристы (либералы)	2007	5,8	-0,34
Пак Кынхе	Йоннам	консерваторы		51,6	-0,45
Мун Джэин	Пусанский	либералы		48,0	-0,68
Мун Джэин	Пусанский	либералы		41,1	-0,67
Хон Джунипхё	Йоннам	консерваторы	2012	24,0	-0,51*
Ан Чхольсу	Йоннам	центристы (либералы)		21,4	-0,29*
Ю Сынмин	Йоннам	консерваторы (центристы)		6,8	-0,62*
Сим Санджон	Столичный	социалисты		6,2	-0,17
Юн Согёль	Столичный	консерваторы	2017	48,6	—
Ли Джэмён	Йоннам	либералы		47,8	-0,54*
Ли Джэмён	Йоннам	либералы		49,4	-0,13
Ким Мунсу	Йоннам	консерваторы		41,1	-0,25
Ли Джунсок	Столичный	консерваторы	2025	8,3	-0,36

*на субрегиональном уровне; все коэффициенты статистически значимы (p-value <0,01).

Источник: составлено автором по данным NEC [340].

Основной предиктор внутримезорайонной дифференциации электорального пространства в последние десятилетия — поколенческий раскол. В Северном макрорайоне он был основным и в 1990-х гг., хотя выраженным слабее. Причина в том, что «поколение 586» окончательно сформировалось и стало столь же многочисленным, как и «поколение индустриализации», которое начало существенно сокращаться и приобретать более гомогенные электоральные предпочтения. К тому же в 2000-х гг. в электорат начало вливаться ныне самое молодое поколение со своим

⁴⁴ Приведены данные только по кандидатам, набравшим более 5% голосов избирателей. Коэф. корреляции для кандидата Юн Согёля статистически незначим. Для Чон Джуёна расчёты не проводились — он родился на территории современной КНДР и «малой родины» в РК не приобрел. Для Ли Мёнбака (родился в Японии) её определить удалось (Пхохан). Однако даже в случае Чон Джуёна можно предполагать некоторое влияние ЭДиС — он получил максимум поддержки в провинции Канвондо, северная часть которой, где и родился Чон, находится в КНДР.

электоральным поведением, в котором факторы регионализма и землячества играют куда меньшую роль, чем у старших поколений.

На нескольких последних выборах⁴⁵ влияние демографической структуры электората на географию поддержки основных кандидатов можно оценить с помощью регрессионных моделей. Отберём несколько количественных показателей, которые могут влиять на результаты выборов: возраст (принадлежность к поколению), уровень образования (школьное/без образования, бакалавриат, ученая степень), тип застройки района (много- или малоэтажный), структура занятости (по секторам и отраслям). Данные агрегированы на наиболее детальном уровне административного деления (~3.4 тыс. ячеек). Анализ проводился внутри мезорайонов с некоторыми поправками: Пусанский и Йоннамский были объединены (качественных различий в результатах по ним почти нет); Северный макрорайон брался по трём частям (Столичный регион, весь Чхунчхон и Канвондо); Чеджу из анализа исключён из-за недостаточного числа наблюдений (территориальных ячеек).

С помощью факторного анализа (методом главных компонент) независимые переменные были преобразованы в небольшой набор переменных (факторов), отражающих совокупную дисперсию исходных переменных. Это необходимо для снижения размерности и избежания мультиколлинеарности. Высокие значения фактора №1 (~40% объясненной дисперсии показателей) соответствуют районам с многоэтажной застройкой, высокими уровнем образования (бакалавриат) и долей людей 1965–1985-х гг. рождения («поколение 586»). Фактор №2 (~20%) — районы с молодым (1980–2000-х гг. рождения) образованным населением, занятым в отраслях, требующих соответствующей квалификации (финансы, страхование, недвижимое имущество, ИТ, бизнес-услуги). Фактор №3 (~15%) — районы с не пожилым населением и очень высоким уровнем образования (доля ученых степеней), высокой долей занятых в соответствующих отраслях и отсутствием занятости во вторичном секторе. Низкие значения этих факторов соответствуют районам с частной застройкой, пожилым населением с низкой долей выпускников школ и университетов. Фактор №4 (~10%) интерпретировать сложнее: высокая корреляция есть лишь с долей жителей, родившихся в 1950–1960-х гг. Основной фактор — №1, так как именно он отражает

⁴⁵ Президентские: 2012, 2017 и 2022 гг.; и парламентские (пропорциональная часть): 2012, 2016 и 2020 гг. Отбор обусловлен невозможностью сбора полных требуемых данных для более ранних выборов.

Низкую объяснительную силу (R^2) имеет большинство моделей по стране в целом, Хонаму и несколько моделей по разным мезорайонам. Уровень «0,5» мал для хорошей модели, однако качественные факторы заранее были исключены из анализа, к тому же в ряде моделей R^2 и без них весьма высок. Особенно характерно это для Хосо, в рассматриваемый период почти утратившему мезорайонную специфику.

На национальном уровне бóльшая часть моделей не имеет смысла — следствие действия регионализма, а на уровне мезорайонов сильна зависимость от выделенных факторов, в первую очередь от фактора №1. Значимых исключений два: Хонам, где мезорайонная специфика в виде фактора элитогенеза всё ещё крайне важна, поэтому стандартный раскол между городами и сельской местностью не столь выражен; и Хосо на парламентских выборах 2012 г. — последних, в которых участвовали местные регионалисты. Полученные факторы объясняют лишь 9% дисперсии их поддержки внутри мезорайона, тогда как добавление к ним показателя расстояния от мест рождения лидеров партии в качестве независимой переменной повышает этот уровень до 55%. Такое же улучшение моделей за счёт добавления метрики эффекта друзей и соседей возможно и в других случаях, но не столь значительно из-за снижения влияния данного фактора. На всех последовавших выборах Хосо, утратив мезорайонную специфику в виде регионализма, стал почти эталонным примером объяснения территориальной дифференциации электоральных показателей в первую очередь поколенческим расколом.

2. Другое изменение — постепенная национализация выборов. Если в начале рассматриваемого периода территориальная фрагментация на местных и региональных выборах могла отличаться от наблюдаемой на национальных, то на нескольких последних выборах карты результатов голосований разных уровней стали очень похожими. Причина — поляризация электората и приобретение им устойчивых предпочтений по мере стабилизации партийной системы [230, p. 35; 358, p. 504]. Например, на губернаторских и мэрских выборах в 1990-х гг. нередко были случаи, когда успех кандидатов полностью определял эффект друзей и соседей (Приложение К). В таких случаях география поддержки кандидатов одного и того же политического лагеря на выборах разных уровней могла существенно различаться. Факторы, определяющие результаты выборов, сейчас действуют одинаково на всех уровнях.

Второе проявление национализации — снижение территориальных различий в результатах выборов: районы в Йоннаме, Чеджу и Пусанском мезорайоне стали менее проконсервативными, в Хонаме — менее пролиберальными, а в Хосо исчез регионализм. Эти районы стали похожи на страну в среднем [236, р. 169].

Проявление национализации вертикали выборов в схеме районов — снижение значимости административных границ и границ избирательных округов. Если на выборах главы муниципалитета набор кандидатов и локальные факторы, определяющие результаты выборов, существенно отличаются от общих для мезорайона, что было нормой в 1980–1990-х гг., то границы этого муниципалитета будут хорошо видны на электоральной карте. В начале периода, особенно на Юге, территориальные блоки на выборах часто повторяли границы административных единиц, а сейчас их значимость существенно снизилась.

3. Третий процесс — дробление политического спектра из-за добавления пропорциональной составляющей на выборах коллегиальных органов власти. При пропорциональной системе выше степень многопартийности — больше миноритарных партий. У каждой из них имеется специфичная территориальная база поддержки (место локализации ядерного электората). Следовательно, растёт разнообразие сочетаний порождаемых ими территориальных структур. В некоторых случаях это добавляет специфику какому-то району, в других — размывает его отличительные черты.

На под- и микрорайоны влиял почти тот же набор факторов:

- Снижение персонификации политики — микрорайоны, сформированные ЭДиС политиков, становятся эфемернее, а заметными остаются лишь некоторые, появившиеся в 1980–2000-х гг. (Но Мухён, Ли Индже и др.).
- Повышение специфики микрорайонов с высокой долей молодёжи — раньше это были почти только пролиберальные районы, так как молодым было «поколение 586», а в последние 20 лет — следующее поколение (более разнообразное и волатильное). Тенденция последних лет — гендерная поляризация молодёжи, а значит и микрорайонов с разным в этом отношении электоратом (женские университеты и военные базы).
- Добавление к специфике некоторых микрорайонов ориентации на миноритарные партии, например, социалистические, представленные в партийной системе только с конца 1990-х гг.

3.2.2. Факторы дальнейшей трансформации электоральных районов

Факторы, обусловившие трансформацию электоральных районов в рассматриваемый период, имеют долгосрочное влияние, поэтому их воздействие можно экстраполировать и на несколько следующих десятилетий. Повторное их рассмотрение применительно к ближайшему будущему было бы излишним, поэтому ограничимся коротким обзором основных трёх качественных вероятных изменений, способных принципиально изменить конфигурацию расколов на электоральных картах.

Фактор поколений

Главный драйвер долгосрочных изменений в электоральной географии РК и, возможно, в южнокорейской политике в целом — смена политических поколений. Причём это редкая ситуация, так как в большинстве других стран фактор поколений существенно влияет на политическую динамику, однако не приводит и потенциально не может привести к структурным изменениям базовых географических паттернов. Причина — трансформация межпартийных различий, основных идеологических концептов и электоральных расколов, а также смена не только поколений, но их предпочтений по мере старения.

Например, в самоидентификации разных поколений американских избирателей все поколения, начиная с «молчаливого», родившегося в межвоенный период, демонстрируют бóльшую приверженность либерализму, чем консерватизму на первых своих выборах. Однако с годами ситуация меняется — при появлении следующих более молодых поколений представители предыдущих становятся консервативнее. Так послевоенное поколение «бэби-бумеров», бывшее в 1970-х гг. самым либеральным, к 2010-м гг. стало умеренно консервативным, уступая лишь более старшему «молчаливому поколению». «Поколение X», родившееся в 1960–1970-х гг., с крайне пролиберальных позиций в 1980–1990-х гг. к настоящему моменту сдвинулось к колеблющемуся состоянию (рис. 3.9). Тот же эффект наблюдается и в партийной аффилиации в виде постепенной «миграции» избирателей из Демократической партии и Республиканскую с возрастом [181, р. 25–27].

Рисунок 3.9. — Идеологическая самоидентификация американских поколений в 1972–2016 гг.

Источник: [181, p. 25]

Со сменой поколенческих когорт происходит и смена представлений о либерализме и консерватизме. Избиратель, в 1950-х гг. считающийся либералом, по меркам 2010-х гг. может восприниматься как консерватор, что вызывает перестройки структуры электората партий и сохранение их долгосрочной устойчивости.

Однако южнокорейский случай атипичен — политические поколения «заморожены», сформировавшись вместе с партийной системой на основаниях, отчасти блокирующих возможность для описанной динамики. Различия между политическими лагерями в РК заключаются не в привычных для американской или европейской политики идеологических разногласиях, а в противоположном отношении к ряду вопросов внешней политики и к трактовке национальной истории (в основном XX в.). Серьёзного изменения позиций поколений по таким вопросам с возрастом не происходит. Меняется выраженность позиций и их приоритизация, что даже с появлением нового молодого поколения с иными ценностными установками не приводит к перестройке поколенческой структуры электората основных партий. Всё же при этом небольшой и крайне медленный переток представителей «поколения 586» в консерватизм отмечается [356, p. 28].

Следовательно, сокращение численности стареющего «поколения индустриализации» и его постепенный физический уход неизбежно приводит к невосполнимому автоматически (за счёт подпитки из следующих поколений) сокращению ядерного электората консервативного политического лагеря. Значит, через два и окончательно через три десятилетия пролиберальное «поколение 586» станет старшим, а значительная часть консервативной базы исчезнет.

Паритет между основными политическими лагерями может восстановиться в двух сценариях. Первый — новое поколение, которое будет в течение ближайших десятилетий достигать избирательного возраста. Его электоральные предпочтения могут отличаться от паттернов, свойственных предыдущему поколению (нынешняя молодёжь), для которого характерен в первую очередь гендерный раскол, высокая электоральная волатильность и как следствие — примерно равная степень поддержки политических лагерей на длинной дистанции. Если следующее поколение окажется более консервативным и устойчивым в своих взглядах, чем предыдущее, то кризис консервативного лагеря может быть преодолен. Второй — конституционные изменения, способные в сочетании с изменениями избирательной системы перестроить политическую и партийную системы. Например, если нынешнее деление на либералов и консерваторов сменится на иную форму раскола при росте многопартийности, то поколенческая динамика может перестать оказывать сильное влияние. Подробнее последствия таких сдвигов освещены в последнем разделе.

Сначала рассмотрим территориальные последствия смены поколений при условии, что общая конфигурация системы останется прежней, а новое поколение избирателей либо будет воспроизводить паттерны предыдущего, либо в ином виде оказывать сопоставимую поддержку основным политическим лагерям (усреднённо за некоторый период или хотя бы на поляризующих конкурентных выборах). В таком случае консервативный политический лагерь окажется в затяжном кризисе, лишившись значительной части ядерного электората, и подавляющее большинство голосов на выборах будет получать либеральный лагерь. Электоральную коалицию составит большинство избирателей крайне многочисленного «поколения 586» и примерно половина избирателей следующих малочисленных поколений. Для электоральной географии это будет иметь два больших последствия.

Первое — превращение не регионалистской базы поддержки консерваторов сначала в колеблющиеся районы, а позже — в устойчиво пролиберальные. Сейчас подавляющую поддержку консерваторов в сельской и мелкогородской местности, а также в старых ядрах некоторых городов севера обеспечивает преобладание пожилых избирателей. Например, в островном уезде Канхва (северо-запад Инчхона) доля пожилых составляет 45%, их доля в электорате — ~50%, а с учётом явки — более 55% (рис. 3.10). При доле консервативного электората среди пожилых избирателей

~2/3 это даёт консерваторам гарантированную победу в районе. Даже на успешных для либералов выборах им почти не удавалось победить в уезде Канхва.

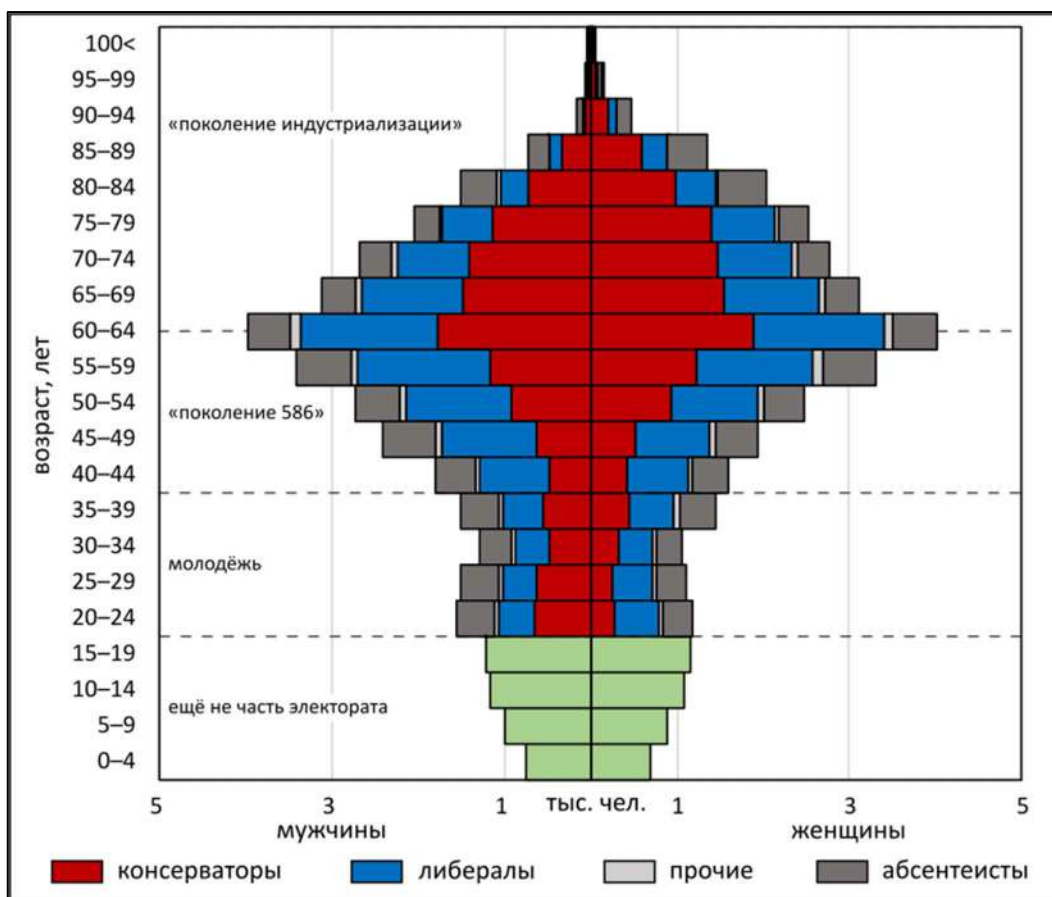

Рисунок 3.10. — Половозрастная и электоральная структура населения уезда Канхва на президентских выборах 2022 г.

Источник: составлено автором по данным KOSIS [288]

Сокращение численности избирателей старшего поколения приведёт к уменьшению ядерного электората обоих политических лагерей, но эта проблема в ближайшее время будет вдвое острее для консерваторов. Примерно через 20 лет даже на Канхвадо — одном из самых «старых» и консервативных уездов — будет достигнут паритет между либеральными и консервативными избирателями в условиях наиболее поляризованных и конкурентных выборов, какими были, например, президентские выборы 2022 г. В перспективе следующих 20 лет преимущество либералов вырастет до сопоставимого с нынешним преимуществом консерваторов. В менее пожилых и консервативных районах это произойдёт существенно раньше.

Следовательно, в Северном макрорайоне нынешние устойчиво консервативные районы и, что ещё важнее для исхода отдельных выборов, парламентские ИО превратятся в колеблющиеся и умеренно либеральные. Произойдёт инверсия центр-

периферийной структуры электорального пространства — наиболее либеральными могут стать периферийные области и городские ядра, тогда как остальные районы и пригороды с высокой долей молодых избирателей будут иметь более консервативную ориентацию. Процесс перегруппировки пойдёт медленнее в Йоннамском мезорайоне, где из-за регионализма сильная консервативная ориентация характерна не только для старшего поколения. В Хонаме тенденция будет обратной и не столь выраженной — сокращение влияния старшей когорты избирателей приведёт к более сильному сокращению ядерного либерального электората.

Для электоральных районов Севера это будет означать снижение межрайонных различий за пределами крупных городов и исчезновение специфики старых городских ядер. Следовательно, периферийные электоральные районы укрупнятся, а городские станут более дробными и мозаичными.

Второе последствие — продолжение размыва регионализма, которое в перспективе 20–40 лет может стать критичным для качественных изменений, наподобие происшедших в Пусанском мезорайоне в 2000–2010-х гг. Нынешнее младшее поколение уже мало подвержено регионализму, а причин для активизации регионалистского поведения на выборах для этого и следующего поколений нет. Следовательно, скорость стирания различий между Южным и Северным макрорайонами, мезорайонами Южного макрорайона и отдельными районами этих мезорайонов будет нарастать. Если для исхода выборов важнее будет сокращение доминирования основных политических лагерей в их региональных базах, то для электорального пространства — сокращение качественных различий между политическими культурами Юга и Севера (электоральный вес носителей регионалистской политической культуры Юга уже сокращается).

На Юге, в отличие от Северного макрорайона, более быстрая динамика будет наблюдаться не на периферии, а в городах — районах концентрации молодого электората. Центр-периферийная дифференциация электорального пространства южных мезорайонов сохранится и усилится, в отличие от перестраивания и сокращения выраженности аналогичной структуры в северных мезорайонах.

Фактор местного контекста

Вместе со сменой поколений избирателей происходит и смена поколений политиков. Если до 2020-х гг. ни один из основных политиков не был уроженцем Сеула и соседних районов, то в ближайшие годы большинство будут выходцами именно из крупных городов, особенно столицы — на основных позициях сейчас находятся политики 1950–1960-х гг. рождения, которых постепенно сменяют родившиеся в 1970–1980-х гг. когда уже большая часть населения страны проживала в городах. Одно из следствий этой смены поколений — ослабление связи лидеров основных партий с родными регионами их политических лагерей, а также влияния эффекта друзей и соседей на результаты выборов.

Городской электорат гораздо реже, чем сельский, реагирует на местное происхождение политика и реже осведомлён о нём. К тому же в последние десятилетия внутрирегиональные территориальные электоральные расколы, в отличие от ситуации 1980–1990-х гг., стабилизировались, «кристаллизовались» в соответствии с поколенческим расколом и малоподвижны. Следовательно, эффект друзей и соседей будет фиксироваться у меньшинства кандидатов, а электоральные микрорайоны, формируемые ими, станут более эфемерными — менее выраженными и недолговечными. Такой же эрозии будет подвергаться подрайон Каннам и продолжит подвергаться регионализм, особенно в Йоннаме.

Второе значимое изменение — перестройка электоральных расколов в крупных городах. Характерные примеры — Сеул и Тэджон, в центральных районах которых реализуются многочисленные проекты перепланировки. В результате существующие сообщества в районах старой малоэтажной застройки разрушаются, а структура электората новых многоэтажных кварталов становится более разнообразной и молодой. Данный процесс носит всеобщий, но точечный характер — отдельные кварталы крупного района перестраиваются в течение длительного времени, но не одновременно, что делает прежде электорально гомогенный район мозаичным. В Сеуле данный процесс идёт уже давно, поэтому центральные районы города уже характеризуются высокой гетерогенностью, и сложность электорального пространства там ещё будет нарастать. Однако для Тэджона это относительно новый процесс, с которым в ближайшее время могут столкнуться другие крупные города и последствия которого особенно отчётливо будут видны в городах Севера.

Институциональный фактор

Будущие изменения в территориальной структуре электоральных процессов в РК зависят от рамок формальных институциональных ограничений, порождающих также и некоторые неформальные практики, влияющие на территориальное выражение процессов. Ключевая рамка — избирательная система, а точнее совокупность избирательных систем выборов разных уровней и соотношение значимости разных уровней и ветвей власти. Каждые выборы и политические кризисы регулярно и неизбежно активизируют общественные обсуждения несовершенства текущей системы и вариантов её преобразования, в т. ч. с помощью конституционных изменений. Особенно активно данный вопрос поднимался в начале 2000-х гг. при администрации Но Мухёна, в 2016–2017 гг. во время и после импичмента Пак Кынхе, а также в 2024–2025 гг. в связи с попыткой введения военного положения и импичмента Юн Согёля, а также после таких выборов, на которых расхождения между электоральными предпочтениями избирателей и распределением мест в парламенте вызывали серьёзное недовольство [118; 177].

Детали структурных изменений самой политической системы для настоящей работы второстепенны, но имеют несколько потенциальных следствий в электорально-географических процессах. Например, обсуждающийся переход от одномандатных округов на парламентских и региональных выборах к многомандатным или к усилению пропорциональной составляющей выборов провоцирует рост многопартийности не только в номинальном количестве партий, но и в их влиянии. Система из двухпартийной или «двух-с-половиной партийной» может трансформироваться в трёх-, четырёх- или пяти-партийную с присутствием также и ряда миноритарных партий. Этот процесс, вероятно, будет сопровождаться увеличением степени полицентричности территориальных электоральных структур из-за наращивания числа областей повышенной поддержки какой-либо партии из-за увеличения их числа. Подобное происходило в 2000–2010-х гг. с появлением устойчивой социалистической части политического спектра и нескольких эфемерных крайне правых политических сил с уже стабильным ядерным электоратом.

Особенно значимым данное изменение будет при усилении политической роли парламента, особенно при переходе от президентской системы к парламентской, что повысит значимость парламентских выборов и запустит

переформатирование партийной системы. Ключевое возможное изменение — отход от регионалистской природы крупнейших партий в силу увеличения количества значимых политических акторов и, как следствие, электоральных расколов. Новые основные электоральные расколы могут в большей степени относиться к внутренней политике и более классическому набору социально-экономических вопросов, чем в нынешней системе, что снизит роль как регионализма, так и поколенческого фактора. Регионалистские партии могут стать малыми, лишившись статуса двух крупнейших и почти безальтернативных.

Второе потенциальное следствие трансформаций в избирательной и партийной системах — изменение стратегий голосований и отчасти политической культуры в связи со снижением электоральной поляризации, приобретением институтом политических партий большего веса и устойчивости, с отходом от политической культуры, в которой «победитель получает всё».

Для созданной в ходе работы сетки районов описанные институциональные изменения могут иметь три последствия. Во-первых, резкое снижение значимости регионализма на выборах, а значит, и дивергенции между Северным и Южным макрорайонами, а также мезорайонами Юга. Во-вторых, перестройку внутригородской структуры электоральных расколов, особенно в Сеуле, при сохранении конфигурации электоральных районов за их пределами, где дифференциация электорального пространства не столь сильна. В-третьих, «стирание» отличительных черт некоторых электоральных микрорайонов, особенно южных и связанных со специфичной структурой электората (индустриальных, жилых).

Предложенные метод районирования и сетка электоральных районов РК не претендуют на универсальность. Районирование — специфичный инструмент оптимизации и интерпретации знания об электоральном пространстве, применяемый для какой-либо цели. В случаях необходимости решения какой-либо практической задачи или упрощения материала для его передачи требования, предъявляемые к этой операции, и конкретные её элементы будут различаться. Поэтому допускается несколько вариантов, например, сетки электоральных районов РК. Приведём два примера того, как можно было бы иначе представить ключевые особенности электорального пространства страны.

При более количественном, чем предложенный в работе, подходе набор, конфигурация и содержание районов были бы иными. Если для разграничения районов использовать в основном композиционные факторы и тем более если обращать больше внимания на количественные различия в уровнях поддержки разных политических сил, а не на генезис этих различий, то исчезает потребность в полимасштабном подходе, в котором уровни районов наделены разными свойствами. В таких случаях различия между районами разных уровней могут быть почти только размерными. В составе одного района нередко оказывались бы территории с близкими уровнями поддержки партий и кандидатов, но совершенно разными причинами таких результатов, например, на северной границе Йоннама. Значительную часть особенностей, свойственных макрорайонам, отчасти мезорайонам, всем подрайонам и части микрорайонов, было бы необходимо учитывать вместе друг с другом и с количественными электоральными показателями, что существенно усложнило бы схему для восприятия и потребовало при изложении полгаться преимущественно на подробный разбор каждого из районов с минимальными обобщениями.

При использовании в первую очередь контекстуального подхода с меньшим вниманием к количественным различиям сетка электоральных районов РК была бы ближе к предложенной в работе, однако всё же заметно отличалась бы от неё на двух уровнях. Во-первых, не потребовалось бы выделение такого числа районов среднего уровня — вместо 75 для описания качественных предикторов территориальных различий результатов выборов хватило бы и 25–40 районов. Во-вторых, изменился бы набор микрорайонов — к ним можно добавить все, где присутствует минимально значимое влияние каких-либо локальных электоральных эффектов, и при этом исключить бóльшую часть микрорайонов, выделенных лишь из-за высокой доли в них ядерного электората тех или иных политических сил.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе работы полимасштабный подход был применён для разработки методики районирования электорального пространства на примере Республики Корея за период с 1948 по 2025 гг. Обзор работ, посвящённых вопросам политико-географического и электорального районирования, концепции полимасштабности и электоральной географии разных стран показал, что:

1. Существует несколько качественно различающихся подходов к пониманию сути электорального районирования, понятия района и к подбору необходимых методических шагов. Часть подходов отдаёт приоритет одному из факторов дифференциации электорального пространства, почти игнорируя иные. Другим подходам свойственны крайности в жёсткости или мягкости методов определения границ и содержания районов. Для прочих характерна почти бессистемность методических решений и сложность полученных сеток районов или почти отказ от районирования как метода электоральных исследований. Кроме того, было показано, что полимасштабность пока не стала частым элементом в схемах политико-географического и электорального районирования.

2. Выделены две основные группы факторов, влияющих на дифференциацию электорального пространства: композиционные, учитывающие структуру электората и почти игнорирующие пространственные эффекты, и контекстуальные, принимающие во внимание влияние пространства на электоральное поведение избирателей. Были также установлены масштабные уровни, на которых каждый из факторов оказывает наибольшее влияние на структурирование результатов выборов. Различия в понимании сути электорально-географических явлений в рамках двух данных подходов пересекаются с различиями в подходах к электоральному районированию: между методами, в которых пространство воспринимается как пассивный фон электоральных процессов, и методами, в которых пространство или место — активный фактор этих процессов.

Комбинирование отдельных элементов уже существующих подходов к электоральному районированию и особенностей разных групп электоральных факторов, а также авторских нововведений позволили разработать методику электорального районирования, в значительной степени нивелирующую обнаруженные недостатки

иных подходов. Однако метод не решает полностью все свойственные им проблемы, в том числе не доказана его потенциальная универсальность.

В основе методики лежит идея о существовании масштабных уровней наибольшего влияния факторов дифференциации электорального пространства на исследуемые процессы и явления. Она позволила ввести в районирование полимасштабный подход, в т. ч. для упорядочивания самого процесса районирования. Было выделено три основных (макро-, микро- и районы среднего уровня) и два вспомогательных (мезо- и подрайоны) «этажа» районирования в соответствии с обнаруженными масштабными уровнями. Районам разных уровней свойственны разные размеры, принципы разграничения, внутреннее содержание, сложность и структура.

Макрорайоны — верхний уровень — различаются качественными чертами региональных политических культур, но могут обладать сильной внутренней гетерогенностью в количественных результатах выборов (в уровнях поддержки партий и кандидатов). В случае территориальной поляризации этой гетерогенности выделяются мезорайоны, сочетающие качественное своеобразие РПК и явные отличительные особенности в итогах голосований. Электоральные районы — средний уровень — различаются почти только количественно, что обусловлено разным составом электората соседствующих районов. В случае наличия в районе специфичной местной политической культуры он или его часть обособляется в электоральный подрайон — вспомогательный уровень районирования, необходимый для нивелирования несоответствия модельной схемы реальности. Микрорайоны — локальные электоральные аномалии внутри районов среднего уровня.

Данный полимасштабный подход учитывает не только многоуровневость пространства, но и временные масштабы. Районам разных уровней свойственны разные «ритмы времени»: макрорайонам — долгое время и большая инерция, на коротких временных отрезках это почти неизменные объекты; мезорайонам — среднее время, инерция, но и заметная изменчивость в краткосрочном периоде; районам — средняя скорость изменений и некоторая цикличность; подрайонам и микрорайонам — режим короткого времени.

Разработанная методика была применена при районировании электорального пространства Республики Корея. На первом этапе были выделены четыре стадии

развития электорального пространства страны. Они были рассмотрены через призму электоральных районов верхних масштабных уровней:

1. Дорайонная стадия (1948–1963 гг.) характеризуется отсутствием каких-либо явных и устойчивых территориальных структур на выборах, крупных однородных и самобытных электоральных районов не фиксируется. Электоральным картам свойственна мозаичность и изменчивость.

2. Стадии районообразования (1963–1987 гг.) свойственно появление межрегиональной поляризации результатов выборов из-за политизации территориальной гетерогенности экономического развития и модернизации в целом. Электоральные расколы приобрели форму и закрепились как устойчивые структуры.

3. Стадия закрепления районов (1987–2002 гг.) выделена как период утверждения и максимальной выраженности регионализма как ключевой и почти безальтернативной стратегии на выборах всех уровней.

4. Текущая стадия «эрозии» районов (с 2002 г.) характеризуется снижением выраженности регионалистского поведения избирателей, уменьшением числа и постепенной конвергенцией мезорайонов, а также исчезновением их цельности из-за смены поколений электората и политических элит.

Были выделены два электоральных макрорайона, различающихся качественными свойствами их политических культур: для Южного свойственен политический регионализм, персонификация и поляризация политики; Северный характеризуется отсутствием этих черт. В пределах данных макрорайонов были определены восемь мезорайонов, причём два из них — Восточный Чхунчхон и Хосо — выделены в период активности в них регионалистских политических движений с 1987 по 2012 гг., причём территория последнего в этот период относилась к Южному макрорайону. Проявления остальных мезорайонов фиксируются с 1960–1970-х гг. Основное их выражение — значимые различия в уровнях поддержки политических сил в сочетании с качественным своеобразием местных вариантов РПК соответствующих макрорайонов. В пределах Южного макрорайона выделены мезорайоны с преобладанием поддержки собственных регионалистских партий: Йоннам, Хонам, Пусанский и Хосо. В пределах Северного — Столичный как ядро макрорайона и периферийные его части с небольшими различиями их РПК: Йондон, Чеджу и Восточный Чхунчхон.

На среднем масштабном уровне было выделено 75 электоральных районов. Основа различий между ними — показатели поддержки разных политических сил на выборах, ключевой предиктор которых внутри мезорайонов — территориальное выражение поколенческого раскола южнокорейского электората. Пространственная сегрегация трёх политических поколений, ориентированных на разные политические лагеря и имеющих разное электоральное поведение («поколение индустриализации», «поколение 586» и молодёжь), обеспечила центр-периферийную структуру электорального пространства мезорайонов, где в качестве центров выступают крупные города. В мезорайонах Юга была выявлена ещё одна группа субцентров — районы регионального «элитогенеза» как места рождения лидеров политических лагерей. В Хонаме к ним относятся центральные и юго-западные районы Кванджу и Мокпхо, в Йоннаме — центральные Тэгу и Куми, в Хосо — западные внутренние районы и особенно уезд Пуё. В качестве периферии южных мезорайонов выступают районы, избиратели в которых в меньшей степени ощущают общие с этими политиками региональные интересы.

Было выявлено, что в ряде случаев относительная гомогенность состава электората в пределах района не обеспечивает ему однородность в электоральных показателях. Причём несколько районов имеет размеры, численность электората или значимый статус, сопоставимые, а иногда и превышающие таковые у большинства районов среднего уровня. Было определено 11 таких специфичных случаев — электоральных подрайонов, в которых своеобразие в результатах выборов сочетается с действием контекстуальных электоральных факторов. Три из них (Пояс реки Нактонган, Восточный Ульсан и Чанхын) были наделены статусом районов, а остальные выделены в рамках районов среднего уровня из-за их качественного своеобразия. Было выявлено три контекстуальных предиктора особенностей подрайонов: эффект друзей и соседей, эффект соседства и территориализованная деятельность политических акторов (коалиций профсоюзов и социалистических партий).

Локальных электоральных аномалий — отклонений от основных для каждого из районов свойств — было выявлено на порядок больше — от 110 до 160 электоральных микрорайонов. Их аномальность обеспечивается хотя бы одним из трёх возможных локальных факторов: 1) высокой долей среди избирателей микрорайона ядерного электората какой-либо политической силы; 2) наличием специфического

объекта, обеспечивающего наличие в местном электорате атипичных избирателей;
3) условиями местного контекста.

Было выделено восемь типов и восемь подтипов электоральных микрорайонов, различающихся генезисом, формирующим данные электоральные аномалии. Два из них — персональный и приграничный — свойственны почти только Южному макрорайону из-за специфики местной политики, более персонифицированной и территориально поляризованной, чем в Северном. Наиболее типичные примеры таких микрорайонов — приграничные Куре, Кымсон (граница Хонмам и Йоннама), Чанхан и Камгён (граница Хонама и Хосо) и персональные Керён, Моксадон и Понха. Иные типы микрорайонов свойственны всему южнокорейскому электоральному пространству. Наиболее распространены электоральные аномалии университетских кампусов, среди которых особенно выделяются кампусы женских университетов (Ихва, Сукмён), военных баз, особенно вблизи ДМЗ, промышленных объектов, и образованные специфичными селитебными условиями старых городских ядер, молодых городов, «городских деревень» и кварталов элитного жилья. Микрорайоны иных типов — рекреационные и религиозные — единичны.

Предложенная сетка электоральных районов обобщает особенности электорального пространства и его трансформацию за весь анализируемый период (1948–2025 гг.), однако на уровне районов среднего уровня динамический аспект не рассмотрен столь подробно. Полученные районы — результат обобщения анализируемого материала за период 1987–2025 гг. Изменения в пространственных особенностях результатов выборов учтены при районировании, но не были отражены в схеме. К ним относятся: 1) рост выраженности центр-периферийных расколов внутри мезорайонов на фоне снижения персонификации политики, влияния регионализма и фактора элитогенеза вследствие смены поколений; 2) национализация выборов; 3) фрагментация партийной системы и электорального пространства.

Наиболее значимый результат применения полимасштабного подхода при районировании электорального пространства РК — вертикальная динамика некоторых электоральных процессов, переходящих с уровня на уровень или оказывающих влияние сразу на несколько уровней районов. Например, восходящая динамика влияния локальной электоральной аномалии микрорайона Понха, связанной с влиянием «эффекта друзей и соседей» президента Но Мухёна, появившейся на рубеже 1990-х и

2000-х гг., впоследствии ставшей крупным подрайоном. Сейчас особенности, ранее свойственные лишь небольшому микрорайону, определяют одну из особенностей всего Пусанского мезорайона. Обратный пример — мезорайон Хосо, постепенно терявший отличительные особенности в 2000-х гг., впоследствии редуцировавшийся до трёх персональных подрайонов Пуё, Йесан и Нонсан.

На основании анализа факторов, влиянию которых подвержено электоральное пространство РК, были выявлены возможные сценарии изменений в сетке электоральных районов. В ближайшие десятилетия трансформация электоральных районов всех уровней будет подчинена динамике поколенческого раскола южнокорейского электората. Макро- и мезорайоны продолжают терять ключевые особенности своих политических культур из-за национализации политики и низкой значимости регионалистского паттерна на выборах для младшего поколения избирателей, доля которого в электорате растёт. Отсутствие значимых изменений в политических ориентациях избирателей с возрастом означает приближение перестройки центр-периферийной конфигурации электоральных районов среднего уровня из-за сокращения доли в электорате старшего проконсервативного поколения. На уровне микрорайонов данный процесс окажет значимое воздействие лишь на отдельные их типы (в первую очередь селитебные), тогда как более значимыми на нижних «этажах» будут снижение уровня персонификации политики и нарастание гендерного раскола среди молодого электората.

Список литературы

1. Аксёнов К. Э. «Географические эффекты» голосования и психологическая концепция в американской политической географии // Известия ВГО. — 1987. — Т. 119, № 2. — С. 182–187.
2. Аксёнов К. Э. Политико-географические основы функционирования политической системы США: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Ленинград, 1989. — 204 с.
3. Аксёнов К. Э. Пространственно-временные закономерности электоральных перегруппировок и систем в Санкт-Петербурге в 1989–2004 гг. // Региональные исследования. — 2009. — № 3. — С. 15–22.
4. Аксёнов К. Э. Сущностный характер политической географии // Известия РГО. — 1992. — Т. 124, № 4. — С. 331–337.
5. Аксёнов К. Э. Трансформация пространственной организации ритейла в постсоветском метрополисе 1989–2023. — Чебоксары: Среда, 2024. — 260 с.
6. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. — М., «Мысль», 1983. — 350 с.
7. Аламшиев П. М. Вопросы экономического районирования и размещения производства на венгерской географической конференции // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. — 1963. — № 1. — С. 119–124.
8. Андропова Л. А. Партийная система Южной Кореи: традиции и современность // Вестник Томского государственного университета. История. — 2014. — Т. 27, № 1. — С. 71–75.
9. Андропова Л. А. Формирование и эволюция региональной идентичности в Республике Корея // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности. — Томск: Издательство ТомГУ, 2015. — С. 84–92.
10. Андропова Л. А. Эволюция партийной системы Республики Корея в 1948–2008 гг.: Дисс... кандидат ист. наук. — Томск, 2011. — 259 с.
11. Арбатская М. Н. Структура и динамика регионального электорального пространства: на примере Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Иркутск, 2002. — 267 с.
12. Арманд Д. Л. Объективное и субъективное в природном районировании // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. — 1970. — № 1. — С. 115–129.
13. Асмолов К. В. К 70-летию трагедии на острове Чечжудо // Вестник российского корееведения. — 2019. — № 11. — С. 24–56.
14. Асмолов К. В. Корейская политическая культура: Традиции и трансформация (издание второе). — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. — 704 с.
15. Асмолов К. В. Политические партии в Республике Корея // Проблемы Дальнего Востока. — 2003. — № 4. — С. 46–63.
16. Асмолов К. В. Президентские выборы-2022 в Республике Корея // Проблемы Дальнего Востока. — 2022. — № 2. — С. 80–96.
17. Асмолов К. В. Профсоюзное движение в Республике Корея // Проблемы Дальнего Востока. — 2002. — № 4. — С. 41–65.
18. Ахременко А. С. Электоральное пространство: теоретико-методологические проблемы: Дисс. ... док. полит. н. — М.: МГУ, 2009. — 320 с.
19. Белов А. А. Факторы территориальной дифференциации электорального поведения населения России: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 2005. — 333 с.
20. Белов А. Л. Политическая география Канады: регионализм в политической жизни и

- политической культуре: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Ленинград, 1983. — 194 с.
21. Бусыгина И. М. Регионы Германии. — М.: РОССПЭН, 1999. — 350 с.
 22. Варюшин П. С. Методы исследования географии политических предпочтений населения США // Вестник Московского университета. Серия 5. География. — 2014. — № 4. — С. 42–48.
 23. Варюшин П. С. Территориальная электоральная структура США: динамика и факторы формирования: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 2017. — 250 с.
 24. Веденин Ю. А. Опыт культурно-ландшафтного описания крупных регионов России // Культурный ландшафт как объект наследия. — М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 338–382.
 25. Весна 89: География и анатомия парламентских выборов / Под ред. В. А. Колосова и др. — М.: Прогресс, 1990. — 380 с.
 26. Визгалов Д. В. Политическая география Великобритании: оценка территориально-политической устойчивости как элемент политико-географического районирования: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 1999. — 200 с.
 27. Витковский О. В. Политическая география ФРГ в зеркале избирательной статистики (по материалам выборов в Бундестаг) // Сборник посвящён памяти профессора И. М. Маергойза / Под ред. В. В. Вольский, И. М. Маергойз. — Т. 2 из Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. — М.: ИЛА АН СССР, 1976. — С. 241–287.
 28. Витковский О. В. Рейнско-Вестфальский район: политико-географическая характеристика: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 1954. — 637 с.
 29. Гаррис Ч. Д. Методы исследования в области экономического районирования // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. — 1963. — № 4. — С. 128–136.
 30. Гришин Г. Т., Павленко Н. И. О низовом административном территориально-производственном районировании (на примере Воронежской области) // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. — 1964. — № 3. — С. 56–61.
 31. Гришин Н. В. Электоральные ориентации населения Юга России: концептуальный анализ. Дисс. ... докт. полит. наук. — Астрахань, 2011. — 483 с.
 32. Данзанов Е. С. Пространственно-временная структура электоральных предпочтений в Республике Бурятия: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Улан-Удэ, 2010. — 221 с.
 33. Докучаев Д. С. Онтология регионализма // Региональные исследования. — 2014. — № 1. — С. 4–11.
 34. Дружинин А. Г., Стрелецкий В. Н. «Культурная составляющая» общественной географии в современной России: генезис, особенности и приоритетные направления развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2015. — № 1. — С. 5–20.
 35. Елагин С. А., Евдокимов М. Ю. Общие и географические особенности результатов выборов в Смоленскую областную думу пятого созыва // Региональные исследования. — 2014. — № 2. — С. 36–42.
 36. Елагин С. А., Окунев И. Ю. Атлас электоральной географии Российской Федерации. 1991–2024. — Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2025. — 398 с.
 37. Елацков А. Б. Территория и район в географической матрице пространственности // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2015. — № 3. — С. 5–13.
 38. Жидкин А. П. Территориальные различия в структуре и динамике электоральных предпочтений населения России: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 2002. — 222 с.
 39. Жирнова Л. С. Эффект соседства как значимый фактор парламентских выборов

- 2010–2022 гг. в Латвии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2023. — Т. 45. — С. 90–100.
40. Журавлев А. Н. Диффузия политических нововведений как пространственный процесс: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Санкт-Петербург, 1993. — 250 с.
41. Зайчиков В. Т. Корея. — М.: Государственное издательство географической литературы, 1951. — 480 с.
42. Зимоха А. Ю. Сравнительный анализ закономерностей электоральной географии в странах разного типа: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 2006. — 178 с.
43. Зиновьев А. С., Туров Н. Л., Голиков А. В. Постсоциалистические изменения политико-географической структуры Польши // Псковский регионологический журнал. — 2018. — № 1. — С. 24–39.
44. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 576 с.
45. Каганский В. Л. Административно-территориальное деление: логика системы и противоречия в ней // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 1993. — № 4. — С. 85–94.
46. Каганский В. Л. Лимнологические этюды (результаты авторских исследований в общей и географической лимнологии за 40 лет) // Региональные исследования. — 2022. — № 3. — С. 5–22.
47. Каганский В. Л., Новиков А. В. Новый метод выделения существенных признаков для разработки региональных классификаций // Известия АН СССР. Серия географическая. — 1989. — № 1. — С. 112–119.
48. Калуцков В. Н. Подходы к культурно-географическому районированию России // Ландшафтоведение: теория, методы, ландшафтно-экологическое обеспечение природопользования и устойчивого развития / Ред. К. Н. Дьяконов. — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2017. — С. 253–257.
49. Калуцков В. Н. Прикладное культурно-географическое районирование России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2015. — № 6. — С. 30–39.
50. Камельдинов Н. Ю. Современная электоральная география Республики Корея: ВКР. — СПб: ИНоЗ СПбГУ, 2023. — 87 с. Архив открытого доступа СПбГУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/42124> (дата обращения 05.06.2025).
51. Ким Н. Н. Президент Но Мухён (2003–2008): в поисках новых путей развития Республики Корея: монография / отв. ред. А. В. Воронцов. — М.: ИВ РАН, 2022. — 266 с.
52. Ковалевский В. П. К вопросу об экономическом районировании развивающихся стран // Вопросы географии. — 1968. — Т. 76. — С. 3–8.
53. Колбовский Е. Ю. Дискуссия по поводу статьи. Районирование или «коннектография»? // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2024. — Т. 88, № 2. — С. 228–230.
54. Колосов В. А. Политико-географическое изучение промышленно развитых капиталистических стран: задачи и направления // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. — 1983. — № 3. — С. 110–119.
55. Колосов В. А. Проблемы политической географии Италии: по материалам парламентских выборов 1953–1976 гг.: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 1979. — 277 с.
56. Колосовский Н. Н. Основы экономического районирования. — М.: Госполитиздат, 1958. — 200 с.

57. Концевич Л. Р. О необходимости следовать единой русской практической транскрипции корейских слов // Сборник докладов международного научно-практического семинара «Насущные вопросы кириллизации корейских имен собственных. Актуальные проблемы унификации системы транскрипции». — М., МГЛУ, 2014. — С. 4–15.
58. Концевич Л. Р. Словарь географических названий Республики Корея. — М.: Наука. — Вост. лит., 2018. — 734 с.
59. Коргунюк Ю. Г. Региональная карта электоральных размежеваний по итогам выборов 2011 года // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. — 2014. — Т. 74, № 3. — С. 75–91.
60. Кришталь М. И. Электоральное пространство Калининградской области в системе социально-политических отношений: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Калининград, 2017. — 135 с.
61. Лаврухин В. В. Электоральная география Франции: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Ленинград, 1985. — 225 с.
62. Ланцова И. С. Президентские избирательные кампании в Республике Корея: сравнительный анализ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — 2009. — Т. 5, № 2. — С. 231–243.
63. Ланьков А. Н. Взлёт и падение «диктатуры развития» в Южной Корее // Отечественные записки. — 2013. — № 6. — С. 79–88.
64. Лебедев В. Б. Политическая география Индии: эволюция электоральной структуры в период независимости: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 1998. — 313 с.
65. Лейзерович Е. Е. Об основных экономических районах (макрорайонах) России // Региональные исследования. — 2014. — № 3. — С. 4–11.
66. Лейзерович Е. Е. Экономические микрорайоны России (сетка и типология). — М.: Трилобит, 2004. — 128 с.
67. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 23. — М.: Издательство политической литературы, 1973. — 594 с.
68. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 40. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — 506 с.
69. Ловягин К. Д. Электоральные районы Мексики в условиях коренной трансформации партийной системы страны // Латинская Америка. — 2020. — № 8. — С. 29–46.
70. Маергойз И. М. Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований. — М.: МГУ, 1981. — 137 с.
71. Маергойз И. М. Некоторые вопросы политико-географического изучения капиталистических стран // Сборник посвящен 80-летию со дня рождения проф. И. А. Витвера / Под ред. В. В. Вольский, И. М. Маергойз. — Т. 1 из Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. — М.: ИЛА АН СССР, 1971. — С. 33–52.
72. Маергойз И. М. Территориальная структура хозяйства. — Новосибирск: Наука, 1986. — 303 с.
73. Машбиц Я. Г. Новые рубежи страноведения // Проблемное страноведение и мировое развитие / отв. ред. Ю. Г. Липец. — Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. — С. 13–22.
74. Михайлов А. С. Пространственная структура электоральных предпочтений в России: Дисс. ... канд. геогр. наук. — Санкт-Петербург, 2001. — 151 с.
75. Мухин А. И. Основные черты политической географии Австрии: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 1955. — 440 с.
76. Окунев И. Ю. и др. Электоральная география ближнего зарубежья России. —

- Москва: МГИМО-Университет, 2024. — 574 с.
77. Окунев И. Ю. Цикличность идейно-политических размежеваний в электоральном пространстве: к новому прочтению концепции Липсета-Роккана // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. — 2022. — Т. 16, № 3. — С. 52–62.
 78. Окунев И. Ю. Электоральная география. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. — 312 с.
 79. Окунев И. Ю., Жирнова Л. С. Этнический раскол в электоральном поведении Латвии // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. — 2019. — № 11 (358). — С. 78–90.
 80. Орешкин Д. Б. География электоральной культуры и цельность России // Полис. Политические исследования. — 2001. — № 1. — С. 73–93.
 81. Орешкин Д. Б., Тикунов В. С. Блок электорального поведения населения в атласной информационной системе «Устойчивое развитие России» // Известия РГО. — 2002. — Т. 134, № 3. — С. 48–53.
 82. Орешкина Д. Д. Картографический метод в исследовании электорального поведения населения Российской Федерации: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 2006. — 165 с.
 83. Осипов К. А. Электоральное районирование современной Японии // Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность (8–9 апр. 2021 г.): материалы / СПбГУ, 2001. — С. 645–659.
 84. Петров Н. В., Титков А. С. Электоральный ландшафт России и выборы в Государственную думу 2003 г.: пространственно-временной анализ электоральной динамики // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2004. — № 3. — С. 18–31.
 85. Родоман Б. Б. Районирование как обладание пространством // Региональные исследования. — 2017. — № 3. — С. 4–12.
 86. Сегал Е. А. Политическая география Швейцарской Конфедерации в условиях интегрирующейся Европы: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 2006. — 179 с.
 87. Скачков В. С. Риски пространственной дезинтеграции в странах Латинской Америки: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 2024. — 189 с.
 88. Слука Н. А. География президентских и парламентских выборов в Румынии в 1990 г. // Проблемы политической и социальной географии / Под ред. О. В. Витковский, А. С. Наумов. — Т. 12 из Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. — М. ИЛА РАН, 1992. — С. 137–151.
 89. Слука Н. А. Электоральная география как поле междисциплинарных исследований // Вестник МГИМО-Университета. — 2025. — Т. 18, № 1. — С. 124–134.
 90. Смирнягин Л. В. Актуальные проблемы политической географии // Политическая география: проблемы и тенденции. — Баку: Азербайджанский государственный университет, 1987. — С. 13–16.
 91. Смирнягин Л. В. Безграничное районирование и плавающие признаки как средство познания географической реальности // IX Сократические чтения. Проблемы географической реальности. — М.: Эслан, 2012. — С. 191–200.
 92. Смирнягин Л. В. Методические подходы к районированию в общественной географии // Вестник Московского университета. Серия 5. География. — 2011. — № 6. — С. 13–19.
 93. Смирнягин Л. В. Объективность района как проклятый вопрос районирования // Научные теории и географическая реальность. — Т. 4 из Сократические чтения. — М., «Эслан» 2004. — С. 104–120.

94. Смирнягин Л. В. Районирование общества: методика и алгоритмы // *Общественная география: многообразие и единство* / Под ред. И. С. Иванова, И. М. Кузина, А. С. Фетисов. — Т. 19 из Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. — Москва-Смоленск: 2011. — С. 55–82.
95. Смирнягин Л. В. Районирование общества: теория, методология, практика: на материалах США. Дисс. ... докт. геогр. наук. — М., 2005. — 296 с.
96. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А. П. Горкин. — Смоленск: Ойкумена, 2013. — 328 с.
97. Стрелецкий В. Н. Регионализм как феномен культуры // *Региональные исследования*. — 2011. — № 3. — С. 45–50.
98. Титков А. С. Социально-политическая структура пространства Европейской России начала XX века: по материалам выборов в Государственную думу 1906–1912 годов: Дисс. ... канд. геогр. наук. — М., 2008. — 301 с.
99. Толстокулаков И. А. Политическая модернизация в Республике Корея (1945–1987 гг.) // *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*. — 2005. — № 2. — С. 49–64.
100. Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI Республики. — Владивосток: ДВФУ, 2003. — 444 с.
101. Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир: развитие России глазами страноведа. — М.: Новый хронограф, 2009. — 372 с.
102. Трейвиш А. Принцип полимасштабности в географии и страноведении // *Меняющаяся география зарубежного мира* / Под ред. И. С. Иванова, И. М. Кузина, А. С. Фетисов. — Т. 17 из Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. — Москва-Смоленск: Ойкумена, 2007. — С. 50–65.
103. Туров Н. Л. «Дайте нам независимость, или дайте нам денег»: усиление влияния региональных партий в современной Европе // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2021. — Т. 65, № 6. — С. 33–41.
104. Туров Н. Л., Зиновьев А. С., Крылов И. С. Социокультурные расколы в политико-географическом пространстве Сербии // *Псковский регионологический журнал*. — 2019. — Т. 37, № 1. — С. 19–32.
105. Туровский Р. Ф. Географические закономерности электорального транзита в посткоммунистических странах // *Полития*. — 2004. — Т. 35, № 4. — С. 110–149.
106. Туровский Р. Ф. Концептуальная электоральная карта постсоветской России // *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*. — 2005. — № 4. — С. 161–202.
107. Туровский Р. Ф. Политическая география. Учебное пособие. — Москва-Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. — 381 с.
108. Туровский Р. Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа // *Вестник Московского университета. Серия*. — 1995. — Т. 12. — С. 33–44.
109. Туровский Р. Ф. Региональное измерение электорального процесса // *Общественные науки и современность*. — 2006. — № 5. — Р. 1–20.
110. Туровский Р. Ф. Электоральные геоструктуры в западных демократиях: попытка системного компаративного анализа // *Полития*. — 2004. — Т. 32, № 1. — С. 198–232.
111. Туровский Р. Ф., Сухова М. С., Синицина А. В. Эволюция латиноамериканской демократии и деконсолидации электорального пространства // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2022. — Т. 66, № 9. — С. 98–110.
112. Хамутаева С. В. Эволюция политической философии Республики Корея и

- модернизация страны // Вестник Бурятского государственного университета. Фило-
софия. — 2024. — № 1. — С. 31–36.
113. Шувалов В. Е. Районирование в российской социально-экономической гео-
графии: современное состояние и направления развития // Региональные исследова-
ния. — 2015. — № 3. — С. 19–29.
114. Шувалов В. Е. Теоретическая лимология как междисциплинарное научное
направление // Региональные исследования. — 2022. — № 3. — С. 37–43.
115. Щербак А. «Православный пояс» на электоральной карте России в 2011–
2021 годах // Социологическое обозрение. — 2023. — Т. 22, № 3. — С. 172–195.
116. Ягья В. С. Особенности политической географии развивающихся стран // Из-
вестия Академии наук СССР. Серия географическая. — 1983. — № 3. — С. 119–123.
117. Ягья В. С. Пространство в политической географии (постановка проблемы) //
Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. — 1984. —
С. 73–79.
118. A Barren Political Demography for Conservatives // Korea JoongAng Daily,
28.04.2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа:
[https://koreajoongangdaily.joins.com/news/2024-04-28/opinion/columns/A-barren-
political-demography-for-conservatives/2035448](https://koreajoongangdaily.joins.com/news/2024-04-28/opinion/columns/A-barren-political-demography-for-conservatives/2035448) (дата обращения 20.06.2025).
119. Agnew J. Mapping Politics: How Context Counts in Electoral Geography // Political
Geography. — 1996. — Vol. 15, № 2. — P. 129–146.
120. Agnew J. Place and Politics: The Geographical Mediation of State and Society. —
London: Routledge, 2014. — 266 p.
121. Ahn B. Korean Political Parties and Political Development: Crucial Elections and
the Process of Institutionalization of the Political Party System // Korea Journal. —
1978. — Vol. 18, № 1. — P. 30–41.
122. Alba R., Foner N. Strangers no More. — Princeton: Princeton University Press,
2015. — 336 p.
123. Almond G. A., Verba S. Political Culture: Political Attitudes and Democracy in Five
Nations. — Princeton: Princeton University Press, 1963. — 574 p.
124. Amir A., Rashid A. Sectarianism and Democracy: Analyzing Voter Behavior
in District Chitral, Khyber Pakhtunkhwa // Advance Social Science Archive Journal. —
2025. — Vol. 3, № 1. — P. 94–103.
125. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Na-
tionalism. — London: Verso, 2016. — 256 p.
126. Angenendt M. Non-partisan groups in German local Politics: Between Populism
and “Politics as usual”? // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. —
2015. — Т. 31, № 3. — С. 127–148.
127. Archer C. et al. Counties, States, Sections, and Parties in the 1984 Presidential Elec-
tion // The Professional Geographer. — 1985. — Vol. 37, № 3. — P. 279–287.
128. Armstrong D., Lucas J., Taylor Z. The Urban-rural Divide in Canadian Federal
Elections, 1896–2019 // Canadian Journal of Political. — 2022. — Vol. 55, № 1. — P. 84–
106.
129. Arzheimer K., Evans J. Geolocation and Voting: Candidate-voter Distance Effects
on Party Choice in the 2010 UK General Election in England // Political Geography. —
2012. — Vol. 31, № 5. — P. 301–310.
130. Aspin L., Hall W. The Friends and Neighbors Effect in Judicial Retention Elec-
tions // Western Political Quarterly. — 1987. — Vol. 40, № 4. — P. 703–715.
131. Audemard J., Gouard D. Friends, Neighbors, and Sponsors in the 2016 French

- Primary Election. Revisiting a Classical Hypothesis from Aggregated-level Data // *Political Geography*. — 2020. — Vol. 83. — P. 1–15.
132. Azabar S., Thijssen P., van Erkel P. Is There Such a Thing as a Muslim Vote? // *Electoral Studies*. — 2020. — Vol. 66. — P. 114–123.
133. Bartnicki S., Alimowski M., Górecki M. A. The Anomalous Electoral Advantage: Evidence from Over 17,000 Mayoral Candidacies in Poland // *European Journal of Political Economy*. — 2022. — Vol. 72. — P. 1–21.
134. Black E., Black M. The Wallace Vote in Alabama: A Multiple Regression Analysis // *The Journal of Politics*. — 1973. — Vol. 35, № 3. — P. 730–736.
135. Boone C. et al. Regional Cleavages in African Politics: Persistent Electoral Blocs and Territorial Oppositions // *Political Geography*. — 2022. — Vol. 99. — P. 1–24.
136. Boschma R. Proximity and Innovation: A Critical Assessment // *Regional Studies*. — 2005. — Vol. 39, № 1. — P. 61–74.
137. Bourdieu P. *The Logic of Practice*. — Stanford: Stanford University Press, 1990. — 333 p.
138. Bourdieu P. The Social Space and the Genesis of Groups // *Social Science Information*. — 1985. — Vol. 24, № 2. — P. 195–220.
139. Bowler S., Donovan T., Snipp J. Local Sources of Information and Voter Choice in State Elections: Microlevel Foundations of the «Friends and Neighbors» Effect // *American Politics Quarterly*. — 1993. — Vol. 21, № 4. — P. 473–489.
140. Brancati D. The Origins and Strengths of Regional Parties // *British journal of Political Science*. — 2008. — Vol. 38, № 1. — P. 135–159.
141. Braudel F. *History and the Social Sciences: The Long Duration* // *Political Research, Organization and Design*. — 1960. — Vol. 3, № 6. — P. 3–13.
142. Breitenstein S. et al. Unpacking the Rural-urban Divide: Identities and Stereotypes // *Electoral Studies*. — 2025. — Vol. 96. — P. 1–26.
143. Browne E., Kim S. Regionalism in South Korean National Assembly Elections: A Vote Components Analysis of Electoral Change // *Annual Meeting of the American Political Science Association, San Francisco, 2003*. — 44 p.
144. Burbank M. J. *How do Contextual Effects Work? Developing a Theoretical Model* // *Spatial and Contextual Models in Political Research* / M. Eagles. — CRC Press: Boca Raton, 1995. — P. 165–178.
145. Burn-Murdoch J. A New Global Gender Divide is Emerging // *Financial Times*, 26.06.2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ft.com/content/29fd9b5c-2f35-41bf-9d4c-994db4e12998> (дата обращения 10.06.2025).
146. Bussi M. et al. *Le Tableau Politique de la France de l'Ouest d'André Siegfried: 100 ans Après. Héritages et Postérités*. — Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2019. — 356 p.
147. Čagalj M., Vukosav B., Radoš D. Friends-and-neighbours Efekt na Parlamentarnim Izborima 2020. u Hrvatskoj // *Društvena Istraživanja: Casopis za Opća Društvena Pitanja*. — 2023. — Vol. 32, № 4. — P. 657–671.
148. Campbell A. *The American Voter*. — Chicago: University of Chicago Press, 1980. — 573 p.
149. Capecchi V., Faini G. A Classification of Italian Regions According to Electoral Behavior // *Quality and Quantity*. — 1968. — Vol. 2, № 1. — P. 116–134.
150. Central Election Opinion Survey Deliberation Committee // *National Election Commission of the Republic of Korea* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nesdc.go.kr/portal/main.do> (дата обращения: 20.06.2025).

151. Cho J., Kruszewska D. Escaping Collective Responsibility in Fluid Party Systems: Evidence from South Korea // *Electoral Studies*. — 2018. — Vol. 56. — P. 114–123.
152. Cho K. Korean Voters' Party-oriented Voting // *Korean Journal of Legislative Studies*. — 1995. — Vol. 11. — P. 156–183.
153. Cho K. Regionalism in Korean Elections and Democratization: An Empirical Analysis // *Asian Perspective*. — 1998. — Vol. 22, № 1. — P. 135–156.
154. Cho M. *Political Economy of Regional Differentiation*. — Seoul: Hanul Academy Publishing Company, 1991. — 406 p.
155. Choi E. Political Issues, Generation Gap, and Voting Behavior in South Korea: The 2010 Seoul Mayoral Election // *East Asia*. — 2013. — Vol. 30. — P. 237–254.
156. Choi S., Lee C. Environment, Policy and Electoral Participation: A Comparison of Urban and Rural Areas // *Political Participation in Korea: Democracy, Mobilization, and Stability* / C. Kim (Ed). — Santa Barbara: CLIO Books, 1980. — P. 179–204.
157. Chon S. *Political Economy of Regional Development in Korea* // *States and Developments in the Asian Pacific Rim* / R. P. Appelbaum, J. Henderson (eds.). — Newbury Park: Sage, 1992. — P. 150–175.
158. Clarke N. Locality and Localism: A View from British Human Geography // *Policy Studies*. — 2013. — Vol. 34, № 5–6. — P. 492–507.
159. Clarke N., Cochrane A. Geographies and Politics of Localism: The Localism of the United Kingdom's Coalition Government // *Political Geography*. — 2013. — № 34. — P. 10–23.
160. Clayton T. Politics and Nationalism in Scotland: A Clydeside Case Study of Identity Construction // *Political Geography*. — 2002. — Vol. 21, № 6. — P. 813–843.
161. Converse P. The Concept of a Normal Vote // *Elections and the Political Order* / A. Campbell, P. Converse, W. Miller, D. Stokes. — N.Y.: John Wiley, 1966. — P. 33–66.
162. Copus C., Wingfield M. Are Independent Councilors Really Conservatives in Disguise? // *Local Government Studies*. — 2014. — Vol. 40, № 5. — P. 647–669.
163. Cox G. *Making Votes Count: Strategic Coordination in the World's Electoral Systems*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. — 360 p.
164. Cox K. A Spatial Interactional Model for Political Geography // *East Lake Geographer*. — 1948. — Vol. 4. — P. 58–76.
165. Cox K. *Political Geography: Territory, State and Society*. — Hoboken: John Wiley & Sons, 2008. — 400 p.
166. Cox K. Suburbia and Voting Behavior in the London Metropolitan Area // *Annals of the Association of American Geographers*. — 1968. — Vol. 58, № 1. — P. 111–127.
167. Cox K. The Voting Decision in a Spatial Context // *Progress in Geography: International Reviews of Current Research*, Vol. 1. / C. Board, R. J. Charley, P. Haggett. — NY: St. Martin's, 1969. — P. 81–117.
168. Croissant A. Electoral Politics in South Korea // *Electoral Politics in Southeast and East Asia*. — 2002. — P. 321–368.
169. de Azevedo D. A. The Need for Electoral Geography: The Possibilities in the Field // *Geosp*. — 2023. — Vol. 27, № 2. — P. 1–25.
170. Dean V. Geographic Aspects of the Newfoundland Referendum // *Annals, Association of American Geographers*. — 1949. — Vol. 39. — P. 70–89.
171. Delmar S., Sajuria J. Who Cares About Local Candidates? Finding Voters That Use Candidate Localness as a Cue for Their Vote Choices // *Electoral Studies*. — 2018. — Vol. 56. — P. 170–178.
172. Democrats Regroup after Defeat, Placing Gender Equality Issues at top of Agenda //

- The Hankyoreh, 15.03.2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://english.hani.co.kr/arti/e_national/1034947.html (дата обращения 10.11.2021).
173. Downs A. *An Economic Theory of Democracy*. — NY: Harper and Row, 1957. — 310 p.
 174. Duncan C. *Ethnicity, Election and Emergency: The 1987 Fiji General Election in the Context of Contemporary Political Geography // Political Geography Quarterly*. — 1991. — Vol. 10, № 3. — P. 221–239.
 175. Duverger M. *Political Parties: Their Organization and Activity in the Modern State*. — Methuen, 1959. — 439 p.
 176. Elazar D. *American Federalism: A View from the States*. — NY: Thomas Y. Crowell Company, 1966. — 228 p.
 177. *Ending the Monopoly of Two Major Parties // Korea JoongAng Daily*, 09.04.2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2023/04/09/opinion/editorials/PPP-DP-electoral/20230409200144841.html> (дата обращения 20.06.2025).
 178. Essletzbichler J. et al. *Spatial Variation in Populist Right Voting in Austria, 2013–2017 // Political Geography*. — 2021. — Vol. 90. — P. 1–11.
 179. Evans A. *The Great Gender Divergence*. — Princeton: Princeton University Press, 2024. — 448 p.
 180. Fieldhouse E., Bailey J. *A New Electoral Map? Brexit, Realignment and the Changing Geography of Party Support in England // Political Geography*. — 2023. — Vol. 102. — P. 1–10.
 181. Fisher P. *Generational Cycles in American Politics, 1952–2016 // Society*. — 2020. — T. 57, № 1. — P. 22–29.
 182. Fisher S. *Class Contextual Effects on the Conservative Vote in 1983 // British Journal of Political Science*. — 2000. — Vol. 30, № 2. — P. 347–361.
 183. Fiva J., Halse A. *Local Favoritism in At-large Proportional Representation Systems // Journal of Public Economics*. — 2016. — Vol. 143. — P. 15–26.
 184. Forest B. *Electoral Geography: From Mapping Votes to Representing Power // Geography Compass*. — 2018. — Vol. 12, № 1. — P. 1–17.
 185. Fudge D., Armaly M. *Place or Partisanship? The Conditional Role of Identities on Candidate Support // American Politics Research*. — 2021. — Vol. 49, № 6. — P. 655–665.
 186. Furlong J. *The Changing Electoral Geography of England and Wales: Varieties of “Left-behindedness” // Political Geography*. — 2019. — Vol. 75. — P. 1–12.
 187. GADM [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gadm.org/download_country.html (дата обращения: 20.06.2025).
 188. Garand J. *Localism and Regionalism in Presidential Elections: Is There a Home State or Regional Advantage? // Western Political Quarterly*. — 1988. — Vol. 41, № 1. — P. 85–103.
 189. Gendźwiłł A. *Independent Mayors and Local Lists in Large Polish Cities: Towards a Non-partisan Model of Local Government? // Local Government Studies*. — 2012. — Vol. 38, № 4. — P. 501–518.
 190. Gimm D. *Fracturing Hegemony: Regionalism and State Rescaling in South Korea, 1961–71 // International Journal of Urban and Regional Research*. — 2013. — Vol. 37, № 4. — P. 1147–1167.
 191. Gimpel J. et al. *Distance-decay in the Political Geography of Friends-and-neighbors Voting // Political Geography*. — 2008. — Vol. 27, № 2. — P. 231–252.

192. Goffman E. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. — NY: Anchor Books, Doubleday & Co, 1961. — 386 p.
193. Golosov G. V. The effective number of parties: A new approach // *Party politics*. — 2010. — Vol. 16, № 2. — P. 171–192.
194. Goodwin M., Eric K., Larsen E. G. Asymmetric Realignment: Immigration and Right Party Voting // *Electoral Studies*. — 2022. — Vol. 80. — P. 1–7.
195. Gosnell H., Gill N. An Analysis of the 1932 Presidential Vote in Chicago // *American Political Science Review*. — 1935. — Vol. 29, № 6. — P. 967–984.
196. Gregory D. et al. *The Dictionary of Human Geography*. — Hoboken: John Wiley & Sons, 2009. — 1072 p.
197. Ha E., Lee D. Partisanship, Fiscal Transfers, and Social Spending in Korea: The Politics of Partial Decentralization // *Journal of East Asian Studies*. — 2022. — Vol. 22, № 2. — P. 171–200.
198. Hagerstrand T. *Innovation Diffusion as a Spatial Process*. — Chicago: University of Chicago Press, 1967. — 334 p.
199. Halbwachs M. *The Collective Memory*. — NY: Harper Colophon Books, 1980. — 244 p.
200. Han J. T. Sub-regionalism of Honam District After Democratization // *The Korean Journal of Humanities and the Social Sciences*. — 2013. — № 37. — P. 57–77.
201. Han S. South Korea: Politics in Transition // *Democracy in Developing Countries: Asia* / L. Diamond, J. Linz, S. M. Lipset. — Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1989. — P. 266–303.
202. Han S., Kwon H. Y. Inequality, Social Context, and Income Bias in Voting: Evidence from South Korea // *International Journal of Public Opinion Research*. — 2023. — Vol. 35, № 2. — P. 1–9.
203. Harjunen O., Saarimaa T., Tukiainen J. Love Thy (Elected) Neighbor? Residential Segregation, Political Representation, and Local Public Goods // *The Journal of Politics*. — 2023. — Vol. 85, № 3. — P. 860–875.
204. Hart J. The Highest Form of the Geographer's Art // *Annals of the Association of American Geographers*. — 1982. — Vol. 72, № 1. — P. 1–29.
205. Hartshorne R. Political Geography in the Modern World // *Journal of Conflict Resolution*. — 1960. — Vol. 4, № 1. — P. 52–66
206. Hartshorne R. The Functional Approach in Political Geography // *Annals of the Association of American Geographers*. — 1950. — Vol. 40, № 2. — P. 95–130.
207. Harvey D. W. Pattern, Process, and the Scale Problem in Geographical Research // *Transactions of the Institute of British Geographers*. — 1968. — Vol. 45. — P. 71–78.
208. Haydukiewicz L. Historical and Geographic Regionalization Versus Electoral geography // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. — 2011. — Vol. 19. — P. 98–111.
209. Heath O., Verniers G., Kumar S. Do Muslim Voters Prefer Muslim Candidates? Co-religiosity and Voting Behaviour in India // *Electoral Studies*. — 2015. — Vol. 38. — P. 10–18.
210. Heidegger M. *Being and Time: A Translation of Sein und Zeit*. — NY: SUNY Press, 1996. — 518 p.
211. Helgesen G. *Democracy and Authority in Korea: The Cultural Dimension in Korean Politics*. — Retford: Curzon, 1998. — 199 p.
212. Hellmann O. Party System Institutionalization Without Parties: Evidence from Korea // *Journal of East Asian Studies*. — 2014. — Vol. 14. — P. 53–84.
213. Henderson A. *Regional Political Cultures in Canada* // *Canadian Journal of Political*

- Science. — 2004. — Vol. 37, № 3. — P. 595–615.
214. Hijino K. Mainstream and Deviating Ideologies in Japanese Gubernatorial Elections // *International Journal of Asian Studies*. — 2024. — P. 1–17.
215. Hildreth R. *The History of the United States of America*. — NY: Harper, 1849. — 570 p.
216. Hix S., Jun H. Party Behaviour in the Parliamentary Arena: The Case of the Korean National Assembly // *Party Politics*. — 2009. — Vol. 15, № 6. — P. 667–694.
217. Hloušek V. Koncept Konfliktních Linií ve Střední a Jihovýchodní Evropě-tři Roviny Analýzy // *Středoevropské Politické Studie*. — 2002. — Vol. 4, № 2–3. — P. 1–10.
218. Hobbs S. *North Carolina, Economic and Social*. — Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1930. — 403 p.
219. Holbrook T. M. Presidential Elections in Space and Time // *American Journal of Political Science*. — 1991. — Vol. 35, № 1— P. 91–109.
220. Homogeneity Doesn't Lead to Smoothness / *The JoongAng Ilbo Daily*, 20.04.2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2022/04/20/opinion/columns/organization-homogeneity-diversity/20220420203052591.html> (дата обращения 21.04.2022).
221. Hong J., Park S. Factories for votes? How Authoritarian Leaders Gain Popular Support Using Targeted Industrial Policy // *British Journal of Political Science*. — 2016. — Vol. 46, № 3. — P. 501–527.
222. Horiuchi Y., Lee S. The Presidency, Regionalism, and Distributive Politics in South Korea // *Comparative Political Studies*. — 2008. — Vol. 41, № 6. — P. 861–882.
223. Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict, Updated Edition with a New Preface*. — Oakland: University of California Press, 2000. — 697 p.
224. Howe N., Strauss W. *Generations*. — London: Quill, 1992. — 538 p.
225. Huckfeldt R., Sprague J. *Citizens, Politics and Social Communication: Information and Influence in an Election Campaign*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1995. — 316 p.
226. Hunt C. *Home Field Advantage: Roots, Reelection, and Representation in the Modern Congress*. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 2022. — 269 p.
227. Hunt C. Won't You Be My Senator? Nuanced “Friends and Neighbors” Voting in US Senate Elections, 1968–2018 // *Electoral Studies*. — 2022. — Vol. 80. — P. 1–9.
228. Hunt C., Fontana D. Is Some Politics Still Local? Voter Preferences for Local Candidates // *Political Behavior*. — 2025. — Vol. 47, № 1. — P. 167–189.
229. Hunt C., Rouse S. Polarization and Place-Based Representation in US State Legislatures // *Legislative Studies Quarterly*. — 2024. — Vol. 49, № 2. — P. 411–424.
230. Hwang A. Voters and Parties in Local Elections: 1995–2006 // *Korea Journal*. — 2006. — Vol. 46, № 4. — P. 33–61.
231. Hwang M., Lee D. Hometown Favoritism and Political Rewards: Evidence from South Korean Municipalities // *Journal of Regional Science*. — 2025. — P. 1–16.
232. Inamete U. Politics and Governance in Trinidad and Tobago: Major Issues and Developments // *Caribbean Studies*. — 1992. — Vol. 25, № 3–4. — P. 305–324.
233. Jacobs N. *The Korean Road to Modernization and Development*. — Champaign: University of Illinois Press, 1985. — 368 p.
234. Jacobs N., Munis B. Place-based Imagery and Voter Evaluations: Experimental Evidence on the Politics of Place // *Political Research Quarterly*. — 2019. — Vol. 72, № 2. — P. 263–277.

235. Jańczak J. Phantom Borders and Electoral Behavior in Poland Historical Legacies, Political Culture and Their Influence on Contemporary Politics // *Erdkunde*. — 2015. — Vol. 125, № 2. — P. 125–137.
236. Jang E., Eom K. Is Regional Voting Still Effective? Empirical Analyses of Local Elections in Korea // *Journal of Contemporary Politics*. — 2015. — Vol. 8, № 1. — P. 161–179.
237. Jankowski M. Voting for Locals: Voters' Information Processing Strategies in Open-list PR Systems // *Electoral Studies*. — 2016. — Vol. 43. — P. 72–84.
238. Jennings M., Niemi R. The Transmission of Political Values from Parent to Child // *American Political Science Review*. — 1968. — Vol. 62, № 1. — P. 169–184.
239. Jhee B. Changing Regional Sentiment in South Korea // *The New Dynamics of Democracy in South Korea*. — London: Routledge, 2021. — P. 6–29.
240. Jhee B., Shin G. Democratization and Changing Voting Behavior: A Case Study of Korea // *Korea Observer*. — 2007. — Vol. 38, № 1. — P. 33–63.
241. Johnson N. An Analysis of the «Friends and Neighbours» Effect in an Irish Urban Constituency // *Irish Geography*. — 1989. — Vol. 22, № 2. — P. 93–105.
242. Johnston R. et al. “If You've Got Friends and Neighbours”: Constituency Voting Patterns for the UK Labour Party Leader in 2010 // *Journal of elections, public opinion and parties*. — 2016. — Vol. 26, № 1. — P. 58–77.
243. Johnston R. et al. Party Support and the Neighbourhood Effect: Spatial Polarisation of the British Electorate, 1991–2001 // *Political Geography*. — 2004. — Vol. 23, № 4. — P. 367–402.
244. Johnston R. Manipulating Maps and Winning Elections: Measuring the Impact of Malapportionment and Gerrymandering // *Political geography*. — 2002. — Vol. 21, № 1. — P. 1–31.
245. Johnston R. Out of the “Moribund Backwater”: Territory and Territoriality in Political Geography // *Political Geography*. — 2001. — Vol. 20, № 6. — P. 677–693.
246. Johnston R. The Changing Geography of Voting in the United States: 1946–1980 // *Transactions of the Institute of British Geographers*. — 1982. — Vol. 7, № 2. — P. 187–204.
247. Johnston R., Forrest J. Spatial-structural Effects and the Geography of Voting in Australia, 1977 // *Australian Geographer*. — 1985. — Vol. 16, № 4. — P. 286–290.
248. Johnston R., O'Neill A., Taylor P. The Geography of Party Support: Comparative Studies in Electoral Stability // *The Logic of Multiparty Systems* / M. J. Holler. — Dordrecht: Springer Netherlands, 1987. — P. 265–279.
249. Johnston R., O'Neill A., Taylor P. The Changing Electoral Geography of the Netherlands: 1946–1981 // *Tijdschrift Voor Economische en Sociale Geografie*. — 1983. — Vol. 74, № 3. — P. 185–195.
250. Johnston R., Shelley F., Taylor P. *Developments in Electoral Geography*. — London: Routledge, 2014. — 292 p.
251. Jung H. A Different Choice, a Different Outcome: Budgetary Effects of a Conservative Legislator in Liberal Local Regions of South Korea // *Japanese Journal of Political Science*. — 2021. — Vol. 22, № 2. — P. 72–95.
252. Jung H. Bureaucrats and Budgets in South Korea: Evidence for Hometown Favoritism // *Journal of East Asian Studies*. — 2023. — Vol. 23, № 2. — P. 205–239.
253. Jung H. *Flowers of Fire: The Inside Story of South Korea's Feminist Movement and What it Means for Women's Rights*. — Dallas: BenBella Books, 2023. — 304 p.
254. Kalipeni E. Regional Polarisation in Voting Pattern: Malawi's 1994 Elections //

- African Journal of Political Science. — 1997. — P. 152–167.
255. Kalyvas S. The rise of Christian Democracy in Europe. — Ithaca: Cornell University Press, 2018. — 344 p.
 256. Kang D. Bad Loans to Good Friends: Money Politics and the Developmental State in South Korea // International Organization. — 2002. — Vol. 56, № 1. — P. 177–207.
 257. Kang W. Electoral Cycles in Pork Barrel Politics: Evidence from South Korea 1989–2008 // Electoral Studies. — 2015. — Vol. 38. — P. 46–58.
 258. Kang W. Local Economic Voting and Residence-based Regionalism in South Korea: Evidence from the 2007 Presidential Election // Journal of East Asian Studies. — 2016. — Vol. 16, № 3. — P. 349–369.
 259. Kang W. Regional Party System, Causal Attribution, and Economic Voting in New Democracies: The Case of the 2007 Korean Presidential Election // International Political Science Review. — 2013. — Vol. 34, № 2. — P. 173–190.
 260. Kang W. The Rise of a Third Party in South Korea: The Unification National Party in the 1992 National Assembly Election // Electoral Studies. — 1998. — Vol. 17, № 1. — P. 95–110.
 261. Kang W., Bae J. Regionalism and Party System Change at the Sub-national Level: The 2016 Korean National Assembly Election // Journal of International and Area Studies. — 2018. — Vol. 25, № 1. — P. 93–112.
 262. Kang W., Jaung H. The 1997 Presidential Election in South Korea // Electoral Studies. — 1999. — Vol. 18, № 4. — P. 599–608.
 263. Kang W., Park W., Song B. The Effect of Incumbency in National and Local Elections: Evidence from Korea // Electoral Studies. — 2018. — Vol. 56. — P. 47–60.
 264. Kavetsky I., Kavetska T. Spatial Patterns of Electoral Support in the 2023 General Election in Poland // Horyzonty Polityki. — 2024. — Vol. 15, № 52. — P. 217–237.
 265. Key V. Southern Politics in State and Nation. — NY: AA Knopf, 1949. — 510 p.
 266. Key V. The Responsible Electorate: Rationality in Presidential Voting 1936–1960. — Cambridge: Harvard University Press, 1966. — 158 p.
 267. Kim B. Parties, Elections, and the Party System // International Conference at Imin Institute, Korea University. — 1996. — 16 p.
 268. Kim C. Political Participation and Mobilized Voting. — Iowa City: Comparative Legislative Research Center, University of Iowa, 1976. — 188 p.
 269. Kim E., Kihl Y., Chung D. Voter Turnout and the Meaning of Elections in South Korea // Asian Survey. — 1973. — Vol. 13, № 11. — P. 1062–1074.
 270. Kim H. Changes in Ideological Terrain and Political Consciousness in South Korea // Korea Journal. — 2005. — Vol. 45, № 3. — P. 117–136.
 271. Kim H. Rational Choice Theory and Third World Politics: The 1990 Party Merger in Korea // Comparative Politics. — 1997. — Vol. 30, № 1. — P. 83–100.
 272. Kim H. The 1988 Parliamentary Election in South Korea // Asian Survey. — 1989. — Vol. 29, № 5. — P. 480–495.
 273. Kim H. The Impact of Economic Development on an Inter-Urban Hierarchy and its Implicit Influence on a National Political Integration with Reference to the Case of Korea // Journal of Korea Planning Association. — 1974. — Vol. 9, № 2. — P. 91–116.
 274. Kim H., Choe S. Urbanization and Changing Voting Patterns in South Korean Parliamentary Elections // Journal of Northeast Asian Studies. — 1987. — Vol. 6, № 3. — P. 31–50.
 275. Kim H., Choi J., Cho J. Changing Cleavage Structure in New Democracies: An Empirical Analysis of Political Cleavages in Korea // Electoral Studies. — 2008. — Vol. 27,

- № 1. — P. 136–150.
276. Kim H., Lee D., Park S. Budget Committee and Intergovernmental Transfer: Evidence from South Korea // *Economic Inquiry*. — 2020. — Vol. 58, № 4. — P. 1894–1906.
277. Kim J., Koh B. Electoral Behavior and Social Development in South Korea: An Aggregate Data Analysis of Presidential Elections // *The Journal of Politics*. — 1972. — Vol. 34, № 3. — P. 825–859.
278. Kim J., Koh B. The Dynamics of Electoral Politics: Social Development, Political Participation, and Manipulation of Electoral Laws // *Political Participation in Korea: Democracy, Mobilization, and Stability* / C. Kim (Ed). — Santa Barbara: CLIO Books, 1980. — P. 59–84.
279. Kim P., Vogel E. The Park Chung Hee Era: The Transformation of South Korea. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011. — 744 p.
280. Kim S. et al. Korea's Democratization. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 292 p.
281. Kim S. The Formation of Civil Society and the Rise of Regionalism in Korea // *Korea Journal*. — 1988. — Vol. 28, № 6. — P. 24–34.
282. Kim W. Presidents and the Conditional Core-swing Targeting of the National Subsidy in South Korea, 1989–2018 // *Journal of East Asian Studies*. — 2021. — Vol. 21, № 3. — P. 477–497.
283. Kim W. Regionalism: Its Origins and Substance with Competition and Exclusion // *Korea Journal*. — 2003. — Vol. 43, № 2. — P. 5–31.
284. Kim W. The Evolution of Regional Economic Disparities in Korea // *Korea Journal*. — 2003. — Vol. 43, № 2. — P. 55–80.
285. Kim Y. Evolution of Political Parties and the Party System in South Korea // *Routledge Handbook of Contemporary South Korea* / S. Lim, N. J. P. Alford (Eds). — London: Routledge, 2021. — P. 61–78.
286. Kim Y. The 2012 Parliamentary and Presidential Elections in South Korea // *Electoral Studies*. — 2014. — Vol. 34, № 4. — P. 326–330.
287. Kitschelt H. et al. The Transformation of European Social Democracy. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — 368 p.
288. KOSIS KOREAN Statistical Information Service [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kosis.kr/eng/> (дата обращения: 20.06.2025).
289. Kovarek D. Distributive Politics as Behavioral Localism: Evidence from a Vignette Experiment in Hungary // *Research & Politics*. — 2022. — Vol. 9, № 3. — P. 1–7.
290. Krehiel E. Geographic Influences in British Elections // *Geographical Review*. — 1916. — Vol. 2, № 6. — P. 419–432.
291. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. — Chicago: University of Chicago press, 1997. — 212 p.
292. Kwon H. A Dynamic Analysis of Partisan Voting: The Issue Salience Effect of Unemployment in South Korea // *Electoral Studies*. — 2008. — Vol. 27, № 3. — P. 518–532.
293. Kwon H. Economic perceptions and electoral choice in South Korea: The case of the 2007 presidential election // *The Pacific Review*. — 2010. — Vol. 23, № 2. — P. 183–201.
294. Kwon K. Regionalism in South Korea: Its Origins and Role in her Democratization // *Politics & Society*. — 2004. — Vol. 32, № 4. — P. 545–574.
295. Lacking Real Guiding Philosophies, Korean Politics Has Descended into Hollow Factionalism / *The Hankyoreh*, 15.10.2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/1112104.html (дата обращения 18.10.2023).

296. Lago I., Martínez F. Why New Parties? // Party Politics. — 2011. — Vol. 17, № 1. — P. 3–20.
297. Lam N. S. N., Quattrochi D. A. On the Issues of Scale, Resolution, and Fractal Analysis in the Mapping Sciences // The Professional Geographer. — 1992. — Vol. 44, № 1. — P. 88–98.
298. Lankov A. Korean Studies in the Russia of the Soviet Period // Journal of Contemporary Korean Studies. — 2014. — Vol. 1, № 1. — P. 21–48.
299. Laponce J. Assessing the Neighbour Effect on the Vote of Francophone Minorities in Canada // Political Geography Quarterly. — 1987. — Vol. 6, № 1. — P. 77–87.
300. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H., The People's Choice. — NY: Columbia University Press, 1944. — 178 p.
301. Lee D., Brunn S. Politics and Regions in Korea: An Analysis of the recent Presidential Election // Political Geography. — 1996. — Vol. 15, № 1. — P. 99–119.
302. Lee H. Economic Voting in Korea: Analysis of the 15th Presidential Election // Korea Observer. — 1998. — Vol. 29, № 4. — P. 635–662.
303. Lee H., Repkine A. A Spatial Analysis of the Voting Patterns in the South Korean General Elections of 2016 // Social Sciences. — 2022. — Vol. 11, № 9. — 389–412.
304. Lee H., Repkine A. Changes in and Continuity of Regionalism in South Korea: a spatial analysis of the 2017 presidential election // Asian Survey. — 2020. — Vol. 60, № 3. — P. 417–440.
305. Lee H., Repkine A. Do Political Parties Represent Voters' Preference? A Clustering Analysis of Korea's Local Election of 2018 // Philippine Political Science Journal. — 2023. — Vol. 44, № 2. — P. 121–151.
306. Lee H., Repkine A. Ideological Polarization and Income Inequality in the Korean Regions // Korea Journal. — 2023. — Vol. 63, № 1. — P. 118–149.
307. Lee J. Economic Voting in Korean National Assembly Elections // Korea Observer. — 2003. — Vol. 34, № 4. — P. 667–690.
308. Lee J. The Instability of Korean Political Parties: Cue-givers and Cue-chasing Politicians // Japanese Journal of Political Science. — 2014. — Vol. 15, № 1. — P. 113–130.
309. Lee J., Hwang W. Weather, Voter Turnout and Partisan Effects in Korea, 1995–1999 // Asian Journal of Social Science. — 2017. — Vol. 45. — № 4–5. — P. 507–528.
310. Lee J., Leem K. The 2004 National Assembly Election: A critical election? // Journal of Korean Politics. — 2004. — Vol. 13. — P. 117–141.
311. Lee S. Economic Voting and Regionalism in South Korea: A Statistical Analysis of the 2007 Presidential Election: PhD thesis. — Durham: Duke University, 2011. — 71 p.
312. Leib J., Quinton N. On the Shores of the “Moribund Backwater”? Trends in Electoral Geography Research Since 1990 // Revitalizing Electoral Geography. — London: Routledge, 2016. — P. 9–27.
313. Lewis-Beck M. S., Rice T. W. Localism in Presidential Elections: The Home State Advantage // American Journal of Political Science. — 1983. — Vol. 27, № 3. — P. 548–556.
314. Libby O. G., The Geographical Distribution of the Vote of the Thirteen States on the Federal Constitution 1787–1788. — Madison: University of Wisconsin Bulletin, 1894, — 116 p.
315. Lieske J. American State Cultures: Testing a New Measure and Theory // Publius: The Journal of Federalism. — 2012. — Vol. 42, № 1. — P. 108–133.
316. Lijphart A. The Cleavage Model and Electoral Geography: A Review // Developments in Electoral Geography / R. Johnston, F. Shelley, P. Taylor (eds). — London:

- Routledge, 1990. — P. 143–150.
317. Lipset S. M., Rokkan S. *Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction*. — NY: Free Press, 1967. — 554 p.
 318. Macfarlane E. Like Parent, Like Child: The Impact of Parental Socialisation on Class Identity and Partisanship // *Electoral Studies*. — 2022. — Vol. 79. — P. 1–11.
 319. MacManus S. A., Bullock III C. S. The Form, Structure, and Composition of America's Municipalities in the New Millennium // *Municipal Yearbook 2003*. — 2003. — Vol. 70. — P. 3–18.
 320. Malmberg T. *Human Territoriality. Its Theory and History*. — 1988. — Vol. 64, № 2. — P. 194–196.
 321. Mannheim K. The Problem of Generations // *Essays on the Sociology of Knowledge: Collected Works, Volume 5* / Kecskemeti P. (ed.). — NY: Routledge, 1952. — P. 276–322.
 322. Martis K. C. Sectionalism and the United States Congress // *Political Geography Quarterly*. — 1988. — Vol. 7, № 2. — P. 99–109.
 323. Maškarinec P. et al. Transformation of District-Level Competition in Mongolian Elections, 1992–2020: Towards Territorial Homogenization (Nationalization) of Voter Behaviour? // *Politické vedy*. — 2022. — Vol. 25, № 4. — P. 109–141.
 324. Mayer N. The Impact of Gender on Votes for the Populist Radical Rights: Marine Le Pen vs. Eric Zemmour // *Modern & Contemporary France*. — 2022. — Vol. 30, № 4. — P. 445–460.
 325. McCarthy H. H., Hook J. C., Knos D. S. *The Measurement of Association in Industrial Geography*. — Iowa City: University of Iowa Press, 1956. — 143 p.
 326. McGrane D., Berdahl L. “Small Worlds” No More: Reconsidering Provincial Political Cultures in Canada // *Regional & Federal Studies*. — 2013. — Vol. 23, № 4. — P. 479–493.
 327. McPhail I. R. Recent Trends in Electoral Geography // *Proceedings, Sixth New Zealand Geography Conference*. — 1971. — P. 7–12.
 328. McPhail I. R. The Spatial Approach to Electoral Analysis // *Politics*. — 1974. — Vol. 9, № 2. — P. 189–194.
 329. McPhail I. R. The Vote for Mayor of Los Angeles in 1969 // *Annals of the Association of American Geographers*. — 1971. — Vol. 61, № 4. — P. 744–758.
 330. Meet the Incels and Anti-feminists of Asia // *The Economist*, 27.04.2024. <https://www.economist.com/asia/2024/06/27/meet-the-incels-and-anti-feminists-of-asia> (дата обращения 05.07.2024).
 331. Miller D. L., Silver D. Cultural Scenes and Contextual Effects on Political Attitudes // *European Journal of Cultural and Political Sociology*. — 2015. — Vol. 2, № 3–4. — P. 241–266.
 332. Miller W. L. *Electoral Dynamics in Britain Since 1918*. — London: Palgrave Macmillan, 1977. — 256 p.
 333. Mixon F. G., King E. W., Lawing M. L. Modeling the Impact of Localism in US Presidential Elections // *Journal of Public Finance and Public Choice*. — 2008. — Vol. 26, № 1. — P. 3–18.
 334. Mo J., Brady D., Ro J. Urbanization and voter turnout in Korea: An update // *Political Behavior*. — 1991. — Vol. 13. — P. 21–32.
 335. Moberand E. *Top-down Democracy in South Korea*. — Seattle: University of Washington Press, 2019. — 216 p.
 336. Moon W. *Decomposition of Regional Voting in South Korea: Ideological Conflicts*

- and Regional Interests // Party Politics. — 2005. — Vol. 11, № 5. — P. 579–599.
337. Morriss P. Electoral Politics in South Korea // Electoral Studies. — 1996. — Vol. 15, № 4. — P. 550–562.
338. Munis B. K. Us over Here Versus Them over There... Literally: Measuring Place Resentment in American Politics // Political Behavior. — 2020. — Vol. 44, № 3. — P. 1057–1078.
339. Munis B. K., Burke R. Talk Local to Me: Assessing the Heterogenous Effects of Localistic Appeals // American Politics Research. — 2023. — Vol. 51, № 5. — P. 655–669.
340. National Election Commission of the Republic of Korea [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://info.nec.go.kr/> (дата обращения: 20.06.2025).
341. Newcomb T. Persistence and Change: Bennington College and Its Students After Twenty-five Years. — Hoboken: Wiley, 1967. — 292 p.
342. Newman D. Voting Patterns and the Religious Parties in Israel // Contemporary Jewry. — 1969. — Vol. 10, № 2. — P. 65–80.
343. Nora P. Realms of Memory: Rethinking the French Past. — NY: Columbia University Press, 1996. — 642 p.
344. Nuna S. C. Spatial Fragmentation of Political Behaviour in India: A Geographical Perspective on Parliamentary Elections. — Delhi: Concept Publishing Company, 1989. — 228 p.
345. Nyholt N. Why Do Voters Prefer Local Candidates? Evidence from a Danish Conjoint Survey Experiment // Political Behavior. — 2024. — Vol. 46. — P. 1–20.
346. Ok H. Marxism and the Left-Right Division in South Korea // Class, Race and Corporate Power. — 2024. — Vol. 12, № 1. — P. 1–7.
347. O'Loughlin J. Spatial Analysis in Political Geography // A Companion to Political Geography / J. A. Agnew, K. Mitchell, G. Toal. — Hoboken: Wiley-Blackwell, 2003. — P. 30–46.
348. Once his Strongest Supporters, Younger Koreans Have Soured on Yoon // The Hankyoreh, 04.05.2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/1090573.html (дата обращения 30.05.2023).
349. Openminjoo Party and Democratic Party to Merge Before Election / The JoongAng Ilbo Daily, 26.12.2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2021/12/26/national/politics/Democratic-Party-Openminjoo-Party-heads/20211226174624695.html> (дата обращения 06.01.2022).
350. Ou Y. et al. Delineating Functional Regions from Road Networks: The Case of South Korea // Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science. — 2023. — Vol. 50, № 6. — P. 1677–1694.
351. Paasi A. The Institutionalization of Regions: A Theoretical Framework for Understanding the Emergence of Regions and the Constitution of Regional Identity // Fennia. — 1986. — Vol. 164, № 1. — P. 105–146.
352. Page D., Paulin T. Revisiting the Lavender Vote // Electoral Studies. — 2022. — Vol. 80. — P. 1–6.
353. Panagopoulos C., Leighley J. E., Hamel B. T. Are Voters Mobilized by a “Friend-and-Neighbor” on the Ballot? Evidence from a Field Experiment // Political Behavior. — 2017. — Vol. 39, № 4. — P. 865–882.
354. Panov P., Ross C. Geographic Factors of Voting in Russian Regions: Direct and Contextual Effects // Regional Research of Russia. — 2024. — Vol. 14, № 3. — P. 468–477.

355. Park B. Territorialized Party Politics and the Politics of Local Economic Development: State-led Industrialization and Political Regionalism in South Korea // *Political Geography*. — 2003. — Vol. 22, № 8. — P. 811–839.
356. Park J. The Conservatization of the 386 Generation: Cohort Effects in Voting Behavior of a Political Generation in South Korea. — Durham: Sanford School of Public Policy, Duke University, 2011. — 63 p.
357. Park K. On the Significance of the 1967 Elections // *Korea Journal*. — 1967. — Vol. 7, № 4. — P. 4–8.
358. Park M. Sub-national Sources of Multipartism in Parliamentary Elections: Evidence from Korea // *Party Politics*. — 2003. — Vol. 9, № 4. — P. 503–522.
359. Parker A. J. The “Friends and Neighbours” Voting Effect in the Galway West Constituency // *Political Geography Quarterly*. — 1982. — Vol. 1, № 3. — P. 243–262.
360. Pattie C., Johnston R. “People who Talk Together Vote Together”: An Exploration of Contextual Effects in Great Britain // *Annals of the Association of American Geographers*. — 2000. — Vol. 90, № 1. — P. 41–66.
361. Pattie C., Johnston R. Still Talking, But Is Anyone Listening? The Changing Face of Constituency Campaigning in Britain, 1997–2005 // *Party Politics*. — 2009. — Vol. 15, № 4. — P. 411–434.
362. Paullin C. O. Atlas of the Historical Geography of the United States. — Baltimore: American Geographical Society of New York, 1932. — 304 p.
363. Pileček R. The Influence of Mayors as Candidates in the 2017 Parliamentary Elections on Voter Decision-making in Czechia // *AUC Geographica*. — 2021. — Vol. 56, № 2. — P. 234–247.
364. Pinder W. Kunstgeschichte nach Generationen. Zwischen Philosophie und Kunst // *Art History Beyond Generations. Between Philosophy and Art*. — Leipzig: Verlag von Eduard Pfeiffer, 1926. — 155 p.
365. Pomper G. Classification of Presidential Elections // *J. Politics*. — 1967. — Vol. 29, № 3. — P. 535–566.
366. Potoski M. “Friends and Neighbors Voting” in Gubernatorial and Senatorial Primaries // *Southeastern Political Review*. — 1994. — Vol. 22, № 3. — P. 543–548.
367. Pred A. Place as Historically Contingent Process: Structuration and the Time-geography of Becoming Places // *Annals of the Association of American Geographers*. — 1984. — Vol. 74, № 2. — P. 279–297.
368. Prescott J. Electoral Studies in Political Geography // *The Structure of Political Geography*. — London: Routledge, 2017. — P. 376–383.
369. Prescott J. *Political Geography*. — London: Palgrave Macmillan, 1972. — 124 p.
370. Prescott J. The Function and Methods of Electoral Geography // *Annals of the Association of American Geographers*. — 1959. — Vol. 49, № 3. — P. 296–304.
371. Przeworski A., Sprague J. *Paper Stones: A History of Electoral Socialism*. — 1988. — 236 p.
372. Put G. J. Is There a Friends-and-neighbors Effect for Party Leaders? // *Electoral Studies*. — 2021. — Vol. 71. — P. 7–23.
373. Putnam R. D. Political Attitudes and the Local Community // *American Political Science Review*. — 1966. — Vol. 60, № 3. — P. 640–654.
374. Reframing South Korea’s History: Yoon’s Dance with the New Right // *KoreaPro*, 18.09.2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://koreapro.org/2023/08/reframing-south-koreas-history-yoons-dance-with-the-new-right/> (дата обращения 08.04.2024).

375. Reiser M., Holtmann E. (ed.). *Farewell to the Party Model?: Independent Local Lists in East and West European Countries*. — Wiesbaden: Springer Science & Business Media, 2008. — 290 p.
376. Reynolds D., Archer J. *An Inquiry into the Spatial Basis of Electoral Geography*. — Iowa City: Department of Geography, University of Iowa, 1969. — 41 p.
377. Rezaee M. et al. Exploring Spatial Analysis of the Voting Patterns in the Afghanistan President Elections of 2019 // *GeoJournal*. — 2024. — Vol. 89, № 4. — P. 146–164.
378. Rich T. S. Explaining the Success of the People’s Party: An Analysis of South Korea’s 2016 Legislative Elections // *Asian Politics & Policy*. — 2019. — Vol. 11, № 1. — P. 27–42.
379. Rich T. S. Institutional Variation and the Effects on District Competition: The Case of South Korea // *Representation*. — 2011. — Vol. 47, № 4. — P. 457–470.
380. Rich T. S. The Timing of Split-ticket Voting Decisions in Mixed Systems: Evidence from South Korea // *Asian Journal of Political Science*. — 2012. — Vol. 20, № 2. — P. 203–220.
381. Roberts M. C., Ramage K. W. The Spatial Variations in Urban Left-wing Voting in England and Wales in 1951 // *Annals of the Association of American Geographers*. — 1965. — Vol. 55, № 1. — P. 161–176.
382. Roh J. The Incumbency Disadvantage in South Korean National Assembly Elections: Evidence from a Regression Discontinuity Approach // *Electoral Studies*. — 2017. — Vol. 46. — P. 112–122.
383. Sajuria J. Is the “Local Candidate” Advantage a Myth? Analysing the Effects of Localism in the 2015 UK General Election // *Working Paper EPOP Conference*. — 2016. — 34 p.
384. Salmenkari T. Geography of Protest: Places of Demonstration in Buenos Aires and Seoul // *Urban Geography*. — 2009. — Vol. 30, № 3. — P. 239–260.
385. Saporito S., Maliniak D. Using the Areal Unit Segregation Measure to Identify Racially “Packed” and “Cracked” Legislative Districts // *Electoral Studies*. — 2022. — Vol. 80. — P. 1–13.
386. Sauer C. Geography and the Gerrymander // *American Political Science Review*. — 1918. — Vol. 12, № 3. — P. 403–426.
387. Schulte-Cloos J., Bauer P. C. Local Candidates, Place-based Identities, and Electoral Success // *Political Behavior*. — 2023. — Vol. 45, № 2. — P. 679–698.
388. Schulten S. *Mapping the Nation: History and Cartography in Nineteenth-century America*. — Chicago: University of Chicago Press, 2012. — 246 p.
389. Scott J. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. — New Haven: Yale University Press, 1999. — 464 p.
390. Segal D. R., Meyer M. W. The social context of political partisanship // *Social ecology*. — 1974. — Vol. 14, № 3. — P. 217–232.
391. Sendra J. B. Procesos de Contagio Espacial en el Comportamiento electoral! De la Población Española (1977–1979) // *Anales de Geografía de la Universidad Complutense*. — Servicio de Publicaciones, 1981. — № 1. — P. 97–115.
392. Serra L. The Impact of Party Appeals on Age Differences in Voting // *Electoral Studies*. — 2025. — Vol. 96. — P. 1–14.
393. Shelley F. M., Archer J. C., White E. R. Rednecks and Quiche Eaters: A Cartographic Analysis of Recent Third-party Electoral Campaigns // *Journal of Geography*. — 1984. — Vol. 83, № 1. — P. 7–12.
394. Shelley F., Archer C. *Sectionalism and Presidential Politics: Voting Patterns*

- in Illinois, Indiana, and Ohio // *J. Interdisciplinary History*. — 1989. — Vol. 20, № 2. — P. 227–255.
395. Shelley F., Archer C., Davidson F. et al. *Political Geography of the United States*. — NY: The Guilford Press, 1996. — 364 p.
396. Shin E. *Electron Democracy, Populism, and Generational Politics: The Case of the April 15, 2004 General Election in South Korea* // *East Asia*. — 2005. — Vol. 22, № 1. — P. 51–81.
397. Shin M. *Electoral Geography in the Twenty-first Century* // *The Wiley Blackwell Companion to Political Geography* / J. Agnew, V. Mamadouh, A. J. Secor, J. Sharp (eds). — 2015. — P. 279–296.
398. Siegfried A. *Tableau Politique de la France de L'ouest Sous la Troisième République*. — Paris: A. Colin, 1913. — 536 p.
399. Simeon R. *Regionalism and Canadian Political Institutions* // *Queen's Quarterly*. — 1975. — Vol. 82, № 4. — P. 499–511.
400. Simeon R., Elkins D. J. *Regional Political Cultures in Canada* // *Canadian Journal of Political Science*. — 1974. — Vol. 7, № 3. — P. 397–437.
401. Šimon M. *Measuring Phantom Borders: The Case of Czech/Czechoslovakian Electoral Geography* // *Erdkunde*. — 2015. — Vol. 69, № 2. — P. 139–150.
402. Smith E. et al. *Essays in the Constitutional History of the United States in the Formative Period, 1775–1789*. — Boston: HMH, 1889. — 321 p.
403. Smith H., Hart J. F. *The American Tariff Map* // *Geographical Review*. — 1955. — Vol. 45, № 3. — P. 327–346.
404. Sonn H. *Regional Cleavage in Korean Politics and Elections* // *Korea Journal*. — 2003. — Vol. 43, № 2. — P. 32–54.
405. Steinberg D. *Korea: Triumph Amid Turmoil* // *Journal of Democracy*. — 1998. — Vol. 9, № 2. — P. 76–90.
406. Stockemer D., Sundstrom A. *The Gender Gap in Voter Turnout: An Artefact of Men's Over-reporting in Survey Research?* // *The British Journal of Politics and International Relations*. — 2021. — Vol. 25, № 1. — P. 21–41.
407. Stockton H., Heo U. *The Changing Dynamics of Regionalism in South Korea's Elections* // *Global Economic Review*. — 2004. — Vol. 33, № 3. — P. 1–22.
408. Stokes D. E. *Spatial Models of Party Competition* // *American Political Science Review*. — 1963. — Vol. 57, № 2. — P. 368–377.
409. Stone K. H. *A Geographer's Strength: The Multiple-scale Approach* // *Journal of Geography*. — 1972. — Vol. 71, № 6. — P. 354–362.
410. Swauger J. *Regionalism in the 1976 Presidential Election* // *Geographical Review*. — 1980. — Vol. 70, № 2. — P. 157–166.
411. Tatalovich R. *"Friends and Neighbors" Voting: Mississippi, 1943-73* // *The Journal of Politics*. — 1975. — Vol. 37, № 3. — P. 807–814.
412. Tavits M. *Effect of Local Ties on Electoral Success and Parliamentary Behaviour: The Case of Estonia* // *Party Politics*. — 2010. — Vol. 16, № 2. — P. 215–235.
413. Taylor P. *Political Geography* // *Progress in Human Geography*. — 1978. — Vol. 2, № 1. — P. 153–162.
414. Taylor P., Johnston R. *Geography of Elections*. — Harmondsworth: Penguin, 1979. — 530 p.
415. Taylor P. *Some Implications of the Spatial Organization of Elections* // *Transactions of the Institute of British Geographers*. — 1973. — № 60. — P. 121–136.
416. Temple L. *Reckoning with the Digital Turn in Electoral Geography* // *Progress*

- in Human Geography. — 2023. — Vol.47, № 4. — P. 555–574.
417. Thawnghmung A. The Myanmar Elections 2015: Why the National League for Democracy Won a Landslide Victory // *Critical Asian Studies*. — 2016. — Vol. 48, № 1. — P. 132–142.
418. The Day Before the Revolution / *The JoongAng Ilbo Daily*, 20.04.2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2022/04/20/opinion/columns/Korea-April-19-revolution/20220420202832631.html> (дата обращения 21.04.2022).
419. The Enduring Struggle Between Establishment and Reformist Conservatives in S. Korea / *Hankyoreh*, 06.12.2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/1022188.html (дата обращения 07.12.2021).
420. Thielemann G. S. Local Advantage in Campaign Financing: Friends, Neighbors, and Their Money in Texas Supreme Court Elections // *The Journal of Politics*. — 1993. — Vol. 55, № 2. — P. 472–478.
421. Thrift N. On the Determination of Social Action in Space and Time // *Environment and Planning D: Society and Space*. — 1983. — Vol. 1, № 1. — P. 23–57.
422. Tingsten H. *Political Behavior: Studies in Election Statistics*. — London: P. S. King and Son, 1937. — 231 p.
423. Tobler W. R. A Computer Movie Simulating Urban Growth in the Detroit Region // *Economic geography*. — 1970. — Vol 46, № 1. — P. 234–240.
424. Torre A. On the Role Played by Temporary Geographical Proximity in Knowledge Transmission // *Regional Studies*. — 2008. — Vol. 42, № 6. — P. 869–889.
425. Turner F. Geographic Sectionalism in American History // *Annals of the Association of American Geographers*. — 1926. — Vol. 16, № 2. — P. 85–93.
426. Turner F. Geographical Influences in American Political History // *Bulletin of the American Geographical Society*. — 1914. — Vol. 46, № 8. — P. 591–595.
427. Turner F. Is Sectionalism in America Dying Away? // *American Journal of Sociology*. — 1908. — Vol. 13, № 5. — P. 661–675.
428. Vampa D. Between Regional Cores and Provinces: The Electoral Bases of Political Party Support in Italy and Spain // *South European Society and Politics*. — 2024. — Vol. 29, № 2. — P. 211–241.
429. Vampa D. Declining Partisan Representation at the Sub-national Level: Assessing and Explaining the Strengthening of Local Lists in Italian Municipalities (1995–2014) // *Local Government Studies*. — 2016. — Vol. 42, № 4. — P. 579–597.
430. Van Oosten S. et al. What Explains Voting for DENK: Issues, Discrimination or In-group Favouritism? // *Representation*. — 2024. — Vol. 60, № 4. — P. 601–623.
431. Van Oosten S. What Shapes Voter Expectations of Muslim Politicians' Views on Homosexuality: Stereotyping or Projection? // *Electoral Studies*. — 2022. — Vol. 80. — P. 1–11.
432. Van Wingen J. R. Localism, Factional Fluidity, and Factionalism: Louisiana and Mississippi Gubernatorial Contests // *Social Science History*. — 1984. — Vol. 8, № 1. — P. 3–41.
433. Van Wingen J. R., Parker J. B. Measuring Friends-and-Neighbors Voting // *American Politics Quarterly*. — 1979. — Vol. 7, № 3. — P. 367–383.
434. Vidal de la Blache P. Tableau Politique de la France de l'Ouest // *Annales de Géographie. Persée-Portail des Revues Scientifiques en SHS*. — 1914. — Vol. 23, № 129. — P. 261–264.

435. Villodres C. O., Trujillo J. M. El Efecto “Amigos y Vecinos” Sobre la Conducta Electoral. Un Estudio de los Comicios Locales de 2011 en Andalucía // RES. Revista Española de Sociología. — 2013. — № 19. — P. 93–115.
436. Vinen R. The Long'68: Radical Protest and Its Enemies. — London: Pelican, 2018. — 300 p.
437. Walker S., Kang K. T. The Presidential Election in South Korea, December 2002 // Electoral Studies. — 2004. — Vol. 4, № 23. — P. 840–845.
438. Wang Y. T., Kitschelt H. A Case Study of Parties' Programmatic and Clientelistic Electoral Appeals in South Korea // Research and Dialogue on Programmatic Parties and Party Systems: Case Study Reports / H. Kitschelt. — Durham: Duke University, 2012. — P. 158–191.
439. Ward P., Denney S. Partisan voters in party systems with ephemeral parties: Evidence from South Korea // Party Politics. — 2025. — P. 1–15.
440. Warf B., Leib J. Revitalizing Electoral Geography. — Farnham: Ashgate Publishing, 2011. — 256 p.
441. Watrel R. H., Foubert E. H. Presidential Voting Regions of the Northern Great Plains: No Need for an East Dakota and West Dakota // Great Plains Research. — 2000. — Vol. 10, № 1 — P. 189–213.
442. Weng L. C. D. Contextual Effects on Individual Voting Behavior: The Case of Taiwan // Asian Journal of Political Science. — 2015. — Vol. 23, № 3. — P. 321–345.
443. Why are British Indian Voters Abandoning Labour? Devesh Kapur / The Guardian [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/nov/18/british-indian-voters-labour-diaspora-political?utm_source=ctw&utm_medium=email&utm_campaign=buttonlink&mkt_tok=MDk1LVBQVi04MTMAAAGA1FyzF6IYELRwoD-Mulod5Ph_dwRryV0bZwo-w_dD-wFmwO6ViXxEvE4ZDXgiHCJu2CwkUUqPDvINe5GJnE9x4FC8PmhkqSjL7Lgs11ZUjgHKfQ (дата обращения 19.11.2021).
444. Why Does Korea Have Such a Deep Political Divide? / The Korea Herald, 08.11.2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20211108000739&np=1&mp=1> (дата обращения 10.11.2021).
445. Wiseman N. Regions and Political Culture // Search of Canadian Political Culture / N. Wiseman (ed). — Vancouver: University of British Columbia Press, 2008. — P. 111–134.
446. Wong J. South Korea's Weakly Institutionalized Party System // Party System Institutionalization in Asia: Democracies, Autocracies, and the Shadows of the Past / A. Hicken, E. M. Kuhonta (eds). — Cambridge: Cambridge University Press, 2014. — P. 260–279.
447. Woolstencroft R. Electoral Geography: Retrospect and Prospect // International Political Science Review. — 1980. — Vol. 1, № 4. — P. 540–560.
448. Wright J. Sections and National Growth: An Atlas of the Historical Geography of the United States // Geographical Review. — 1932. — Vol. 22, № 3. — P. 353–360.
449. Wright J. Training for Research in Political Geography // Annals of the Association of American Geographers. — 1944. — Vol 34, № 4. — P. 190–201.
450. Wright J. Voting Habits in the United States: A Note on Two Maps // Geographical Review. — 1932. — Vol. 22, № 4. — P. 666–672.
451. Yang S. Old Right in New Bottles: State without Nation in South Korean New Right

- Historiography // *The Journal of Asian Studies*. — 2021. — Vol. 80, № 4. — P. 889–909.
452. Yea S. Maps of Resistance and Geographies of Dissent in the Cholla Region of South Korea // *Korean Studies*. — 2000. — Vol. 24, № 1. — P. 69–93.
453. Yea S. Rewriting rebellion and mapping memory in South Korea: The (Re)presentation of the 1980 Kwangju uprising through Mangwol-dong Cemetery // *Urban Studies*. — 2002. — Vol. 39, № 9. — P. 1551–1572.
454. Yea S. Regionalism and Political-economic Differentiation in Korean Development: Power Maintenance and the State as Hegemonic Power Block // *Korea Journal*. — 1994. — Vol. 34, № 2. — P. 5–29.
455. Zarycki T. Four Dimensions of Center-periphery Conflict in the Polish Electoral Geography // *Social Change. Adaptation and Resistance*. — Warsaw: Warsaw University Institute for Social Studies, 2002. — P. 19–38.
456. Zelinsky W. *The Cultural Geography of the United States*. — Prentice-Hall: Englewood Cliffs, 1973. — 164 p.
457. Ziegfeld A. Rule of Law and Party Systems: A Study of Regional Political Parties in India: PhD thesis. — Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 2009. — 208 p.
458. Ziegfeld A. What Accounts for Duverger's Law? The Behavioral Mechanisms Underpinning Two-party Convergence in India // *Electoral Studies*. — 2021. — Vol. 73. — P. 1–11.
459. Zielinski J. Translating Social Cleavages into Party Systems: The Significance of New Democracies // *World Politics*. — 2002. — Vol. 54, № 2. — P. 184–211.
460. 300 석을 정당하게 나누는 법, 준연동형 / 한겨레, 02.01.2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hani.co.kr/arti/politics/assembly/1122639.html> (дата обращения 20.06.2025).
461. 길승흠, 김광웅, 안병만 [Киль Сынхын, Ким Гванук, Ан Бёнман]. 한국선거론 [Теория корейских выборов]. — 서울: 다산출판사, 1987. — 204 p.
462. 김광웅 [Ким Гванук]. 한국의 선거 정치학 [Электоральная политология Кореи]. — 서울:나남, 1990. — 101 p.
463. 김만흠 [Ким Манхын]. 전환기의 한국정치와 정당정치의 과제 [Корейская политика в переходный период и задачи партийной политики] // *한국사회과학*. — 1997. — Vol. 19, № 3. — P. 105–143.
464. 김성준 [Ким Сонджун]. 국회의원 선거 결과의 지역적 경향 분석 [Анализ региональных тенденций результатов парламентских выборов] // *지리교육논집*. — 1988. — Vol. 19. — P. 71–90.
465. 김욱 [Ким Ук]. 충청 지역주의의 역사적 발전과정과 특성 [Исторический процесс развития и особенности чхунчхонского регионализма] // *정치정보연구*. — 2007. — Vol. 10, № 2. — P. 117–134.
466. 김욱 [Ким Ук]. 한국 지역주의의 지역별 특성과 변화 가능성: 대전·충청지역을 중심으로 // *21세기정치학회보*. — 2004. — Vol. 14, № 1. — P. 83–105.
467. 김욱, 유재일 [Ким Ук, Ю Джэиль]. 제 20 대 총선에서 충청 유권자의 투표 선택 분석 [Анализ электорального поведения избирателей Чхунчхона на 20-х всеобщих выборах] // *한국지방정치학회보*. — 2017. — Vol. 7, № 2. — P. 1–20.
468. 김욱, 유재일, 유병선 [Ким Ук, Ю Джэиль, Ю Бёнсон]. 충청 지역 정치의 최근 변화와 충청 지역주의 [Недавние изменения в чхунчхонской политике и регионализме] // *비교민주주의연구*. — 2015. — Vol. 11, № 2. — P. 45–75.

469. 김옥, 이재현 [Ким Ук, Ли Джэхён]. 충청 지역주의와 민주적 대표성: 충청 유권자의 전국 대표성 논의를 중심으로 [Регионализм Чхунчхона и демократическое представительство: пример национального представительства избирателей Чхунчхона] // 비교민주주의연구. — 2020. — Vol. 16, № 1. — P. 159–188.
470. 김재한 [Ким Джэхан]. 총선으로 본 지역주의: 영동, 무주, 김천 지역을 중심으로 [Регионализм в контексте всеобщих выборов: пример районов Йондон, Муджу и Кимчхон] // 한국지역지리학회지. — 2007. — Vol. 13, № 4. — P. 381–395.
471. 김진국 [Ким Джингук]. 지역감정의 실상과 해소방안 [Реальность региональной неприязни и её преодоление] // 한국심리학회 춘계심포지엄자료집. — 1988. — Vol. 1988. — P. 79–101.
472. 김진하 [Ким Джинха]. 정치의식의 지역차이: 지역주의에 대한 새로운 접근 [Региональные различия в политическом сознании: новый подход к регионализму] // 한국정당학회보. — 2006. — Vol. 5, № 1. — P. 199–234.
473. 김진하 [Ким Джинха]. 한국 지역주의의 변화: 투표행태와 정당을 중심으로 [Изменения в корейском регионализме: пример электорального поведения и политических партий] // 현대정치연구. — 2010. — Vol. 3, № 2. — P. 89–114.
474. 김형국 [Ким Хёнгук]. 국토개발의 이론연구 [Теоретическое исследование национального развития]. — 서울: 박영사, 1983. — 384 p.
475. 김형국 [Ким Хёнгук]. 선거와 정치에 나타난 지역정서의 표출 — 대통령선거를 중심으로 [Проявление региональных сентиментов в политике: пример президентских выборов] // 환경논총. — 2003. — Vol. 41. — P. 3–28.
476. 김형국 [Ким Хёнгук]. 제 13 대 대통령선거의 투표행태에 대한 지정학적 연구 [Исследование электорального поведения на 13-х президентских выборах] // 환경논총. — 1989. — Vol. 25. — P. 37–54.
477. 김혜숙 [Ким Хесук]. 지역간 고정관념과 편견의 실상 — 세대간 전이가 존재하는가? [Реальность межрегиональных стереотипов и предубеждений: существует ли преемственность между поколениями?] // 한국심리학회 춘계심포지엄자료집. — 1988. — Vol. 1988. — P. 37–62.
478. 문재인 [Мун Джэин]. 문재인의 운명 [Судьба Мун Джэина]. — 서울: 가교출판 & 북팔, 2011. — 528 p.
479. 박상훈 [Пак Санхун]. 한국의 유권자는 지역주의에 의해 투표하나: 제 16 대 총선의 사례 [Голосует ли корейский избиратель, исходя из регионализма: пример 16-х всеобщих выборов] // 한국정치학회보. — 2001. — Vol. 35, № 2. — P. 113–134.
480. 손호철 [Сон Хочхоль]. 현대 한국정치: 이론과 역사 [Современная корейская политика: теория и история]. — 서울: 사회평론, 1997. — 525 p.
481. 송복 [Сон Бок]. 지역갈등의 구조적 요인: 지역이동의 특성을 중심으로 [Структурные факторы региональных конфликтов: пример характеристик региональной миграции]. — 서울: 법문사, 1988. — 139 p.
482. 온만금 [О Мангын]. 역대 대통령 선거결과에 나타난 지역주의 추이와 양상 [Тенденции и проявления регионализма в результатах президентских выборов прошлых лет] // 한국사회학. — 1997. — Vol. 31. — P. 737–757.
483. 이갑윤 [Ли Гапюн]. 한국의 선거와 지역주의 [Южнокорейские выборы и регионализм]. — 서울: 오름, 1998. — 187 p.

484. 이남영 [Ли Намён]. 한국 선거연구의 현황과 과제 [Состояние электоральных исследований в Корее]. — 서울: 한국 정치학회편, 법문사, 1997. — 311 p.
485. 이두엽, 김학민 [Ли Дуёп, Ким Ханмин] (eds). 지역감정 연구 [Исследование регионализма]. — 서울: 학민사, 1991. — 389 p.
486. 이소영 et al. [Ли Соён и др.]. 국회의원 선거 결과의 공간 패턴 변화 분석: 19 대 및 20 대 국회의원 선거를 중심으로 [Анализ изменений пространственных паттернов результатов парламентских выборов: пример выборов в Национальное собрание 19-го и 20-го созывов] // 한국지도학회지. — 2016. — Vol. 16, № 3. — P. 29–47.
487. 이재묵 [Ли Джэмук]. 20 대 대통령 선거와 지역주의의 변화와 지속 [20-е президентские выборы и регионализм] // EAI 워킹페이퍼. — 2022. — P. 1–18.
488. 이재현 [Ли Джэхён]. 지역정체성과 지역사회활동이 정치적 효능감에 미치는 영향 [Влияние региональной идентичности и общественной деятельности на политическую эффективность] // NGO 연구. — 2019. — Vol. 14, № 3. — P. 83–104.
489. 임덕순 [Им Доксун]. 한국 정치지리학과 인문지리학 일반 50 년의 회고와 전망 [Ретроспектива и перспективы 50-летней истории корейской политической и общественной географии] // 대한지리학회지. — 1996. — Vol. 31, № 2. — P. 295–308.
490. 장수찬 [Чан Сучхан]. 충청 지역주의의 변화와 지역정당해체 [Изменения чхунчхонского регионализма и распад региональных партий] // 한국정당학회보. — 2006. — Vol. 5, № 1. — P. 147–169.
491. 정수현 [Чон Сухён]. 후보자의 지역대표성이 득표율과 당선가능성에 미치는 영향력: 제 20 대 국회의원 선거 결과에 대한 분석 [Влияние регионального представительства кандидата на долю голосов и вероятность избрания: анализ результатов выборов в Национальное собрание 20-го созыва] // 한국정치연구. — 2017. — Vol. 26, № 2. — P. 129–157.
492. 조기숙 [Чо Гисук]. 지역주의 선거와 합리적 유권자 [Регионализм на выборах и рациональный избиратель]. — 서울: 나남출판, 2000. — 265 p.
493. 최장집 [Чхве Джанджип]. 한국민주주의의 조건과 전망 [Перспективы корейской демократии] // 한국정치학회보. — 1997. — Vol. 30, № 4. — P. 491–496.
494. 황선영 [Хван Сонён]. 대통령 선거 결과의 공간통계적 분석 [Пространственно-статистический анализ результатов президентских выборов] // 지리학논총. — 2008. — Vol. 52. — P. 129–156.
495. 千葉立也 [Тацуя Тиба]. 選挙地理研究の課題と動向 [Задачи исследований электоральной географии] // 地理学評論. — 1978. — Vol. 51, № 3. — P. 235–244.
496. 西村翼 [Цубаса Нисимура]. 政党の公認戦略と地元候補 — 規定要因としての選挙結果 [Стратегия партийного выдвижения и местные кандидаты: результаты выборов как определяющий фактор] // 年報政治学. — 2020. — Vol. 71, № 2. — P. 280–302.

Приложение А

Схемы районирования разных стран

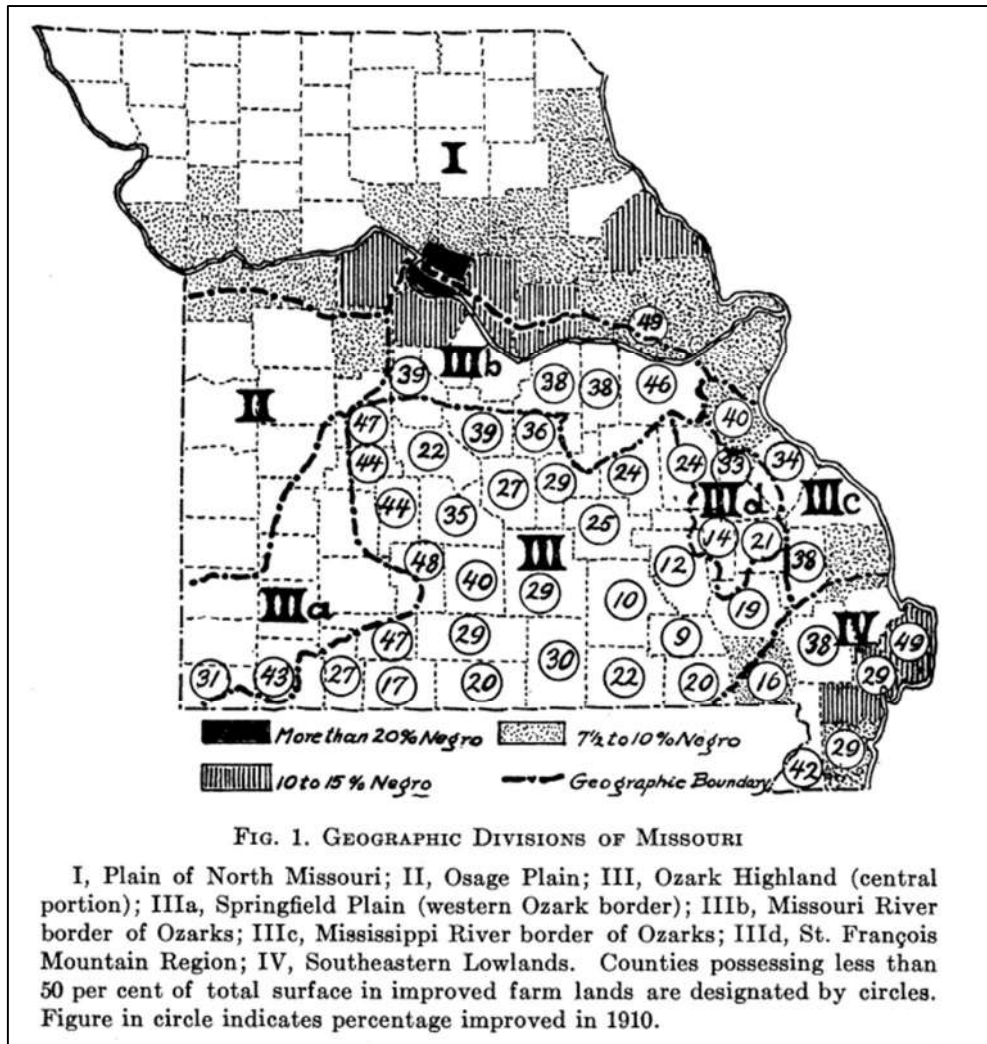

Рисунок А.1. — Географические районы Миссури по К. Зауэру, 1918 г.

Источник: [386, p. 409]

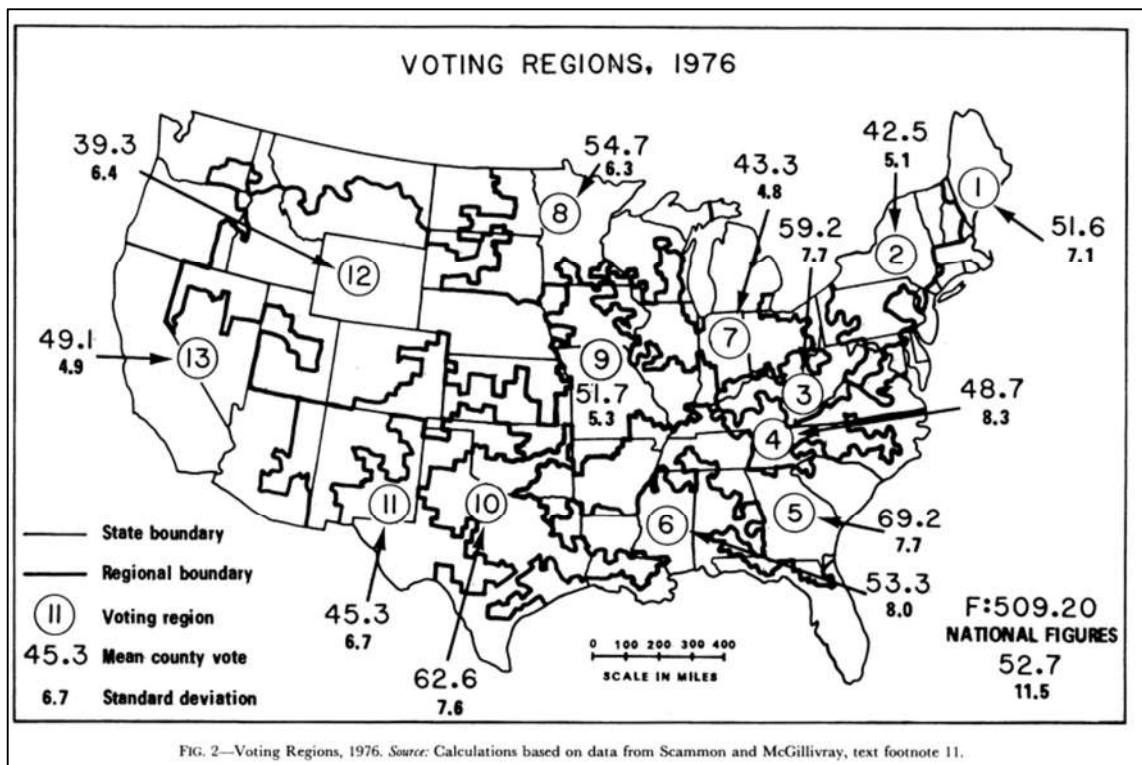

Рисунок А.2. — Политико-географическое районирование США по Дж. Сваугеру, 1980 г.

Источник: [410, p. 162]

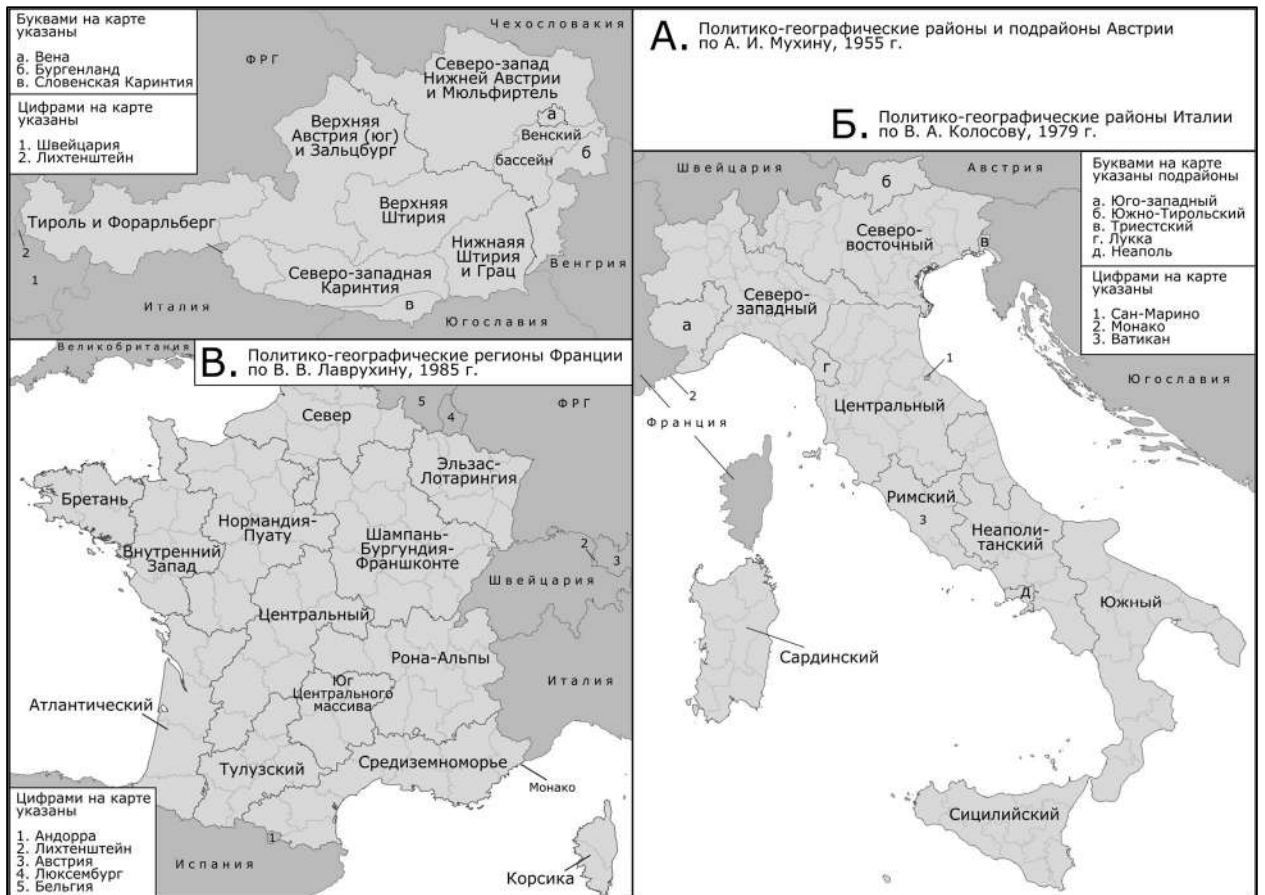

Рисунок А.3. — Политико-географические районирования Австрии (А), Италии (Б) и Франции (В)

Источник: составлено автором по [55, 61, 75]

Рисунок А.4. — Политико-географическое районирование США по К. Э. Аксёнову, 1989 г.

Источник: составлено автором по [2]

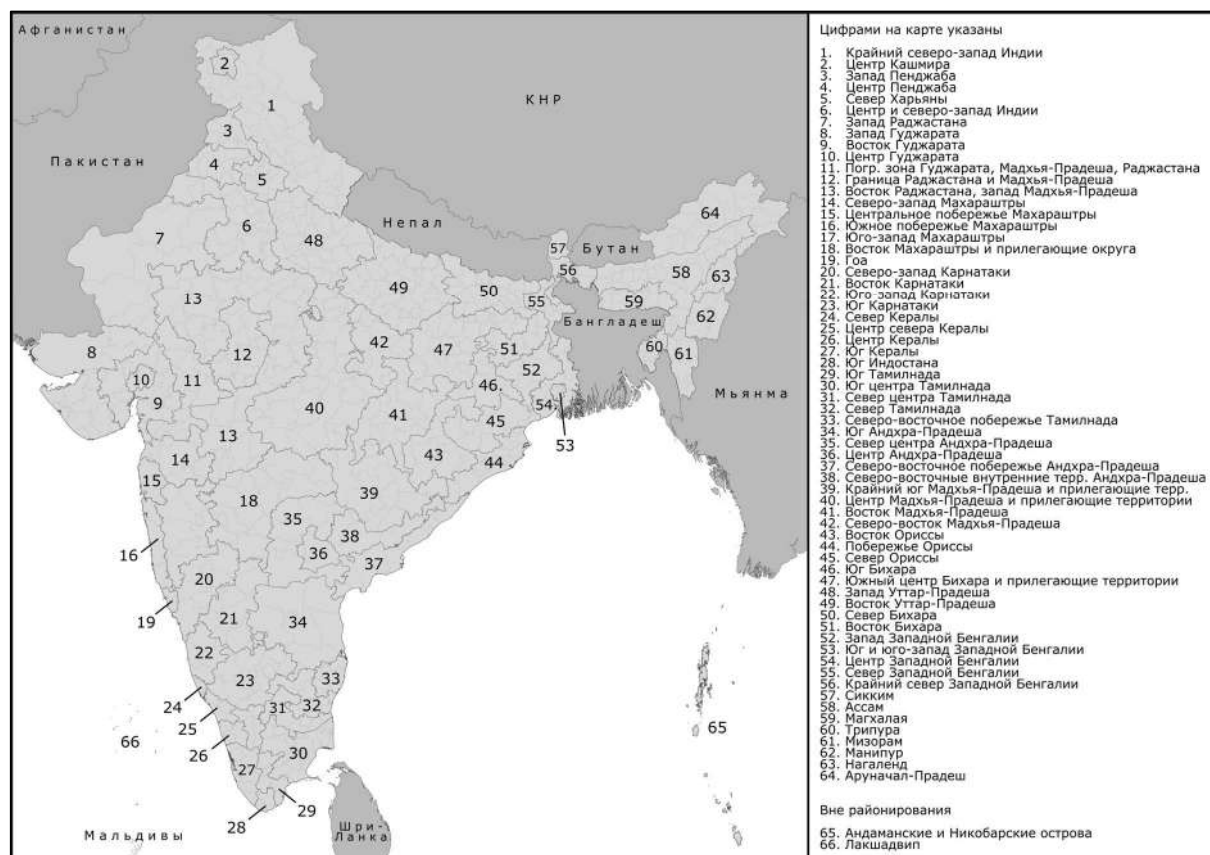

Рисунок А.5. — Политико-географическое районирование Индии по В. Б. Лебедеву, 1998 г.

Источник: составлено автором по [64]

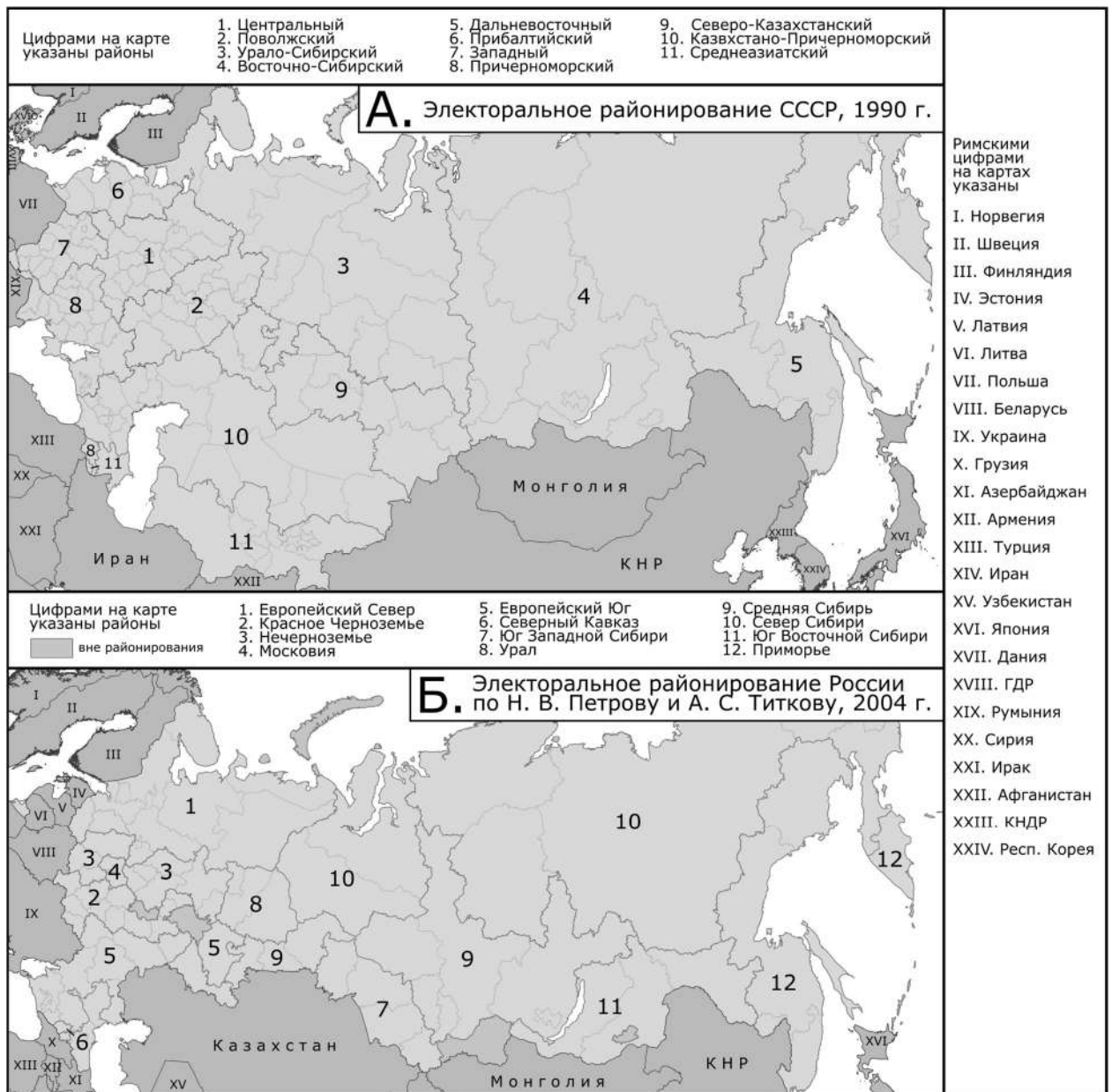

Рисунок А.6. — Электоральные районы СССР (А) и России (Б)

Источник: составлено автором по [25; 84]

Рисунок А.7. — Автоматическое районирование России по Д. Д. Орешкиной, 2006 г.

Источник: [82]

Рисунок А.8. — Электоральные районы Калининградской области по М. И. Кришталю, 2017 г.

Источник: составлено автором по [60]

Приложение Б

Базовые термины и понятия электоральной географии

Электоральные предпочтения и электоральное поведение

Электоральные предпочтения и электоральное поведение избирателей — базовые понятия, широко используемые в электоральных исследованиях. Электоральные предпочтения — проявление политических предпочтений на конкретном голосовании с определённым набором альтернатив. Политические пристрастия и антипатии избирателя на выборах ограничены небольшим набором партий, кандидатов и вариантов голосования, голосование за какую-либо альтернативу — электоральные предпочтения. Их агрегированное количественное выражение — электоральный результат той или иной политической силы. Под электоральными предпочтениями (избирателей какой-либо) территории понимается совокупность уровней поддержки (в процентах) политических сил на выборах разных уровней.

Электоральное поведение — понятие более сложное и широкое. Если электоральные предпочтения включают только факт голосования избирателя за определённую альтернативу, то поведение — всю совокупность взаимодействий избирателя с электоральными процессами и все варианты действий в ходе выборов, понимаемых не как результирующее голосование, а как являющееся явление. Явка или неявка на выборы, порча бюллетеня, прибегание к стратегическому или тактическому голосованию, регулярность и последовательность голосований, мотивировки избирателя и его политизированность — составные электорального поведения. Например, два избирателя могут иметь одинаковые электоральные предпочтения на каких-то выборах — проголосовать за одну и ту же партию — однако их электоральное поведение может при этом различаться. Для одного поддержка данной партии — закономерное решение в виду идеологической или иной близости, для второго — результат стратегического голосования. Для первого это характерное, т. е. принимаемое на каждом выборах решение, тогда как для второго — исключение, так как на большинстве других выборов он голосовал или проголосует за другую партию [163, р. 23].

В основном при изучении географии голосований исследуются именно электоральные предпочтения, имеющие явные количественные измерения, большую значимость для политических акторов — результат выборов важнее его причин — хорошие наглядность и интерпретируемость.

Электоральные расколы

Попытка систематизации электорального поведения избирателей закономерно приводит не только выделению различных генетических типов «стилей» голосования, но и к определению основных групп избирателей, для которых они характерны. Больше внимание привлекают более влиятельные из наиболее антагонистичных, всеобщих и имеющих несовпадающие электоральные предпочтения — группы с частую взаимоисключающими политическими интересами, институционализированными в виде партий и иных политических движений. Электоральные расколы — устойчивые во времени различия между такими группами.

Классическая концепция, предложившая объяснение формирования части таких расколов или идейно-политических размежеваний, была разработана социологами С. Рокканом и С. Липсетом. На примере европейских стран (с особым вниманием к Норвегии) они продемонстрировали, как конфигурация партийной системы сложилась на основе зародившейся в следствие крупных политических и экономических потрясений совокупности противоположных групп интересов, разделённых отношением к правам собственности, религии, языку, роли государства в экономике, типу занятости [317, р. 112]. Они создали модель исторического формирования заданных альтернатив (партий/идеологий), возникших в разных политических системах с разным уровнем социально-экономического развития, чтобы более структурированно интерпретировать электоральные (партийные) предпочтения избирателей. Основные факторы, сформировавшие ключевые политические размежевания, — всеобщие (относительно) резкие изменения в обществе, например, *«религиозная, национальная и индустриальная революции»* [317, р. 18].

Были выделены четыре линии размежевания между: 1) центростремительными силами национального строительства и центробежными силами провинций и периферии с этническими, лингвистическими и религиозными особенностями; 2) централизацией государства и привилегиями религиозных организаций; 3) интересами землевладельцев и промышленниками; 4) работодателями и работниками.

Отчасти их следствием было ещё одно размежевание — между сельскими и городскими интересами в целом. Партийная система — институционализированная проекция этих размежеваний с соответствующими наборами основных социальных групп, находящимися по разные их стороны [317, р. 112]. Данная модель, как и

любая иная, имеет значительно ограниченную объяснительную силу, будучи разработанной на примерах европейских политических систем [77, с. 54]. Например, даже в странах Восточной Европы в 1990–2000-х гг. модель расколов не лучшим образом справлялась с объяснением структуры электоральных расколов и партий [217, р. 2]. Существование разделения внутри общества (в т. ч. в риторике политиков и избирателей) на, например, различные классы или иные общности не обязательно формируют соответствующую партийную систему — для институционализации таких размежеваний на выборах требуется их «политическая активизация» [371, р. 112].

Электоральное пространство

Термин электоральное пространство используется в двух интерпретациях. Более распространённая принадлежит политической науке, в которой это понятие используется метафорично для визуализации размежеваний между различными политическими силами как «соотнесённость элементов структуры с некой системой координат» [18, с. 26]. В таком случае речь идёт о расколах, например, «лево-правом», «авторитарно-демократическом», «либерально-консервативном» и др. — это политический спектр или конфигурация политических сил, но не географическое пространство [59, с. 75]. Данные «пространственные» и «валентные» модели голосования длительное время были центральными концепциями, структурирующими электоральное поведение избирателей и партий, начиная с классических работ Э. Даунса [173]. Однако большинство пространственных интерпретаций партийной конкуренции, чем дальше, тем хуже согласуются с поведением больших групп электората и политиков [408, р. 368]. В географических исследованиях пространство понимается буквально как часть географической среды, в которой распределены предпочтения и модели поведения избирателей как следствие пространственных и внепространственных факторов.

Важная для темы настоящей диссертации проблема — вопрос континуальности и дискретности электорального пространства. С одной стороны, пространство континуально, хотя и может рассматриваться через призму дискретных отдельных частей. С другой стороны, в случае с голосованиями речь идёт о деятельности отдельных избирателей, территориализация политической деятельности которых и исследуется. К тому же информация об итогах выборов агрегируется на уровне как минимум избирательных участков — неделимых точечных объектов.

Территориальная электоральная структура

Электоральные предпочтения и электоральное поведение избирателей в пространстве структурированы так же, как и любые иные явления. Обобщить распределение можно в территориальную электоральную структуру (ТЭС) — *«взаиморасположение и взаимосвязи пространственно выраженных элементов электорального процесса»* [23, с. 6]. Зачастую она сводится к территориальной структуре поддержки той или иной политической силы — её электоральному рисунку. Их совокупность складывается в структуру, свойственную электоральному пространству страны. Однако речь в основном идёт о сильных проявлениях исследуемых процессов — легко картографируемых и структурируемых электоральных предпочтениях.

Хороший пример исследования видов электоральных рисунков — работа А. Ю. Зимохи, в которой к тому же приведено сравнение электоральных контекстов стран разных типов, что встречается в электоральных исследованиях крайне редко. Были выделены биполярный, фрагментарный и монолитный рисунки. В первом случае наблюдается политическое противостояние на выборах двух крупных частей страны. Во втором — множество «политических полюсов» с характерными электоральными показателями предпочтений избирателей. В третьем — отсутствие значимых региональных различий в поддержке политических сил [42, с. 62–78]. Типология усложняется анклавами, дробностью рисунков и их неустойчивостью.

ТЭС можно рассматривать как часть более широких понятий: политического ландшафта — *«пространственно организованная система, включающая в себя феномены политической жизни и природные условия и обладающую территориальностью»* [108, с. 41]; и электорального ландшафта — *«целостная, воспроизводящаяся от голосования к голосованию система закономерно связанных между собой во времени и пространстве элементов электорального поведения социумов, а также факторов, их определяющих»* [84, с. 18]. К характеристикам электорального ландшафта тоже в первую очередь относятся территориальные формы электорального поведения избирателей, однако не менее важна вторая составляющая — электоральное поведение. Систематизировать их внутренне содержание можно с помощью уже указанных структур и моделей, например, преобразованием континуального пространства в совокупность дискретных районов — наиболее устойчивых, цельных и типичных элементов электорального ландшафта.

Приложение В

Корейские имена и названия

В научной и иной литературе встречаются разные написания корейских имён собственных, к тому же отдельное уточнение требуется для некоторых основных топонимов, используемых в работе.

Существует несколько систем транскрибирования корейских имён. В работе используется система Концевича: фамилия пишется отдельно, а обе части имени — слитно; парные согласные в начале имени озвончаются [57]. Однако допустимы исключения в случае имён с устоявшимся написанием, отличающимся от предписываемого системой. В настоящей работе корейские имена во избежание путаницы всегда пишутся полностью. Для правильного написания кириллицей корейских топонимов используется «Словарь географических названий Республики Корея» под редакцией Л. Р. Концевича [58].

В данной работе название «Республика Корея» часто заменяется сокращением «РК». Так как рассматриваются политические процессы лишь в Республике Корея, то название «Корея» чаще всего употребляется по отношению к именно этому государству, а не к КНДР или Корейскому полуострову. Для обозначения северной части Корейского полуострова используется только название КНДР.

Отдельно остановимся на административном делении РК, в котором выделяется три уровня. Первый — 17 провинций и городов (их количество за рассматриваемый период постепенно росло за счёт выделения городов из провинций); второй — 200–250 городов, уездов и городских районов — в данной работе для упрощения называется муниципальным, третий — 2,9–3,5 тыс. уездных городов, волостей и городских кварталов (рис. В.1). Верхний уровень АД имеет более детальную разбивку на города и провинции с разными статусами, однако для данной работы это не имеет принципиального значения.

В работе на всех картосхемах, имеющих привязку к конкретным выборам, указаны административные границы, актуальные на момент данных выборов. На остальных картосхемах, где приведены данные за длительный период или временная привязка отсутствует, административные границы приведены на момент последних за рассматриваемый период выборов (3 июня 2025 г.).

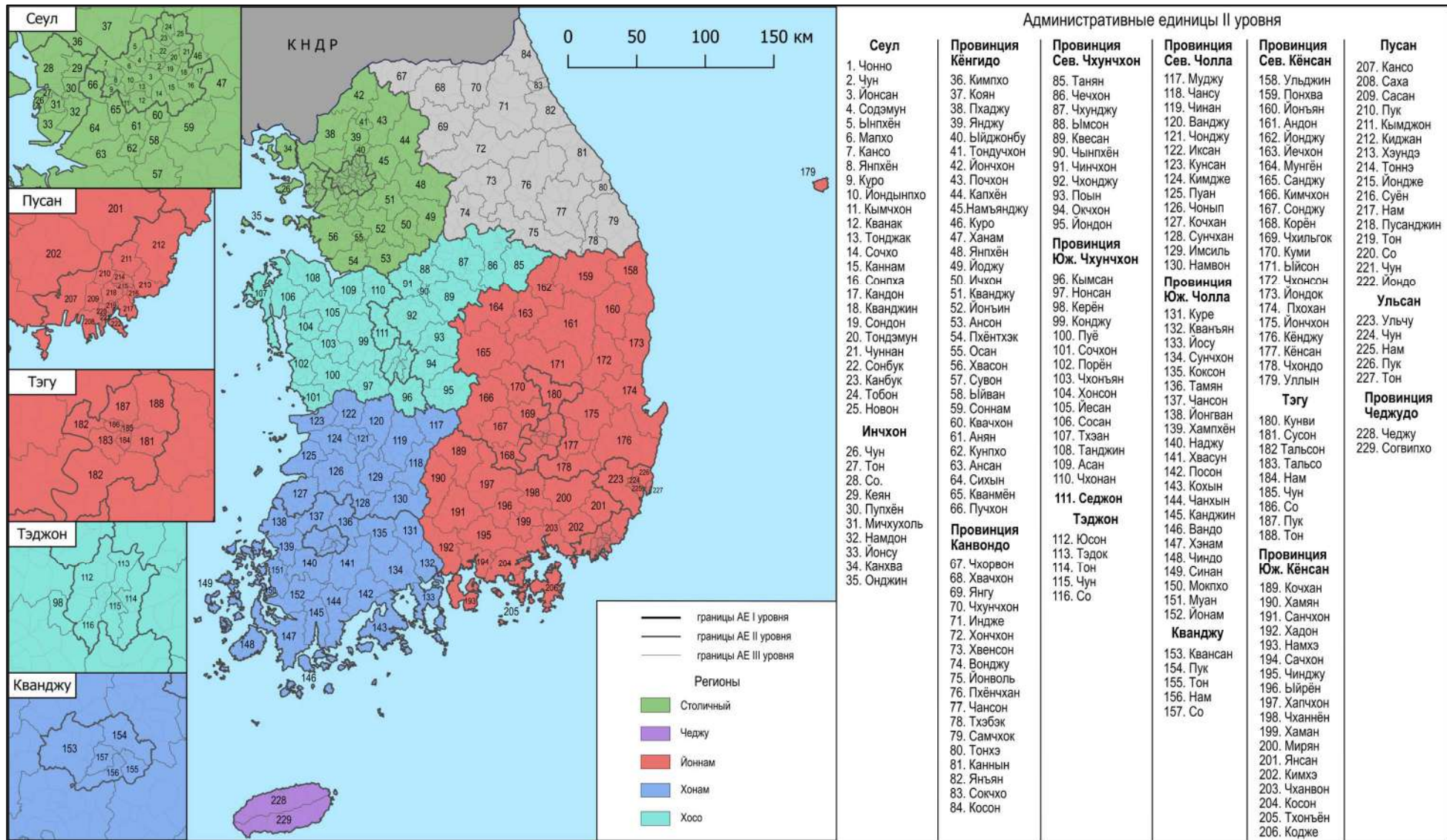

Рисунок В.1. — Административное деление РК на 3 июня 2025 г.

Источник: составлено автором

Регионы — неформальные исторические области, объединяющие в основном по несколько городов и провинций. Большинство имеет сразу несколько названий — соответствующих провинций или исторические названия. В данной работе для обозначения регионов и электоральных районов некоторых уровней используются исторические названия (например, Хонам, Йоннам и Хосо), тогда как для указания на конкретные единицы АЕ используются топонимы, употребляемые для обозначения провинций (Чолла, Кёнсан и Чхунчхон соответственно). Это необходимо для избежания путаницы. Например, Северная Кёнсан и Северный Йоннам/Кёнсан — разные географические области. Первая — провинция с однозначными границами, вторая — неопределённая чётко северная часть всего региона Йоннам/Кёнсан, охватывающая лишь северную половину соответствующей провинции.

Приложение Г

Южнокорейские политическая и партийная системы

Политическая система

Политическая история Республики Корея обычно упорядочивается с помощью шести или семи периодов: шесть «Республик», имевших различные конституционные базисы, и период американского военного правления. Основа политической системы была заложена ещё до официального провозглашения государства летом 1948 г., причём институты были «импортированы» извне, так как соответствующие внутренние либо отсутствовали, либо были ещё крайне слабы [99, с. 50]. Тогда же оформились основные электоральные и партийные расколы, характерные для первых периодов политической истории.

Для всех периодов, кроме Второй Республики (1960–1961 гг.), характерна сильная президентская власть, патернализм и этатизм, свойственные многим авторитарным режимам [112, с. 31]. Институт политических партий и парламентаризм не пользовались доверием ни со стороны политических элит, ни со стороны избирателей, на ряде первых выборов в основном игнорировавших партийные ярлыки политиков. Это дополнялось усилением роли первого президента Ли Сынмана. Его персоналистский режим Ли продержался 12 лет, пережив Корейскую войну (1950–1953 гг.) и пройдя этапы становления государственной системы, консолидации политических партий и массовых репрессий [10, с. 81]. Часть силовых и административных мер применялась к политическим конкурентам Ли Сынмана — левым политическим силам, заклеимённых в качестве «просеверокорейских предателей», и отдельным политикам, конкурировавшим с ним на президентских выборах или потенциально способных составить альтернативу Ли [418; 99, с. 59–60].

Вторая Республика, образованная после свержения Ли Сынмана, имела парламентскую систему, более инклюзивные институты, но более слабое влияние на происходившие в стране процессы. На новых и относительно честных парламентских выборах, прошедших летом 1960 г. подавляющее большинство мандатов получила ранее оппозиционная Демократическая партия (ДП), а Либеральная партия, лояльная Ли Сынману, набрала даже меньше голосов (2,8%), чем Социалистическая партия. Власть оказалась в руках премьер-министра Чан Мёна, находившегося в оппозиции Ли Сынману, а малозначимый президентский пост — одному из основателей

ДП Юн Босону. Новые власти не смогли справиться с управлением государственной системой и в мае 1961 г. были смещены в результате военного переворота. Конец Второй Республики был положен новыми выборами 1963 г., завершившими двухлетний период военного правления [99, с. 60–62].

Третья Республика образовалась после перехода военного управления к гражданскому посредством президентских и парламентских выборов 1963 г. Президентом стал генерал Пак Чонхи — один из организаторов переворота. Он всего на 1,5 процентных пункта (п. п.) опередил действующего (номинально) президента Юн Босона, набрав 46,6% голосов избирателей. Победа новой правящей Демократической Республиканской партии на парламентских выборах была более уверенной — она получила чуть больше половины мест по одномандатным округам. Была возвращена президентская система с ослабленной ролью парламента. На выборах 1967 г. разрыв между Пак Чонхи и Юн Босоном увеличился до 10 п. п. (51% против 41%), а правящая партия получила 2/3 мест в парламенте, что позволило отменить ограничение на два президентских срока. В 1971 г. Пак Чонхи тоже набрал более 50% голосов избирателей, однако, во-первых, его оппонент Ким Дэджун отстал от него лишь на 8 п. п., набрав 46%, а во-вторых, парламентское большинство правящей партии сократилось с конституционного до 55%.

В этот период начался бурный экономический рост южнокорейской экономики за счёт ориентации экономики на экспорт и большой роли государства в индустриализации [279, р. 74]. 1960–1980-е гг. в РК — период быстрой урбанизации, индустриализации и модернизации различных сфер жизни. Однако развитие было крайне поляризованным и создавало для режима угрозу на выборах в виде городской образованной молодёжи и жителей регионов, исключённых из модернизации [63, с. 81].

Режим Пак Чонхи был авторитарным и персоналистским, с подавлением многих гражданских свобод, профсоюзного движения, некоторых политических организаций (особенно левых) и т. д. Однако конкурентность на выборах сохранялась, но была ограничена — власти использовали административный ресурс, правящая партия получала финансирование от крупного бизнеса и в иных вопросах находилась в неравном привилегированном положении, относительно оппозиции [279, р. 112].

Четвёртая Республика была образована после принятия в 1972 г. поправок к Конституции в результате самопереворота, организованного Пак Чонхи

для укрепления власти. Было введено чрезвычайное положение, а на многие институты наложены ограничения. Новая система («Юсин») наделяла президента ещё большими полномочиями — он избирался не напрямую; критерии для избрания ужесточались, что не допускало к выборам никого, кроме действующего президента; президент получал расширенные полномочия для управления государственным аппаратом посредством указов в обход парламента; роль парламента снижалась; треть его состава теперь назначалась президентом, а не избиралась напрямую; избирательная система и правила участия в выборах стали ещё более благоприятными для правящей партии [63, с. 82]. Давление на оппозицию усилилось.

При этом росло и недовольство режимом Пак Чонхи, а парламентские выборы оставались инструментом политической борьбы. На выборах 1973 г. двум оппозиционным партиям-наследницам Демократической партии удалось набрать более 40% голосов избирателей, но лишь четверть депутатских мандатов — большинство получила правящая партия, набравшая 38%, и назначенные президентом депутаты. На выборах 1978 г. Новая демократическая партия получила больше голосов избирателей, чем правящая Демократическая Республиканская партия, и незначительно уступила ей в количестве депутатских мандатов. Вместе с ещё одной оппозиционной партией их электорат превышал 40%, тогда как правящая партия заручилась поддержкой лишь 31% избирателей. Впоследствии лидер Новой демократической партии Ким Ёнсам был отстранён от должности и исключён из парламента, что привело к протесту со стороны его фракции, переросший в массовые протесты в нескольких городах — в первую очередь в Пусане и Масане на юго-востоке страны, откуда происходил и избирался Ким. Эти протесты стали и причиной, и поводом для конфликта между главами силовых ведомств. В октябре 1979 г. Пак Чонхи был убит [63, с. 85].

В декабре того же года генерал Чон Духван осуществил военный переворот, жёстко подавил уличные протесты в Сеуле и Восстание в Кванджу 1980 г., внёс изменения в Конституцию (Пятая Республика), устанавливавшую менее жёсткую, чем предыдущая, но всё ещё сверхпрезидентскую систему, и победил на досрочных не-прямых выборах, набрав около 90% голосов выборщиков. Система сохранила многие черты Четвёртой Республики, однако была больше похожа на предыдущую Третью. Правящая Демократическая партия справедливости уверенно победила на выборах

1981 и 1985 гг., хотя умеренно оппозиционные партии, допущенные к выборам, всё ещё набирали десятки процентов голосов избирателей [279, р. 67].

Переход к нынешней Шестой Республике произошёл в результате протестов лета 1987 г., спровоцированных полицейской жестокостью и попытками Чон Духвана обойти ограничение на один семилетний президентский срок. Подавление этих протестов для властей оказалось затруднено из-за их массовости и большего, чем в 1970-х гг. внимания к внутривластной ситуации в стране извне — в 1986 г. в Сеуле состоялись Азиатские игры, а в 1988 г. планировались Олимпийские. Чон Духван отказался от своих планов, выдвинув преемника — тоже бывшего военного Но Тхэу для проведения реформ и новых выборов [99, с. 49].

Система стала более демократичной, однако власть полностью не сменилась. Переход от правления бывших военных к оппозиции произошёл в 1992 г., когда после заключения политического союза между Но Тхэу, Ким Ёнсамом и Ким Джонпхилем был выдвинут единый кандидат, поддержанный тремя из четырёх основных политических сил страны. Власть сменилась в не результате выборов, а из-за коалиционных договорённостей, но переход к гражданскому правлению был осуществлён [100, с. 113]. Окончанием процесса демократизации можно считать президентские выборы 1997 г., на которых преемник Ким Ёнсама Ли Хвечхан на фоне финансового кризиса 1997–1998 гг. проиграл оппозиционеру Ким Дэджу. Впервые власть сменилась в результате выборов. Период с конца 1980 гг. по начало 2000-х гг. в политической истории РК иногда называют «эпохой Трёх Кимов» [437, р. 841].

В дальнейшем представители двух основных политических лагерей, наследующих Ким Ёнсаму и Ким Дэджу, регулярно сменяли друг друга на выборах: в 2002, 2017 и 2025 гг. победу одержали представители партии-наследницы партии Ким Дэджун, а в 2007, 2012 и 2022 гг. — представители консервативного политического лагеря Ким Ёнсама. Политическая система принципиально не менялась, хотя в неё вносились некоторые частные изменения, например, продолжалась децентрализация, хотя местные и региональные выборы, восстановленные в 1990-х гг. воспринимаются как скорее референдумы о доверии президенту [230, р. 51]. Однако основная структура осталась неизменной — система с сильной президентской властью и централизацией, высокой ролью парламента, при этом малозначимой в условиях наличия пропрезидентского и отсутствия оппозиционного большинства.

Партийная система

Избирательная система, политическая история и отчасти традиция определили конфигурацию партийной системы страны. На протяжении длительного времени в ней доминируют две основные партии при миноритарном участии множества малых партий, представители большинства из которых, впрочем, не занимали никаких выборных должностей. В итоге систему можно охарактеризовать либо как двухпартийную, либо как «двух-с-половиной-партийную» [379, р. 458; 8, с. 72].

Политические партии — весьма нестабильные структуры. Они регулярно переименовываются, объединяются, распадаются и исчезают. Причём свойственно это и крупнейшим партиям [121, р. 39; 259, р. 178; 14, с. 443]. Поэтому зачастую используются «ярлыки» неформальных политических лагерей, к которым относятся разные партии. Во избежание путаницы в данной работе используются именно названия политических лагерей. Они стабильны, но крайне внутренне разнообразны — обычно в каждом из основных лагерей есть одна крупная партия и несколько небольших, зачастую ранее отколовшихся от «материнской» [212, р. 57; 335, р. 71].

Однако они редко существуют под одним и тем же брендом длительное время. Представители партий из одного политического лагеря по большинству вопросов занимают сходные позиции, но в ряду причин (зачастую личных) некоторые могут иногда обособляться в отдельные политические проекты [308, р. 117]. Активное образование новых и ребрендирование старых партий происходит в период кризиса того или иного политического лагеря и перед очередными выборами [446, р. 269].

Внутриполитическая ситуация и конкуренция на выборах в РК определяются противостоянием двух основных политических лагерей: условно «консервативного» и условно «либерального». Именно их представители побеждают на большинстве выборов после демократизации в 1987 г. Условность их названий — следствие несоответствия большей части политических платформ партий смысловому содержанию названий в привычном для европейской, северо- или латиноамериканской политики понимании. База различий между партиями находится во внешней политике и в трактовке некоторых периодов национальной истории [10, с. 140]. Либеральный лагерь отчасти наследует оппозиции времён правления военных, поэтому его представители склонны критически оценивать этот период политической истории страны. Также для них свойственна мягкая позиция в отношении КНДР,

антияпонизм и умеренный антиамериканизм во внешней политике. Консервативные политики в основном придерживаются обратных позиций [384, р. 248; 439, р. 2]. Такое положение хорошо описывается цитатой: *«политика начинается или, по крайней мере, обостряется на берегах Кореи или в Демилитаризованной зоне»* [439, р. 18]. В итоге избиратели отчасти недопредставлены основными партиями [305, р. 122].

Присутствуют и расхождения по социально-экономическим вопросам: либералы чаще выступают за большее вмешательство государства в экономику, а консерваторы занимают неолиберальные позиции [292, р. 520; 337, р. 552]. Первые с большей настороженностью относятся к крупному бизнесу и лояльны профсоюзам, однако в последние два десятилетия разница и по этим вопросам (ранее существенная) между основными политическими лагерями сокращается. Однако по этим вопросам заметны и значимые внутрипартийные различия [439, р. 2]. Внутри крупнейших партий существуют отдельные фракции, однако они группируются вокруг отдельных политиков, а не идейных платформ [285, р. 65; 419]. При этом с 2000-х гг. значимость экономического фактора на выборах немного выросла [306, р. 145; 311, р. 5].

Вторая особенность южнокорейских партий — их персонификация и централизация. Республика Корея — президентская республика, а роль партий существенно уступает институту президентства. Партии зачастую создавались «под лидера», для его поддержки на президентских выборах [491, р. 129]. Персонификация политики — отчасти причина отсутствия чётких (и привычных для, например, европейских партийных систем) идеологических различий между партиями — это «кадровые» структуры [15, с. 48; 16, с. 81]. Только в последние полтора десятилетия две основные партии стали функционировать в большей степени как классические партии, внутри которых строят карьеру и отбираются на внутренних выборах наиболее перспективные политики. Однако роль «партийных боссов» всё ещё велика — выдвижение кандидатов на выборах разных уровней партией в первую очередь зависит от руководства партии и в меньшей степени от внутрипартийных праймериз, — а остальные партии зачастую всё так же формируются под конкретных политических лидеров [308, р. 117; 438, р. 161]. Клиентелизм по отношению к узким элитным группам всё ещё остаётся основой функционирования двух главных партий [220].

Кроме двух крупнейших регулярно создаётся и исчезает множество «миноритарных» партий, откалывающихся от основных и пытающихся заполнить

образующиеся на политическом спектре ниши. Они достигают малого успеха и редко существуют дольше одного-двух электоральных циклов, исчезая или возвращаясь в состав «материнских» партий [349]. Для большинства политиков выход из партии равносителен скорому окончанию их политической карьеры [151, р. 117].

К исключениям можно отнести две группы партий. Первая — партии крайне левой (социалистической) направленности, представленные в партийной системе с начала 2000-х гг. К этой группе отнесём все партии, более удалённые от центра политического спектра, чем партии либерального лагеря. Это стабильная, но не влиятельная (поддержка соответствующих партий лишь изредка превышает 10%) часть партийной системы [480, р. 141]. К тому же значительная часть сторонников этих партий предпочитает голосовать за представителей крупных партий на мажоритарных выборах из-за условий избирательной системы [346, р. 3; 380, р. 207].

Второе исключение более стабильных политических партий — представители регионалистского движения региона Чхунчхон. В 1987–2012 гг. (рис. Г.1) почти на всех парламентских выборах присутствовали партии, опиравшиеся преимущественно на голоса жителей данного региона, мобилизуя их идеей отстаивания региональных интересов. Причина влиятельности и устойчивости этой группы политических движений будет разобрана в разделах, посвящённых регионализму.

Есть ещё две менее стабильные и менее влиятельные (за редким исключением) группы партий. Первая — крайне правые партии, к которым можно отнести все, более радикальные, чем основная партия консервативного политического лагеря. Базовые составляющие их платформ — жёсткий антикоммунизм, антилиберализм, часто христианский фундаментализм, крайне негативное отношение к КНДР и КНР, проамериканизм, положительное отношение к Ли Сынману, Пак Чонхи, Чон Духвану и их наследникам. Партии этой части политического спектра никогда не добивались успеха на выборах, однако крайне активны в уличной политике, агитации и социальных сетях [295; 374; 451, р. 901].

Вторая группа — центристские проекты, образующиеся либо из-за раскола в каком-то из двух основных политических лагерей, либо как новые политические проекты, не относящиеся ни к одной из рассмотренных групп и позиционирующие себя как центристские альтернативы двух главных партий. Отнесение какой-либо партии к этой группе наиболее спекулятивно, так как для них характерна сильная

изменчивость, аморфность и эфемерность. Типичный пример — Партия правильного будущего, существовавшая в 2018–2020 гг. как объединение либеральных политиков, ранее отколовшихся от основной партии в Народную партию, и консервативных политиков, отколовшихся от основной консервативной партии в Правильную партию. Её платформа — смесь позиций консерваторов и либералов и заявка на альтернативу основным партиям. Подобные объединения могут быть успешны на одних выборах за счёт «раздельного голосования»⁴⁶, но, разумеется, недолговечны [378, р. 31]. Другой пример — Партия национального объединения (1992–1994 гг.), созданная основателем чеболя Hyundai Чон Джуёном тоже как альтернатива основным политическим лагерям, в платформе которой были смешаны разные их позиции, что не позволяет отнести эту партию к одному из них.

Последняя группа политиков — беспартийные. Это самая сложная для анализа группа, так как она не обладает каким-либо единством. Однако в подавляющем большинстве случаев такие политики — недавние выходцы из одного из основных политических лагерей, по разным причинам (зачастую личным) решившим участвовать в конкретных выборах без партийной аффилиации. После этих выборов или в следующем электоральном цикле и вне зависимости от результата многие из них возвращаются в исходную партию. Нередко в случае таких расколов «материнская» партия может и вовсе не выдвигать своего кандидата в конкретном округе, чтобы не дробить голоса сторонников, зная, что конкуренция с таким беспартийным кандидатом не представляет собой конкуренции с политическим оппонентом.

Соотношения между влиянием партий и кандидатов из разных политических лагерей на современном этапе политической истории страны (с 1987 г.) на президентских и парламентских выборах представлены на рис. Г.2. На большинстве выборов подавляющее большинство избирателей поддерживает две основные партии или кандидатов от них.

⁴⁶ Англ. «*split-ticket voting*».

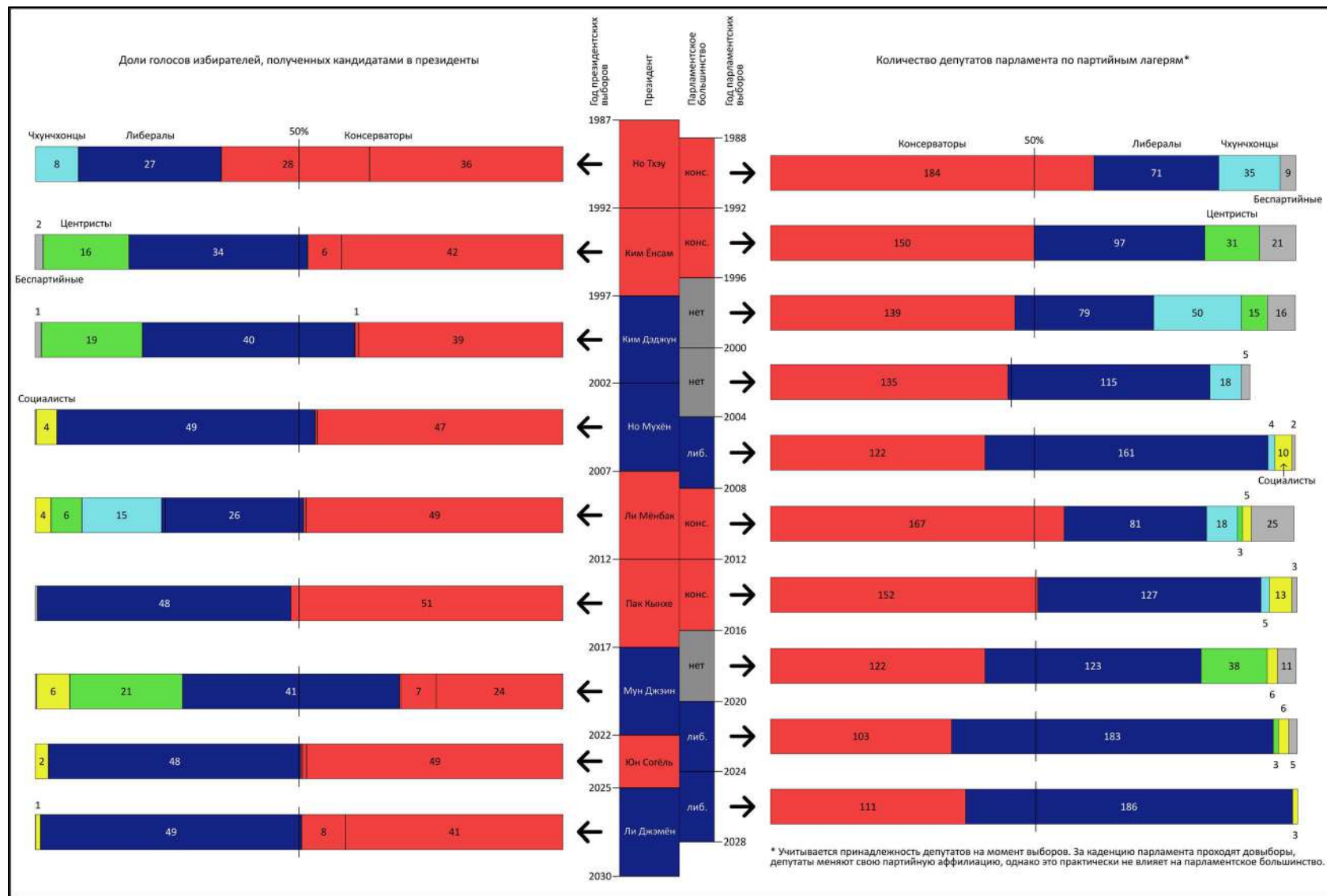

Рисунок Г.2. — Хронология президенства и составов парламента РК в 1987–2025 гг.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Приложение Д

Опыт районирования Кореи

Каких-либо схем районирования в классическом его понимании в корееведческих исследованиях (в общественнонаучной их части) не проводилось. В англоязычных работах, в т. ч. в электоральных исследованиях, встречаются похожие на районирования результаты, однако в отечественных исследованиях отсутствуют и они.

Единственное исключение — порайонное описание Кореи, приведённое В. Т. Зайчиковым в одноимённой страноведческой книге 1951 г. [41, с. 297–432]. Однако шесть выделенных районов были скорее физико-географическими, чем экономическими (и вовсе не политическими). Такими же долгое время были и многие другие англоязычные деления страны на регионы.

Причина такого малого количества региональных описаний и самих подходов к задаче систематизации знания о внутреннем пространстве страны — восприятие профильными специалистами страны как «чёрного ящика». Внимание уделялось общим свойствам объекта (страны), а работа с внутренней структурой почти не затрагивала её географической плоскости. В то же время для географов проблема традиционно носила ещё более глубокий характер — Корея длительное время вообще оставалась «terra incognita». Причём проблема недостатка страноведческого материала и низкого интереса к Корее была всеобщей — во многих архивах, библиотеках и книжных магазинах малочисленные материалы по Корее находились в китайском или японском разделах, а часть набора на соответствующую профильную специальность был производной отсева наборов на более популярные смежные [298, с. 30].

В электоральных исследованиях, работавших с южнокорейским материалом, деление страны на электоральные районы не заходило дальше выделения нескольких крупных отдельных частей, соответствующих основным историческим регионам или единицам административного деления (провинциям) [301, р. 110; 404, р. 37; 50, с. 74, 489, р. 298]. Внутрирегиональная дифференциация, а тем более подробная и комплексная работа с локальными контекстами в основном либо игнорировалась, либо сводилась к одной слишком обобщённой закономерности. В редких случаях исследовались отдельные локальные электоральные аномалии, однако полученные результаты не складывались в цельную картину [486, р. 44].

Приложение Е

Характерные различия между макро- и мезорайонами РК

Приведём несколько показателей, демонстрирующих проявления качественных различий между макрорайонами и их сочетания с количественным своеобразием мезорайонов. Для этого воспользуемся суммированием данных за рассматриваемый период (1987–2025 гг.) на наиболее дробном из доступных (для такой операции) уровнях агрегации данных (рис. Е.1).

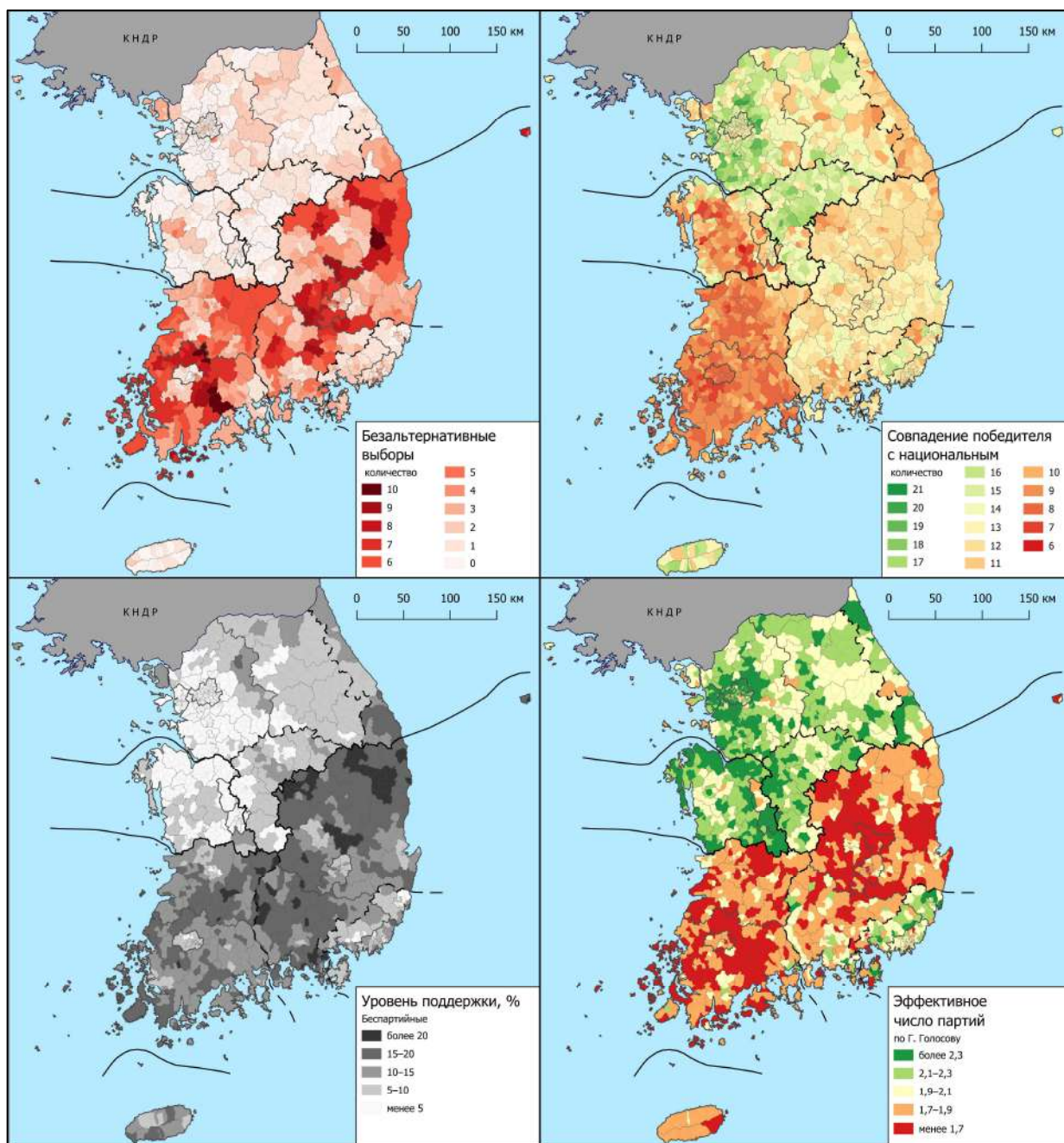

Рисунок Е.1. — Уровень безальтернативности выборов (А), степень национализации выборов (Б), уровень поддержки беспартийных кандидатов (В) и эффективное число партий (Г), усреднённые за период 1987–2025 гг.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Первое проявление различий региональных политических культур Юга и Севера — степень безальтернативности выборов. На Юге существуют области, где на десятке голосований (из 64) количество кандидатов равнялось количеству мест — т. е. обычно выдвигался один кандидат (доминирующей в мезорайоне партии), и никакая другая политическая сила даже не пыталась оспорить эти выборы. На Севере почти все выборы конкурентны хотя бы формально.

Второе — степень совпадения результатов (в виде победившего кандидата/партии) на местном уровне с национальными результатами. В ряде районов Хосо и Хонама таких совпадений всего 6–8 (из 25), а средние показатели в Йоннаме — следствие длительного преобладания консерваторов на национальном уровне. За исключением Йоннама Юг обычно выделяется электоральными тенденциями, противоположными национальным.

Третье — уровень поддержки беспартийных кандидатов. На Юге они в среднем набирают от 15 до 25%, тогда как на Севере — менее 5%. Внутри мезорайонов данный показатель — маркер периферии, где выше поддержка формально беспартийных. Причина такого электорального поведения местных избирателей в их обособлении от доминирующих в соответствующих районах политических лагерей. Часть электората, недовольного региональным мейнстримом в лице главной регионалистской партии, периодически голосует за регулярно образующиеся миноритарные партии, откалывающиеся от главной в соответствующем политическом лагере. Однако часть политиков, покидающих эти главные партии, участвует в выборах без партийной аффилиации, полагаясь на свой базовый электорат — обычно к такой стратегии прибегают действующие депутаты, мэры, муниципальные главы и др., у которых имеется такой ресурс. Сильнее этот эффект на выборах, на которых соответствующий политический лагерь находится в кризисе, но обособления значимых регионалистских миноритарных партий не происходит. В таком случае мезорайоны на электоральных картах оказываются не окрашенными в один цвет доминирующей в нём партии, а характеризуются чересполосицей районов высокой поддержки партии и районов, где победу неожиданно одерживают беспартийные кандидаты.

Часть электората, недовольного региональным мейнстримом, предпочитает голосовать за таких беспартийных кандидатов. Особенно это выражено на периферии мезорайонов, где выше протестность по отношению к центрам. Однако

повышенный уровень поддержки беспартийных характерен и центрам элитогенеза — в них максимальна безальтернативность влияния политического лагеря, поэтому политики не боятся расколоть электорат до той степени, при которой победу может одержать представитель другого политического лагеря.

Четвёртое — индекс «эффективного числа партий»⁴⁷ [193, р. 181], усреднённый за рассматриваемый период. Южный макрорайон выделяется крайне низкими значениями индекса — менее 1,7. Это означает крайне низкую степень фрагментации местного электората — проявление регионализма. Для Севера же, за редкими исключениями, адекватна характеристика, даваемая южнокорейской партийной системе в целом, — «двух-с-половиной партийная».

Обозначенные показатели также отчасти маркируют и особенности некоторых мезорайонов, например, Пусанского, Чеджу, Йондона и Восточного Чхунчхона. Причём по многим из них не фиксируется (почти) никаких различий между наиболее выраженными мезорайонами — Хонамским и Йоннамским. Внутри мезорайонов эти показатели также указывают на проявления некоторых особенностей периферийных или центральных районов, а также ряда под- и микрорайонов (Каннам, Чанхын, Восточный Ульсан, Пояс реки Нактонган, Кванъян и др.).

⁴⁷ Эффективное число партий — индекс, используемый для оценки дробности партийной системы и отражающий уловное количество партий (или кандидатов) с учётом их весов (электоральной поддержки или количества мандатов в законодательном органе). Вариантов расчёта данного индекса множество. В данной работе использована формула, предложенная Г. В. Голосовым:

$$ENP = \sum_{i=1}^n \frac{p_i}{p_i + p_1^2 - p_i^2}, \quad (3)$$

где n — количество партий, p_i — доля поддержки партии i , p_1 — доля поддержки крупнейшей партии i . Значение индекса, близкое к 1, означает почти безальтернативное доминирование одной партии; близкие к 2 — двухпартийность или преобладание поддержки одной партии со значимым участием нескольких миноритарных партий; а более высокие значения — многопартийность и высокую дробность политического спектра.

Приложение Ж

Примеры дифференциации электорального пространства мезорайонов и районов РК по значениям основных факторов, полученных в ходе анализа

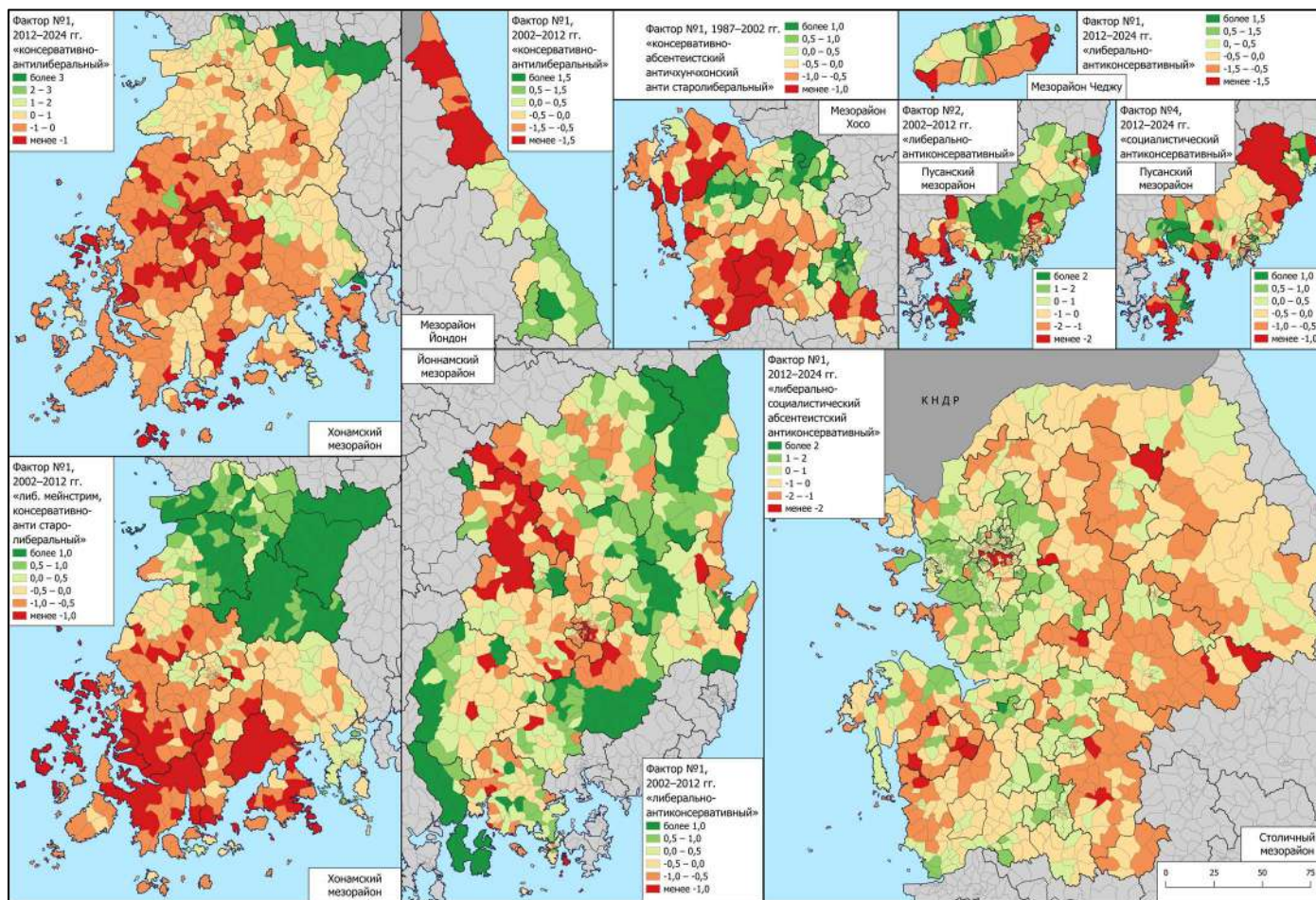

Рисунок Ж.1. — Распределение значений факторов по электоральным мезорайонам и районам, 2016 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Приложение 3

Полимасштабная схема электоральных районов РК

Таблица 3.1 — Список электоральных районов Республики Корея

Макрорайон	Мезорайон	Район	Подрайон	Микрорайон		
				Название	Локация	Тип
Северный	Йондон	Сокчхо				
		Каннын		Центральный Каннын старое городское ядро	포남 1 동	Селитебный Старые центры
				Национальный университет Каннын-Вонджу	경포동제 1 투	Университетский
		Самчхок				
		Тхэбэк				
	Чеджу	Чеджу-Согвипхо		Университет Чеджу	아라동제 1 투	Университетский
		Северный Чеджу		Остров Чхуджа двойная идентичность (Хонам, Чеджу)	추자면	Приграничный
		Южный Чеджу		«Global Education City» район международных школ, много женского электората и выходцев из Каннама	안덕면제 8 투, 대정읍제 12 투	Селитебный Элитный
	Столичный	Большой Каннам	Каннам	Нонхён малоэтажная часть Каннама	논현 1, 2 동	Селитебный Городские деревни
				Чамсиль малоэтажная часть Каннама	잠실본동	Селитебный Городские деревни
				Курён грущоба	개포 1 동제 3 투	Селитебный Городские деревни
				Тэчи элитный район Каннама, «Samsung Tower Palace»	대치 1 동제 1, 2, 5 투, 도곡 2 동제 2, 4 투	Селитебный Элитный
				Сонбок ЖК «LG Village»	성북동제 1, 2, 3 투	Селитебный Элитный
				Сунэ ЖК «Parkview»	수내 3 동제 3 투	Селитебный Элитный
				Куми SNU House, ЖК Больницы CHU	구미동제 4 투	Рекреационный
				Авиабаза Сеул старая малоэтажная застройка	고등동제 3 투, 신촌동, 시흥동, 북정동제 3 투	Смешанный

Макрорайон	Мезорайон	Район	Подрайон	Микрорайон		
				Название	Локация	Тип
Северный	Столичный	Пояс реки Ханган		Янпхён многоэтажный элитный район	목 5 동	Селитебный Элитный
				Кондок центр ночной жизни и развлекательный	공덕동제 7 투	Селитебный Элитный
				Йондынпхо центр ночной жизни и развлекательный	영등포동제 1 투	Селитебный Элитный
				Чаян ЖК «The Classic 500» для пенсионеров	자양제 3 동제 7 투	Рекреационный
				Университет Йонсе	신촌동제 3, 4 투, 연희동제 8, 9 투	Университетский
				Университет Соган	신수동제 3 투	Университетский
				Университет Хоник	서교동제 4, 6 투	Университетский
				Университет Конгук	구의제 1 동제 2 투	Университетский
				Университет Ханян	사근동제 3 투	Университетский
				Университет Тонгук	장충동제 2 투, 필동제 2 투	Университетский
				Женский университет Сукмён	칭파동제 5, 6 투	Университетский Женский
				Женский университет Ихва	신촌동제 2 투	Университетский Женский
		Центральный Сеул		Университет Корё	안암동제 2, 3 투	Университетский
				Университет Сонгюгван	혜화동제 5 투	Университетский
				Университет Кунмин	정릉제 3 동제 1, 4 투	Университетский
				Женский университет Сонсин	동선동제 1, 2, 4 투, 미아동제 3 투	Университетский Женский
				Сеульский женский университет	혜화동제 4 투	Университетский Женский
		Новон				
		Тондэму		Университет Кёнхи	이문제 1 동제 3, 6 투	Университетский
				Университет иностранных языков Хангук	이문제 1 동제 4 투	Университетский
				Женский университет Тондок	월곡제 2 동제 1 투	Университетский Женский
		Ынпхён				
		Тобон				
		Чуннан				

Макрорайон	Мезорайон	Район	Подрайон	Микрорайон		
				Название	Локация	Тип
Северный	Столичный	Сонбук		Сеульский женский университет Сеульский университет науки и технологий	공릉 2 동제 8 투	Университетский
		Кванак		Сеульский национальный университет	서림동, 청룡동제 3 투, 대학동제 1, 2 투	Университетский
		Коян		Чханнын база 60-ой пехотной дивизии ВС РК	창릉동제 6 투	Армейский
				Пэксон база Восьмой маневренной дивизии ВС РК	백석읍제 2 투	Армейский
				Пхёнчхан элитный малоэтажный район	평창동	Селитебный Элитный
				Воллон промышленный комплекс LG Display	월릉면제 4 투	Индустриальный
				Квансан родина Сим Санджон	관산동제 2 투	Персональный
		Намьянджу		Чхунгун деревни в холмах	춘궁동	Селитебный Городские деревни
		Центральный Инчхон		Синхён деревни в холмах	신현동제 3 투	Селитебный Городские деревни
				Унсо «Airport Town»	운서동제 6 투	Селитебный Элитный
				Сондо «Умный город»	송도 1 동제 8 투	Селитебный Элитный
				Университет Инха	용현 1·4 동제 4 투	Университетский
		Инчхон		Намчхон деревни в холмах	남촌도림동제 6 투	Селитебный Городские деревни
				Чансу деревни в холмах	장수서창동제 2 투	Селитебный Городские деревни
				Аэропорт Кимпхо старая малоэтажная застройка	계양 3 동제 2 투, 방화제 2 동제 6 투, 오정동제 5 투	Селитебный Городские деревни
				Комдан «Умный город»	아라동제 10 투	Селитебный Элитный
				Панхва ЖК «VL Le West» для пенсионеров	방화제 1 동제 10 투	Рекреационный
		Канхва		Пэннён база 2-й дивизии морской пехоты ВС РК	백령면제 2 투	Армейский

Макрорайон	Мезорайон	Район	Подрайон	Микрорайон				
				Название	Локация	Тип		
Северный	Столичный	Хвасон						
		Ансан		Чонван промышленный комплекс Сихва	정왕 1 동제 3 투	Индустриальный		
		Соннам						
		Кёнги-Сувон				Ильджик Командование военной разведки РК, база 50-ого батальона боеприпасов	일직동제 5 투	Армейский
						Моккам сельские районы вдоль ручья Моккамчхон	학은동제 1, 2 투, 광명 6 동제 4 투, 과림동, 대야동제 5 투	Селитебный Городские деревни
						Аэропорт Суводна старая малоэтажная застройка	곡선동제 7 투	Селитебный Городские деревни
						Инге развлекательный центр и центр ночной жизни	인계동제 6 투	Селитебный Элитный
						Йонтхон Цифровой город Samsung	영통 3 동제 1, 4 투, 매탄 3 동제 7 투	Индустриальный
						Кихын общежития сотрудников Samsung Electronics	서농동제 1, 3, 4 투	Индустриальный
						Йондон ЖК «Samsung Noble County» для пенсионеров	영덕 2 동제 1 투	Рекреационный
						Тонбэк ЖК «Spring County Xi» для пенсионеров	동백 3 동제 4 투	Рекреационный
						Университет Сонгюгван	울천동제 1, 3 투	Университетский
						Университет Аджу	원천동제 2, 4 투	Университетский
		Университет Кёнги	광고 1 동제 8 투	Университетский				
		Юг Кёнгидо				Военный аэродром Пхогок	포곡읍제 5 투	Армейский
						Пхосын промышленный комплекс и порт Пхёнхэк-Танджин	포승읍제 4 투	Индустриальный
		Южный Канвон				Синдон СЭЗ Канвондо	신동읍	Индустриальный

Макрорайон	Мезорайон	Район	Подрайон	Микрорайон		
				Название	Локация	Тип
Северный	Столичный	Северный Канвон		Янгу базы «Дивизии Пэктусан» (21-й пехотной дивизии) и Инженерного батальона Второй дивизии ВС РК	양구읍제 3 투	Армейский
				Куннам базы Первого и Второго батальонов 35-й пехотной бригады, 273 и 977-ого артиллерийских батальонов	군남면제 5 투	Армейский
				Йончхон базы 228, 822 и 999-ого артиллерийских батальонов ВС РК	연천읍제 3 투	Армейский
				Хвачхон база «Дивизии Победы» (15-й пехотной дивизии ВС РК)	화천읍제 2 투	Армейский
				Кирон штаб Третьего армейского корпуса ВС РК	기린면제 6 투	Армейский
				Саннам база 53-ого батальона боеприпасов	상남면제 1 투	Армейский
				Сохва базы подразделений 12-й пехотной дивизии, артиллерийского отряд 52-й пехотной бригады и 877-ого артиллерийского батальона ВС РК	서화면제 1, 2 투	Армейский
				Чхорвон база 27-й артиллерийского батальона ВС РК	철원읍제 2 투	Армейский
				Сомён база «Дивизии Белого Черепа» (3-й пехотной дивизии ВС РК)	서면제 1 투	Армейский
				Сансо базы подразделений 15-й пехотной дивизии «Сынни», Пятой пехотной дивизии, Первого батальона Третьей пехотной бригады, 100, 239, 251, 365, 855-ого артиллерийских батальонов ВС РК	상서면제 1, 4 투	Армейский
Хэан переселенцы из Йоннама и военная база	해안면	Армейский				

Макрорайон	Мезорайон	Район	Подрайон	Микрорайон		
				Название	Локация	Тип
Северный	Столичный	Внутренняя периферия		Чоджон базы Столичной механизированной пехотной дивизии ВС РК	조종면제 3 투	Армейский
				Мугон танковый полигон	적성면제 1 투	Армейский
		Чхунчхон-Почхон		Наммён Центр научных боевых учений ВС РК	남면제 2 투	Армейский
				Пукбан база «Хваран Пудэ» (11-й маневренной дивизии ВС РК)	북방면제 1 투, 흥천읍제 12 투	Армейский
				Университет Канвон	효자 2 동제 3,4 투, 석사동제 3 투	Университетский
		Северо-восточный Чхунчхон		Сочхо база 8-ого истребительного авиакрыла ВВС РК	소초면제 4 투	Армейский
	Восточный Чхунчхон 1987–2012	Чечхон-Вонджу		Центральный Вонджу старое городское ядро	중앙동	Селитебный Старые центры
				Центральный Чечхон старое городское ядро	남현동	Селитебный Старые центры
		Чхонджу		Центральный Чхонджу старое городское ядро	탑·대성동	Селитебный Старые центры
				Покдэ Промышленный комплекс SK Hynix	복대 1 동제 10, 12 투, 봉명 2·송정동제 4 투	Индустриальный
				Университет Чхунбук	사창동제 1 투	Университетский
		Центральный Чхунчхон		Очхан Промышленный комплекс Wonik Materials	오창읍제 11, 12 투	Индустриальный
				Осон «Биополис»	오송읍제 8 투	Индустриальный
		Восточный Чхунчхон	Йондон			
		Южный	Хосо 1987–2012	Внутренний Чхунчхон	Йесан	
					Нэпхо «Новый город»	삼교읍, 흥북읍

Макрорайон	Мезорайон	Район	Подрайон	Микрорайон		
				Название	Локация	Тип
Южный	Хосо 1987–2012	Южный Чхунчхон	Нонсан			
			Пуё			
				Керён родина Чон Джинсока и Чон Сокмо	계룡면	Персональный
				Панпхо родина Син Дэпхёна	반포면	Персональный
				Намиль граница с Хонамом	남일면	Приграничный
				Чанхан граница с Кунсаном (Хонам)	장항읍	Приграничный
				Кангён граница с Хонамом	강경읍	Приграничный
		Йонму граница с Хонамом крупнейший учебный центр ВС РК, родина Ан Хиджона		연무읍	Смешанный	
		Северный Чхунчхон	Авиабаза Сосан	고북면제 2 투	Армейский	
			Центральный Сосан старое городское ядро	동문동	Селитебный Старые центры	
			Ымбон промышленный комплекс «Asan Smart Valley»	음봉면제 7 투	Индустриальный	
			Тханджон Промышленный комплекс Samsung	탕정면제 3 투	Индустриальный	
			Инджу промышленный комплекс Hyundai Motor	인주면제 3 투	Индустриальный	
			Тэсан промышленный комплекс	대산읍제 4 투	Индустриальный	
		Тэджон				
		Тэдок		Чаундэ интегрированный комплекс военных учебных заведений ВС РК	신성동제 1 투	Армейский
				Синдоан/Керёндэ интегрированный штаб Сухопутных войск, ВМС и ВВС РК	신도안면제 1, 2 투	Армейский

Макрорайон	Мезорайон	Район	Подрайон	Микрорайон			
				Название	Локация	Тип	
Южный	Хосо 1987–2012	Тэдок		Чонмин Научный парк Тэдок («Daedeok Innopolis»)	전민동제 2 투	Индустриальный	
				Университет Чхуннам	온천 2 동제 3 투	Университетский	
				KAIST Корейский институт передовых технологий	만년동제 1 투, 신성동제 3 투	Университетский	
				Национальный университет Ханбат	학하동제 3 투	Университетский	
				Университет Ханнам	중리동제 3 투	Университетский	
		Чхонан- Конджу		Университет Конджу	신관동제 2 투	Университетский	
				Пэбан элитный квартал, офистели, Национальный институт специального образования	배방읍제 7, 20 투	Селитебный Элитный	
				Пусон Инвестиционное жильё «Daelim Acrotel Cheonan Dajeong», элитный квартал	부성 2 동제 4, 9 투, 성정 2 동제 6 투	Селитебный Элитный	
				Ссанён ЖК «Ssangyong Park Valley Dongil Highvill»	쌍용 3 동제 6 투	Селитебный Элитный	
				Седжон	Седжонский кампус Университета Корё	조치원읍제 7 투	Университетский
	Хонам	Западный Хонам					
		Чонджу- Кунсан		Оксо Промышленный комплес Кунсана	옥서면, 소룡동제 5 투	Индустриальный	
				Кымма Промышленный комплекс Иксана	금마면제 1 투	Индустриальный	
				Пондон Промышленный комплекс Ванджу, с конца 1990-х гг.	삼례읍제 4 투, 봉동읍제 3 투	Индустриальный	
				Пхальбок Промышленный комплекс Чонджу	팔복동제 3 투	Индустриальный	
				Университет Вонгван	신동제 1 투	Университетский	
				Университет Чонбук	금암동제 1, 2 투, 덕진동제 1 투, 효자 5 동제 2 투	Университетский	
	Кунсанский национальный университет	나운 3 동제 4 투	Университетский				

Макрорайон	Мезорайон	Район	Подрайон	Микрорайон		
				Название	Локация	Тип
Южный	Хонам	Северо-восточный Хонам	Муджу			
				Чанхын		
		Центральный Хонам		Самге крупный военный образовательный комплекс Сухопутных войск РК («Санмудэ»), с 1994 г.	삼계면제 2 투 до 1994 г. в 치평동	Армейский
				Ханбит АЭС, с конца 1980-х гг.	홍농읍제 5 투	Индустриальный
				Кочхан «Wellpark City» — крупнейший в стране комплекс для пенсионеров	고창읍제 5 투	Рекреационный
		Залив Квангъян		Кымхо промышленный комплекс POSCO	광양시 금호동제 3 투, 골약동 и мб 태금면	Индустриальный
				Ипмён промышленный комплекс Kumho Tire	입면	Индустриальный
				Моксадон родина Ли Джонхёна	목사동면, 주암면	Персональный
				Куре граница с Хадоном (Йоннам)	구례군	Приграничный
				Сунчхонский национальный университет	삼산동제 1 투	Университетский
		Кванджу		Понсон «Каннам Кванджу»	봉선 2 동제 5 투	Селитебный Элитный
				Чхондан промышленный комплекс Samsung	침단 1 동제 5 투, 침단 2 동제 2 투	Индустриальный
				Университет Чосон	지산 1 동, 서남동제 1 투, 학동제 2 투, 동명동제 1 투, 충장동제 2 투	Университетский
				Национальный педагогический университет Кванджу	풍향동제 1 투	Университетский
				Университет Чоннам	용봉동제 4 투, 중흥동제 2, 4 투	Университетский
		Западный Кванджу-Наджу		Питкарам «Новый город», с 2014 г.	빛가람동제 1 투	Селитебный Молодые города

Макрорайон	Мезорайон	Район	Подрайон	Микрорайон			
				Название	Локация	Тип	
Южный	Хонам	Мокпхо		Намак «Новый город» (с 2005 г.)	부주동제 4 투	Селитебный Молодые города	
		Юго-западный Хонам		Хаьй Ким Дэджун	하의면	Персональный	
				Посон	노동면, 미력면, 득량면제 1 투, отчасти 보성읍	Сложный случай: возможно, часть подрайона Чанхын	
				Остров Сорок лепрозорий	도양읍제 4 투	Рекреационный	
	Пусанский	Восточный Ульсан					
		Центральный Ульсан					
		Ульчу					
		Киджан		Чанан промышленный комплекс	장안읍제 6 투	Индустриальный	
				Чхонбугё компактное проживание членов секты	기장읍제 12 투	Религиозный	
		Пусанджин		Пуджон центр ночной жизни	부전제 2 동제 2 투	Селитебный Элитный	
				Университет Тоньй	가야제 1 동제 6 투	Университетский	
		Хэундэ		Камман Командование военных перевозок ВС РК	감만제 1 동제 1 투	Армейский	
				Намчхон ЖК «Samick Beach Town», «пусанский Каннам»	남천 2 동	Селитебный Элитный	
				Сонджон ЖК «VL Lhoug» для пенсионеров	송정동제 1 투	Рекреационный	
				Университет Пугён	대연제 3 동제 1 투	Университетский	
				Пусанский университет	장전제 1 동제 1, 2 투	Университетский	
				Технологический университет Тоньй	전포제 2 동제 2 투	Университетский	
				Пусанский женский университет	양정제 2 동제 4 투	Университетский Женский	

Макрорайон	Мезорайон	Район	Подрайон	Микрорайон			
				Название	Локация	Тип	
Южный	Пусанский	Центральный Пусан		Чунан	중앙동제 2 투	Селитебный Элитный	
				Университет Тона	서대신제 4 동제 1 투, 동대신제 3 동제 1 투	Университетский	
		Чханвон и Кодже	Окпхо Сонсан		Военно-морская база Чинхэ	충무동제 2 투	Армейский
					Понха родина Но Мухёна	진영읍제 4, 5, 6 투	Персональный
					Аэропорт Кимхэ старая малоэтажная застройка	대저 2 동제 2, 3 투	Селитебный Городские деревни
		Пояс реки Нактонган			Университет Тонсо	주례제 2 동제 1, 2, 3 투	Университетский
					Чанмок родина Ким Ёнсама	장목면제 2 투	Персональный
					Пхунчхон новый провинциальный столичный комплекс	풍천면제 4 투	Селитебный Молодые города
					Йеан родина Ли Джэмёна	예안면제 2 투	Персональный
		Йоннам	Северный Йоннам		Национальный университет Кёнгук	용상동제 8 투	Университетский
	Металлургический завод Youngroong				석포면	Индустриальный	
	Кымгансон компактное проживание членов секты Тольнара				금강송면제 1 투	Религиозный	
	Северо- восточный Йоннам				Чечхоль промышленный комплекс POSCO	제철동, 효자동	Индустриальный
					POSTECH Пхоханский университет науки и технологий	흥해읍제 15 투	Университетский
	Пхохан				Промышленный комплекс Куми	양포동, 신동읍	Индустриальный
					Сокчок Промышленный комплекс	석적읍	Индустриальный
	Куми				Чинми Промышленный комплекс Samsung	진미동제 1 투	Индустриальный

Макрорайон	Мезорайон	Район	Подрайон	Микрорайон		
				Название	Локация	Тип
Южный	Йоннам	Центральный Тэгу				
		Тэгу		Ханмаым компактное проживание членов секты Синчхонджи	성당동제 2 투	Религиозный
				Синдан университет Кемён, промышленный комплекс Samsung	신당동제 2, 3, 7 투	Смешанный Университетский + Индустриальный
				Университет Кёнбук	산격 3 동제 1 투	Университетский
		Центральный Йоннам		Юльгок «Новый город»	울곡동제 4 투	Селитебный Молодые города
		Кёнджу				
		Западный Йоннам				
		Внутренний Йоннам				
		Южный Йоннам		Национальный университет Кёнсан	가호동제 2 투	Университетский
		Хадон		Кымсон граница с Куре и Кваньяном (Хонам)	화개면, 청암면, 금성면	Приграничный

Источник: составлено автором

Приложение И

Характерные особенности некоторых под- и микрорайонов РК

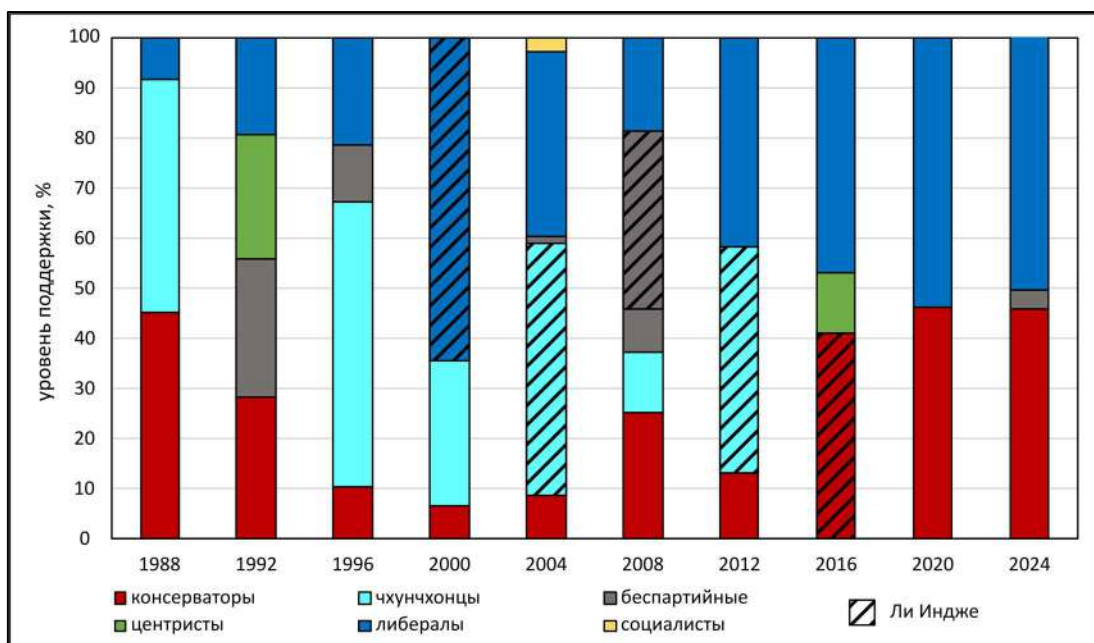

Рисунок И.1. — Динамика поддержки политических лагерей в Нонсане на парламентских выборах.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

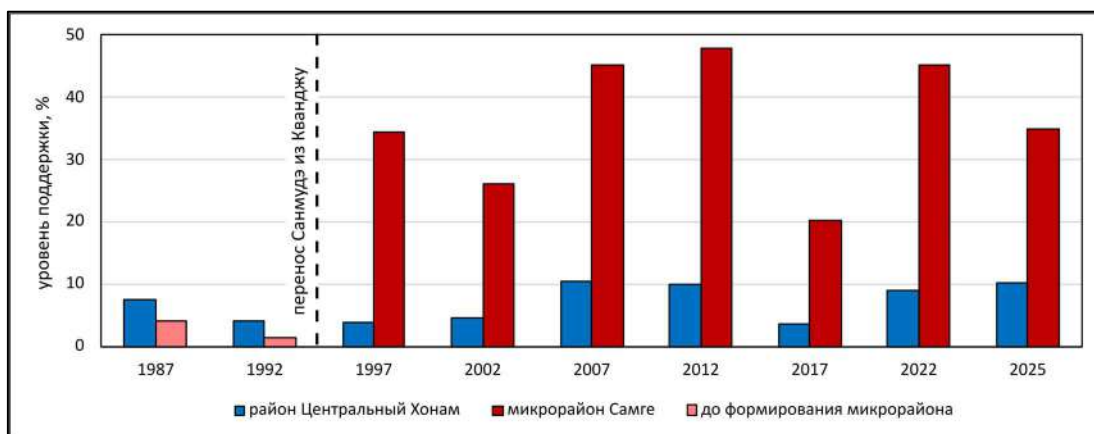

Рисунок И.2. — Динамика поддержки консерваторов в Самге и Центр. Хонаме на президентских выборах.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

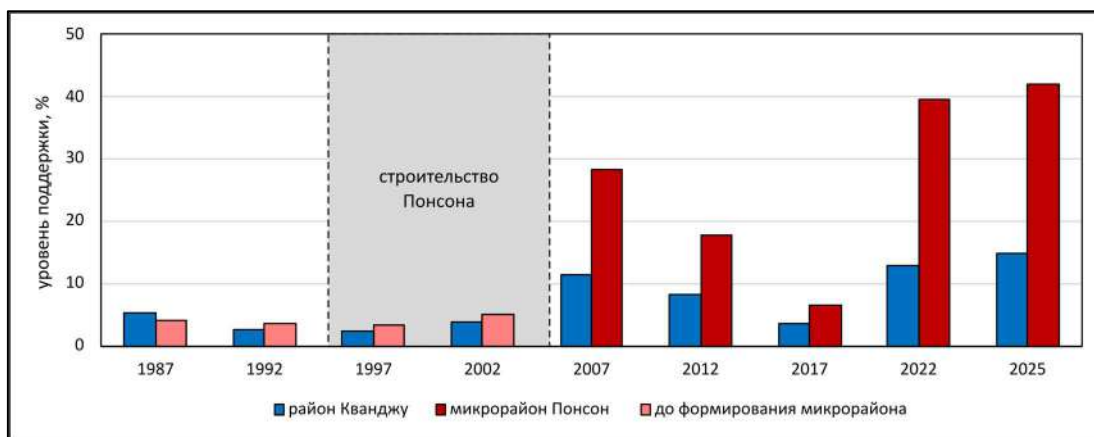

Рисунок И.3. — Динамика поддержки консерваторов в Понсоне и Кванджу на президентских выборах.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Приложение К

Картосхемы результатов выборов в РК⁴⁸

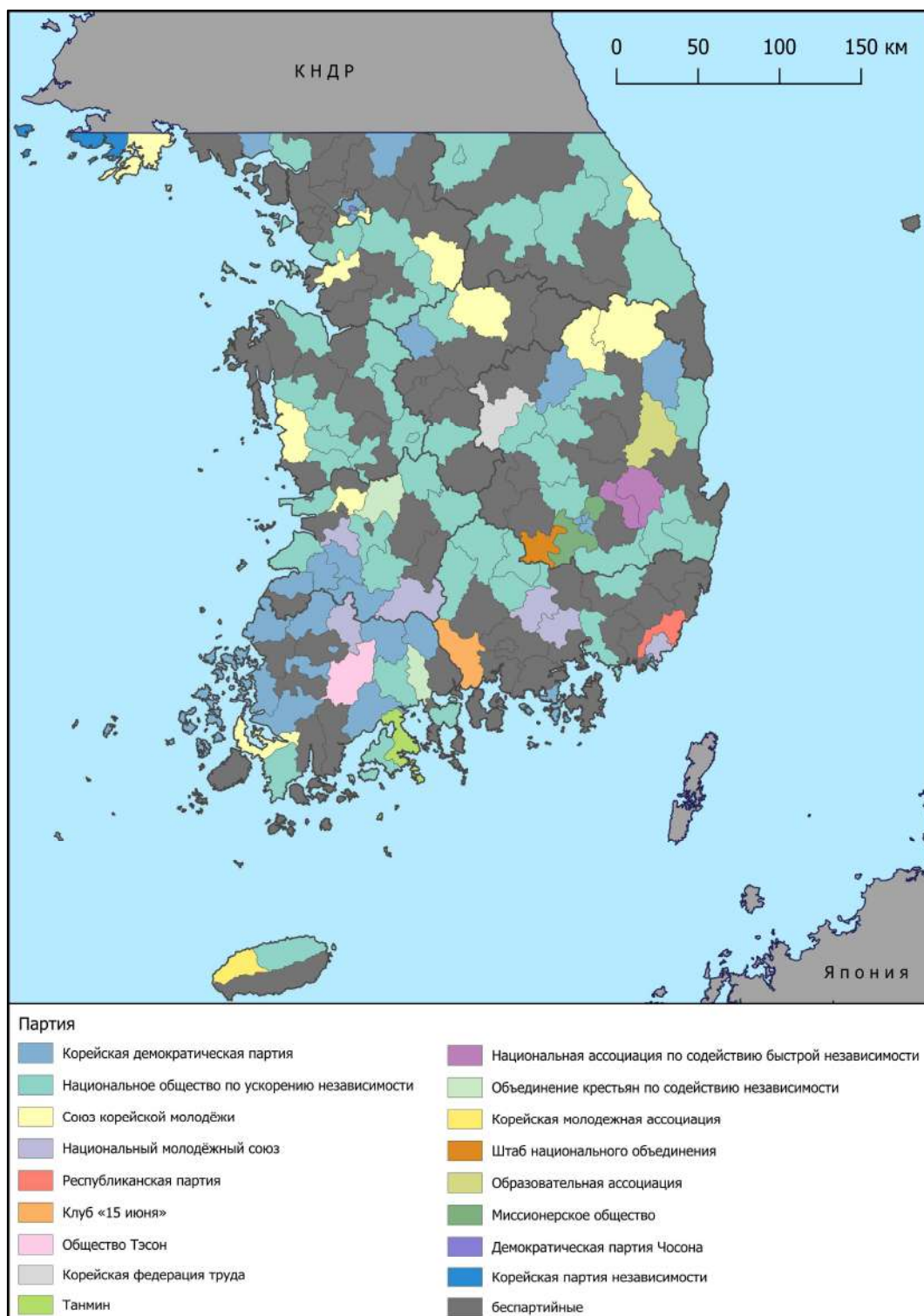

Рисунок К.1. — Результаты парламентских выборов 1948 г.

Источник: составлено автором по данным НЕС [340]

⁴⁸ Для избежания избыточного объёма приложений результаты выборов даны в территориальном разрезе (III уровень административного деления) по победившим партиям и кандидатам. Отдельные картосхемы с географией поддержки каждой политической силы не приведены, как и подробные картосхемы результатов региональных и местных выборов (приведены лишь губернаторские и мэрские).

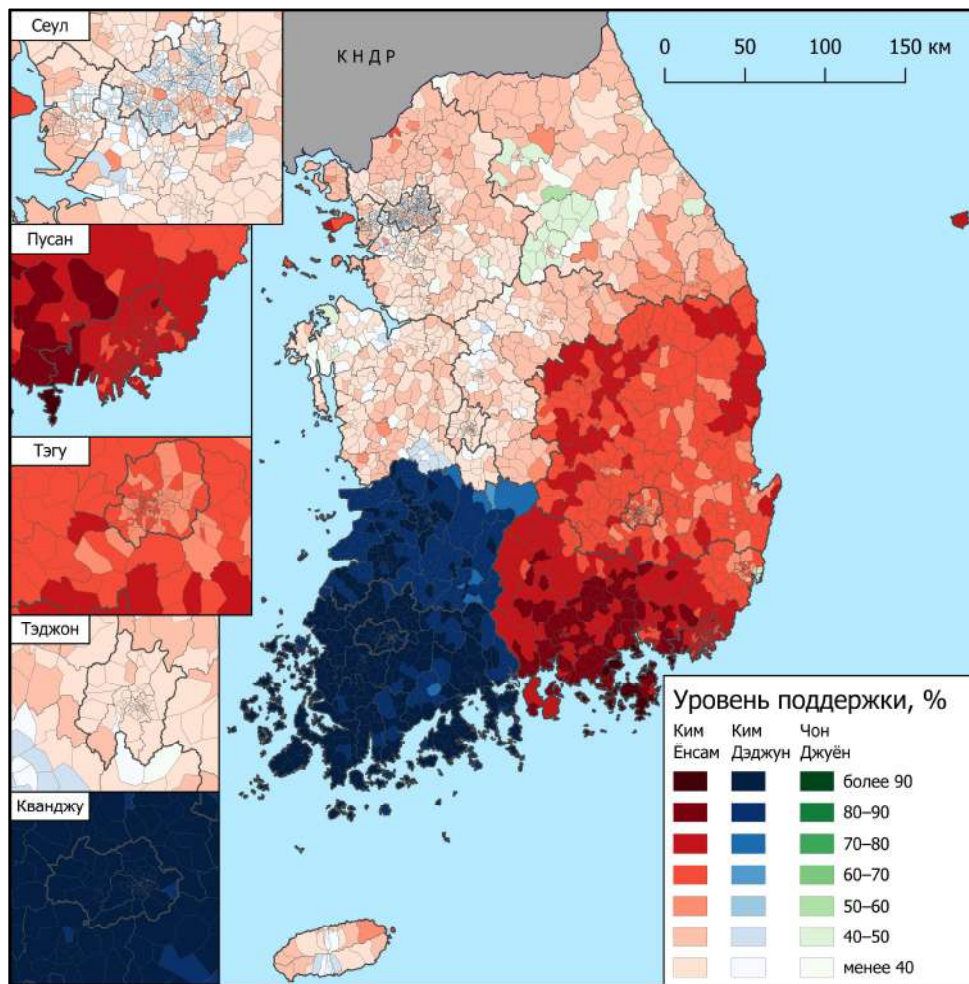

Рисунок К.2. — Результаты президентских выборов 1992 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

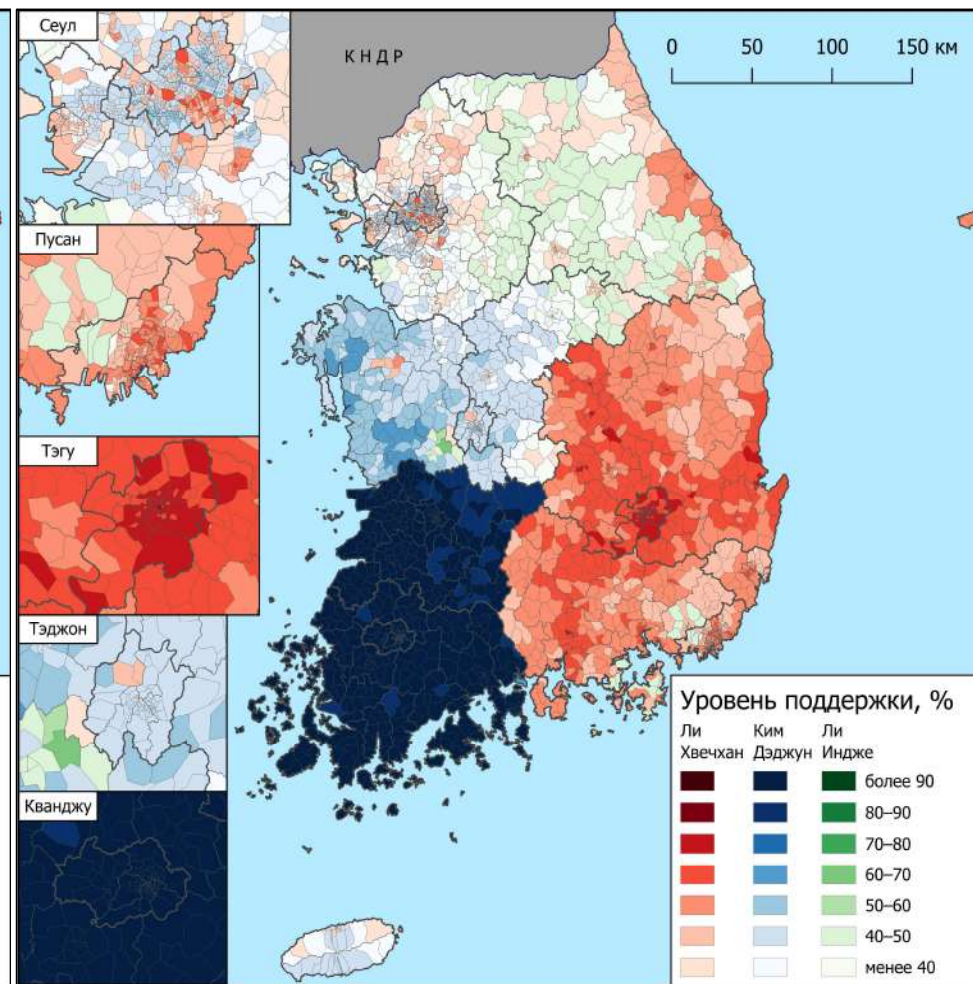

Рисунок К.3. — Результаты президентских выборов 1997 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

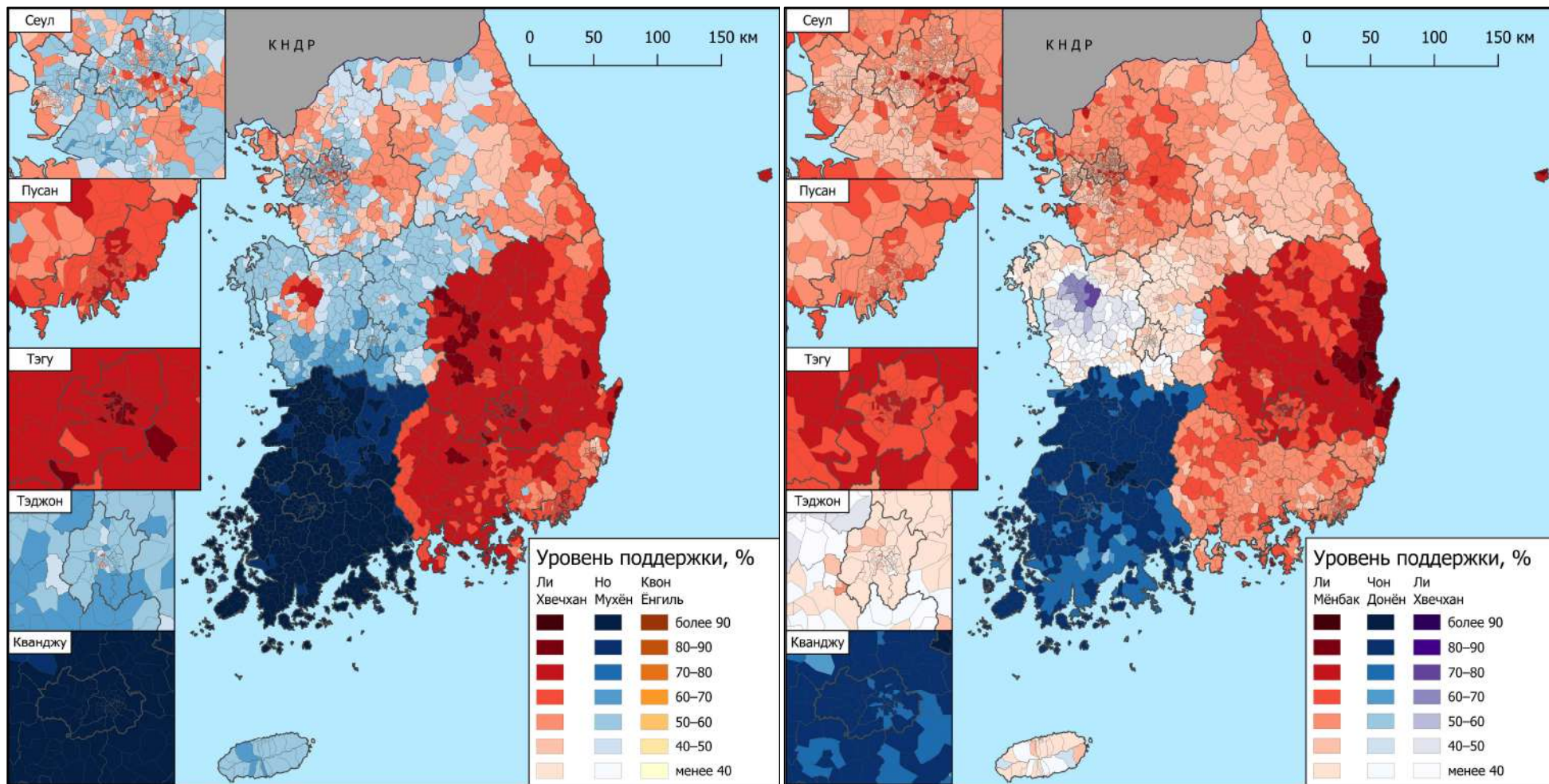

Рисунок К.4. — Результаты президентских выборов 2002 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Рисунок К.5. — Результаты президентских выборов 2007 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

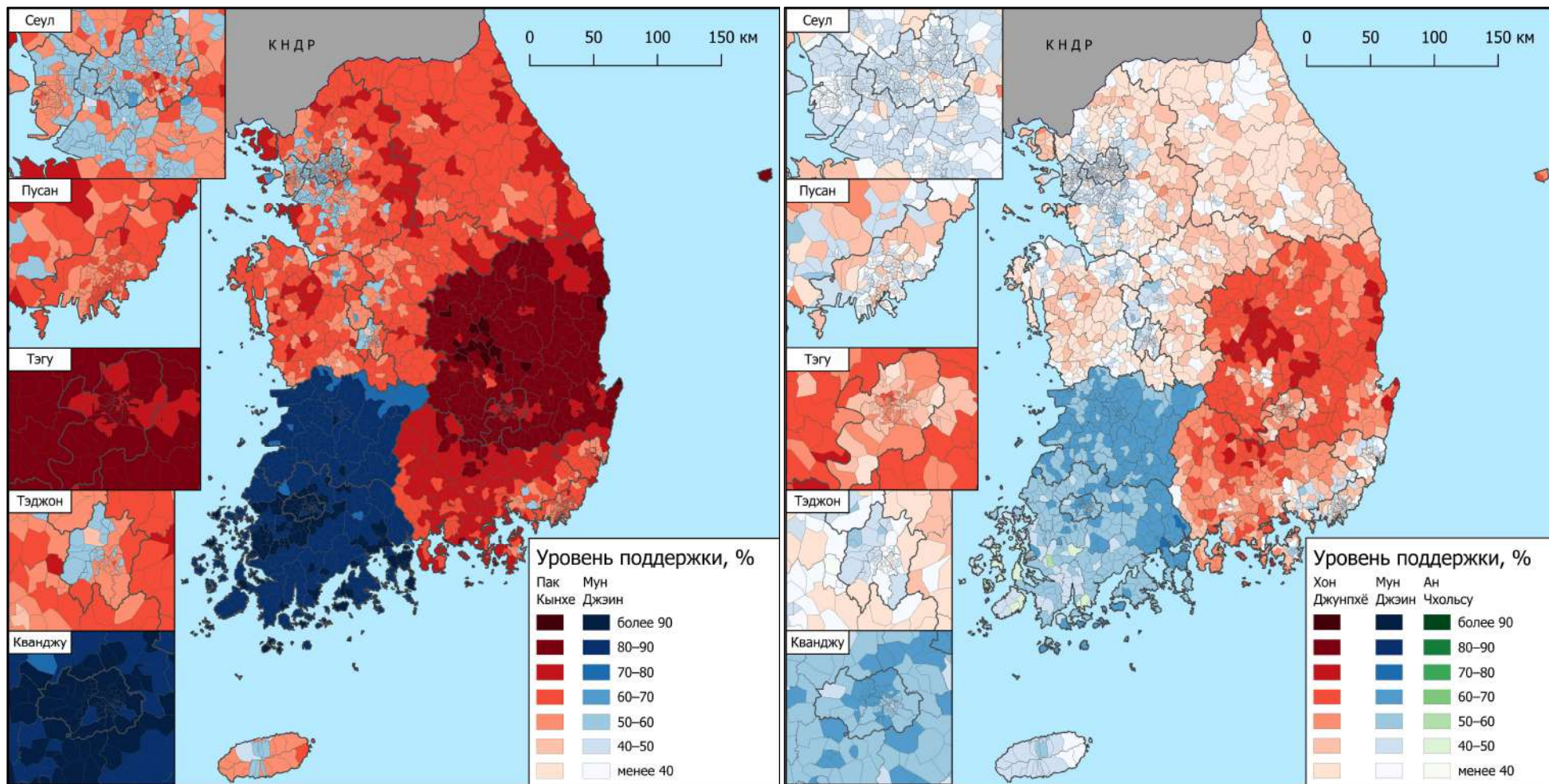

Рисунок К.6. — Результаты президентских выборов 2012 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Рисунок К.7. — Результаты президентских выборов 2017 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

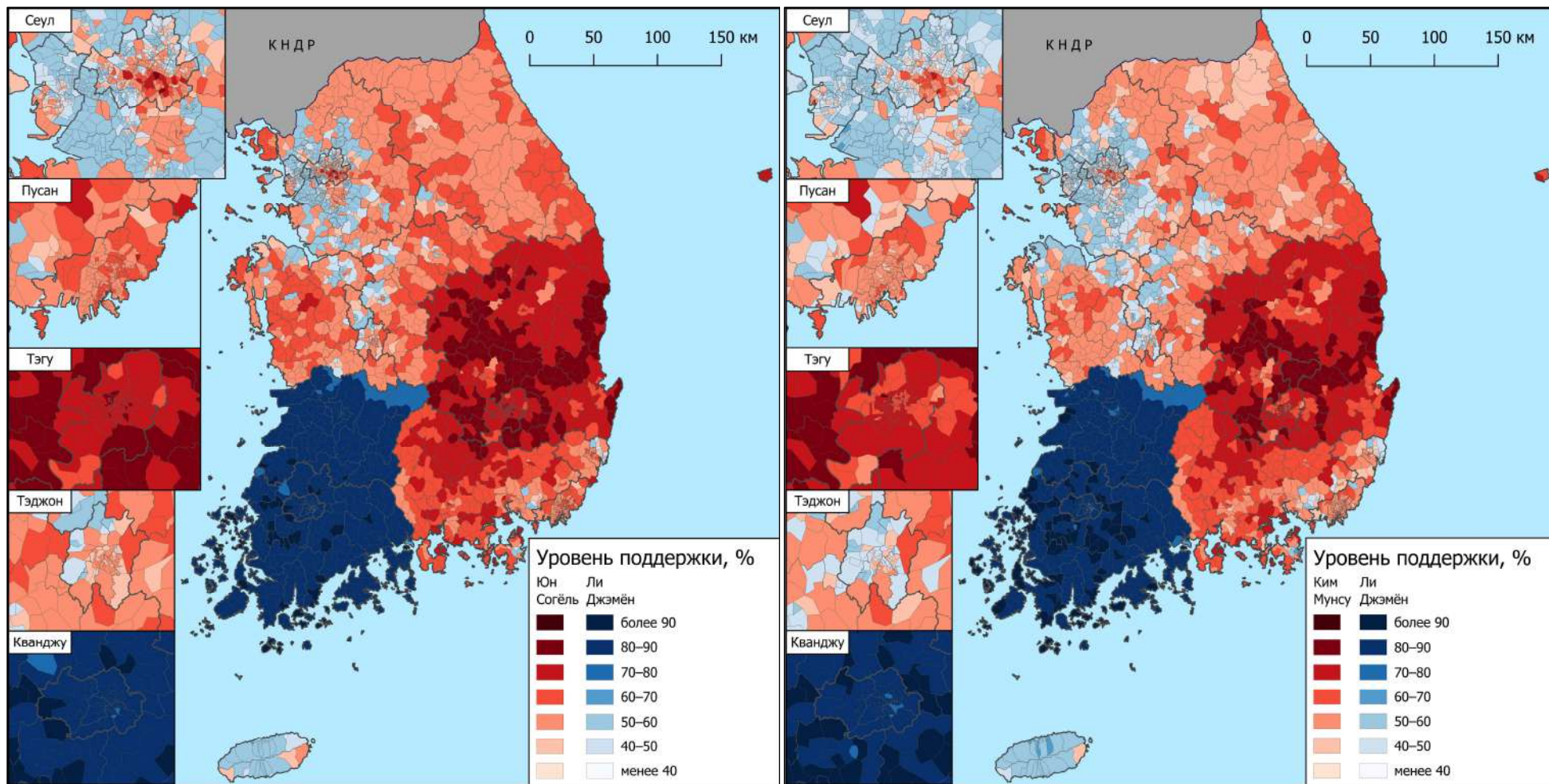

Рисунок К.8. — Результаты президентских выборов 2022 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Рисунок К.9. — Результаты президентских выборов 2025 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

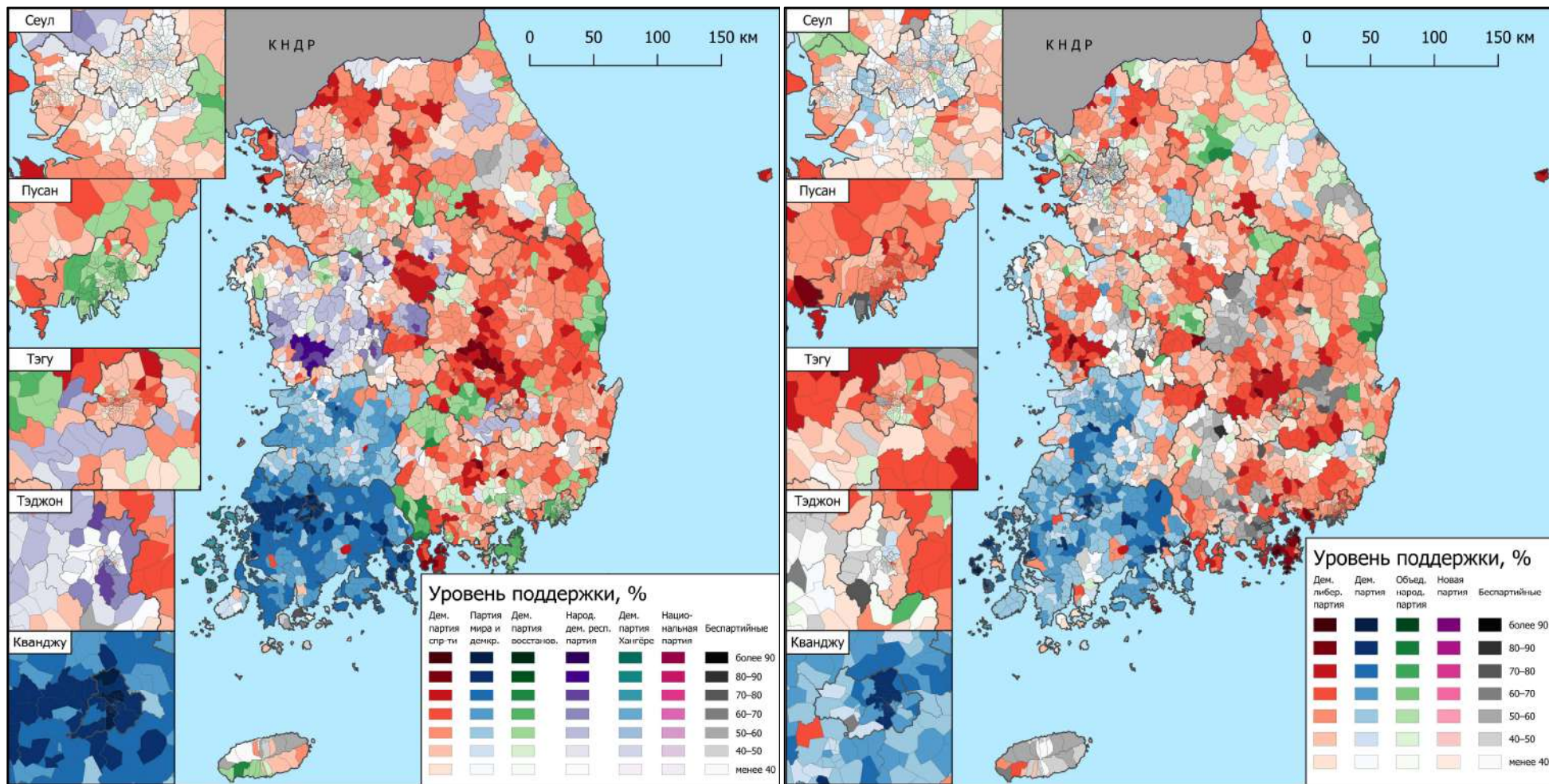

Рисунок К.10. — Результаты парламентских выборов 1988 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Рисунок К.11. — Результаты парламентских выборов 1992 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

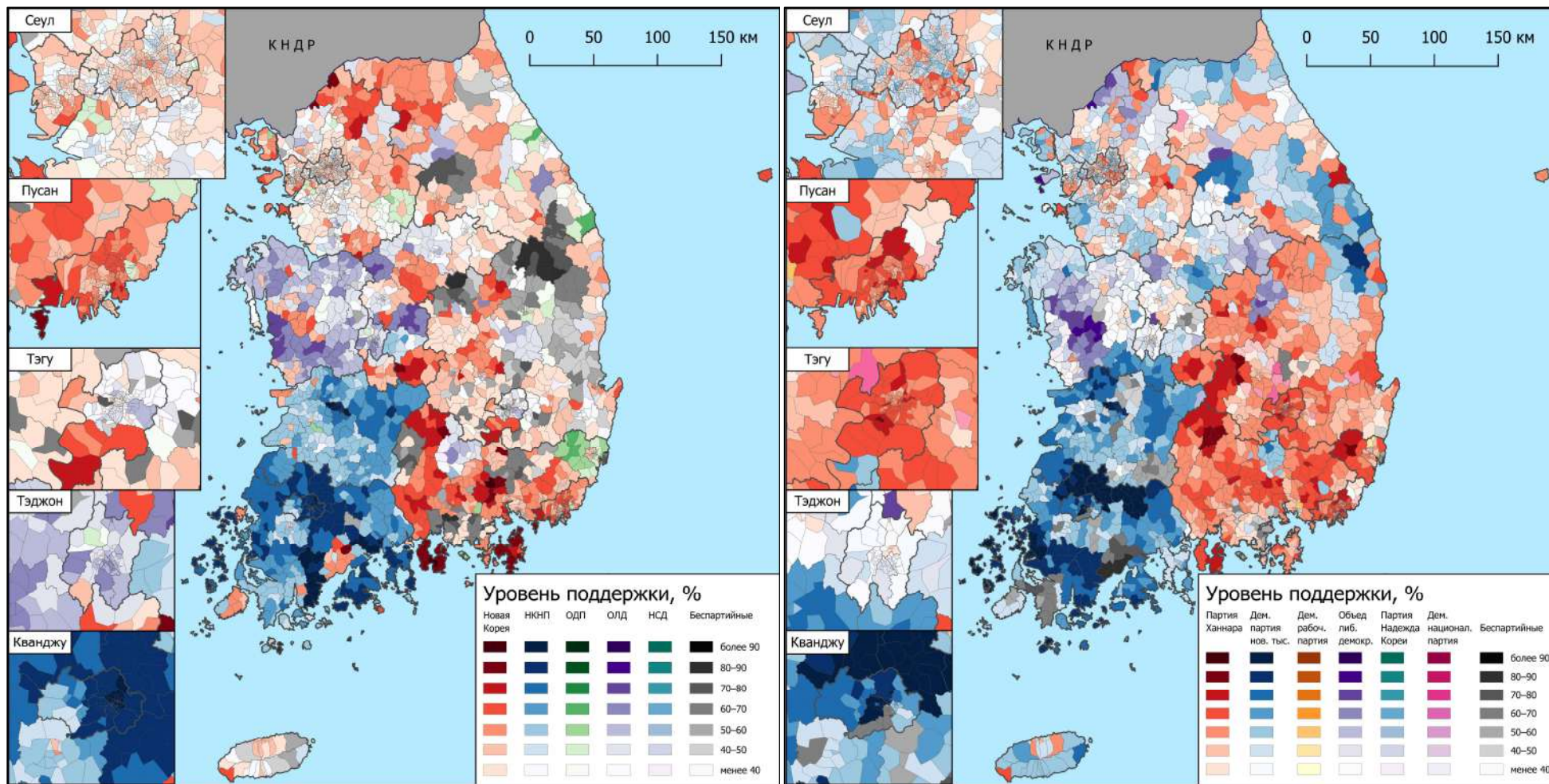

Рисунок К.12. — Результаты парламентских выборов 1996 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Рисунок К.13. — Результаты парламентских выборов 2000 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

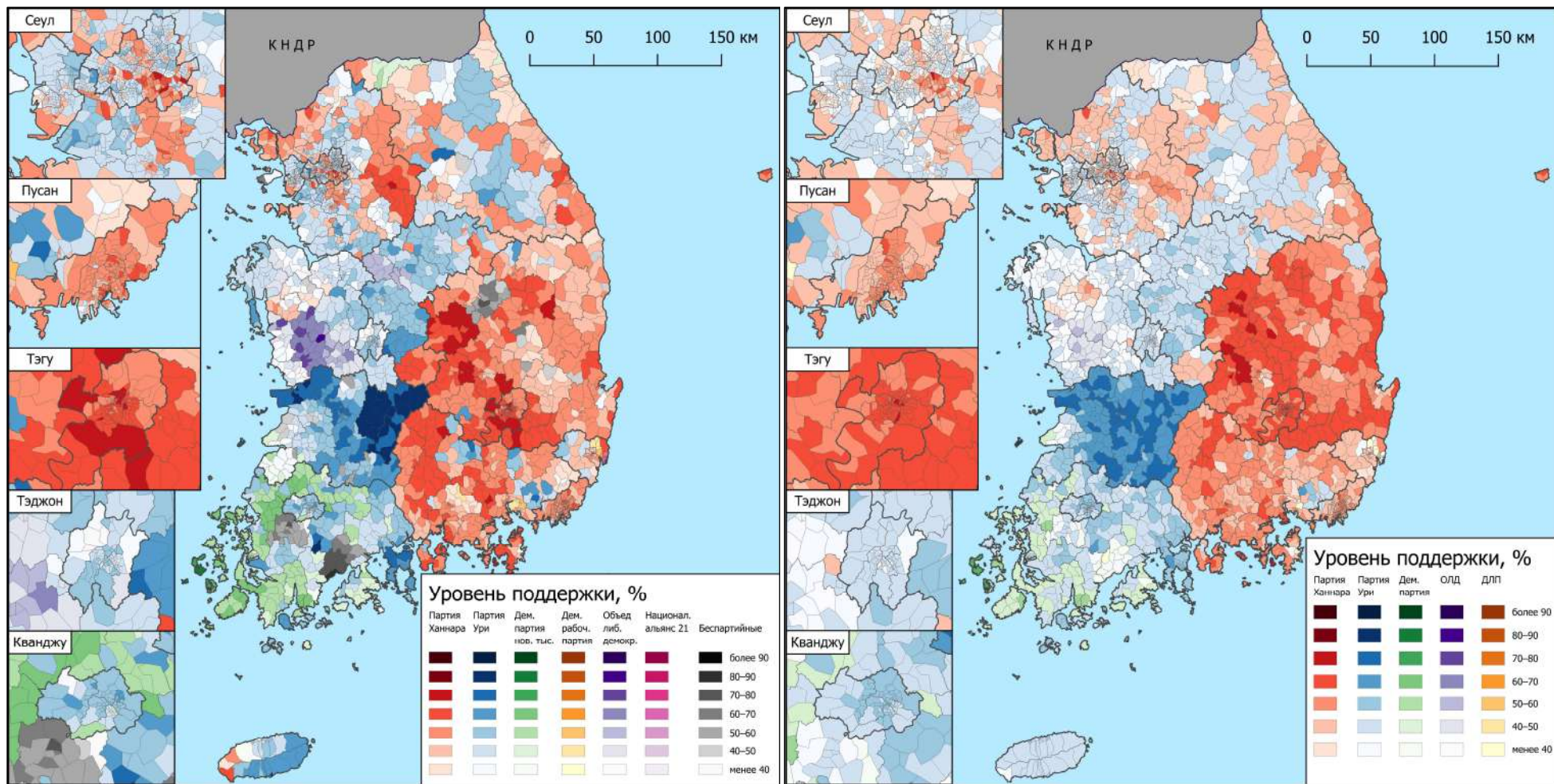

Рисунок К.14. — Результаты парламентских выборов 2004 г. (изб. округа)

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Рисунок К.15. — Результаты парламентских выборов 2004 г. (партийные списки)

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

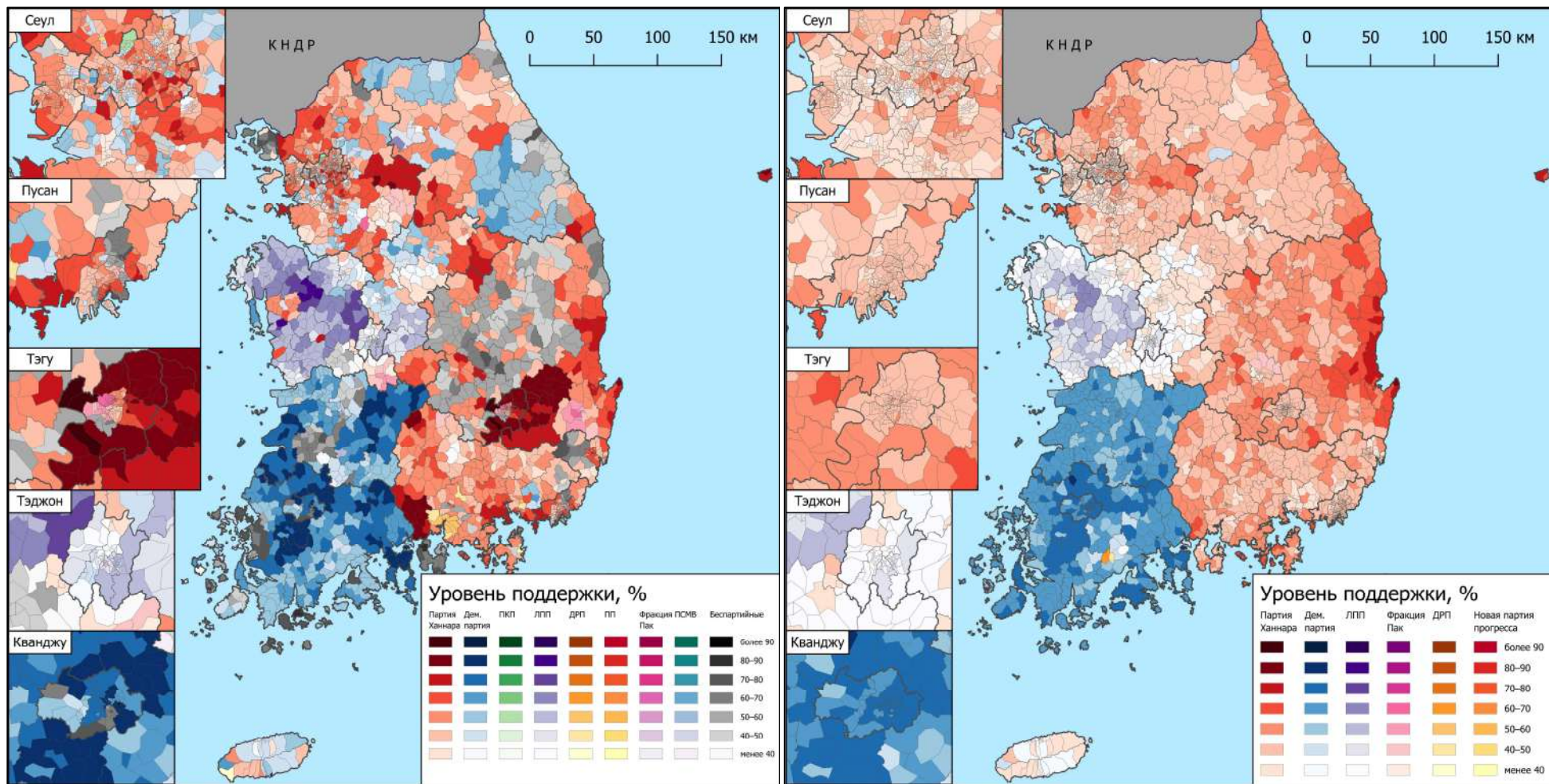

Рисунок К.16. — Результаты парламентских выборов 2008 г. (изб. округа)

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Рисунок К.17. — Результаты парламентских выборов 2008 г. (партийные списки)

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

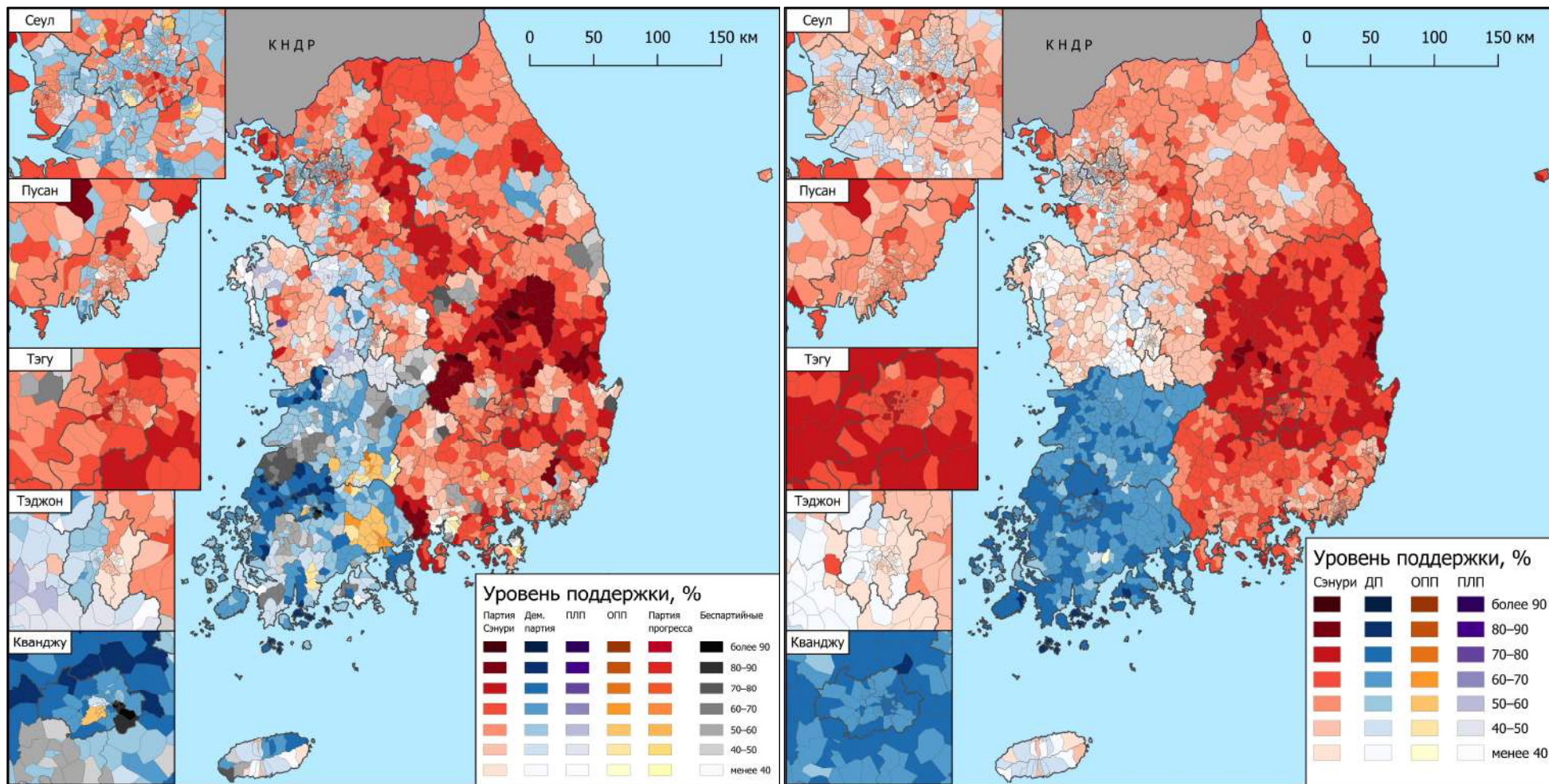

Рисунок К.18. — Результаты парламентских выборов 2012 г. (изб. округа)

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Рисунок К.19. — Результаты парламентских выборов 2012 г. (партийные списки)

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

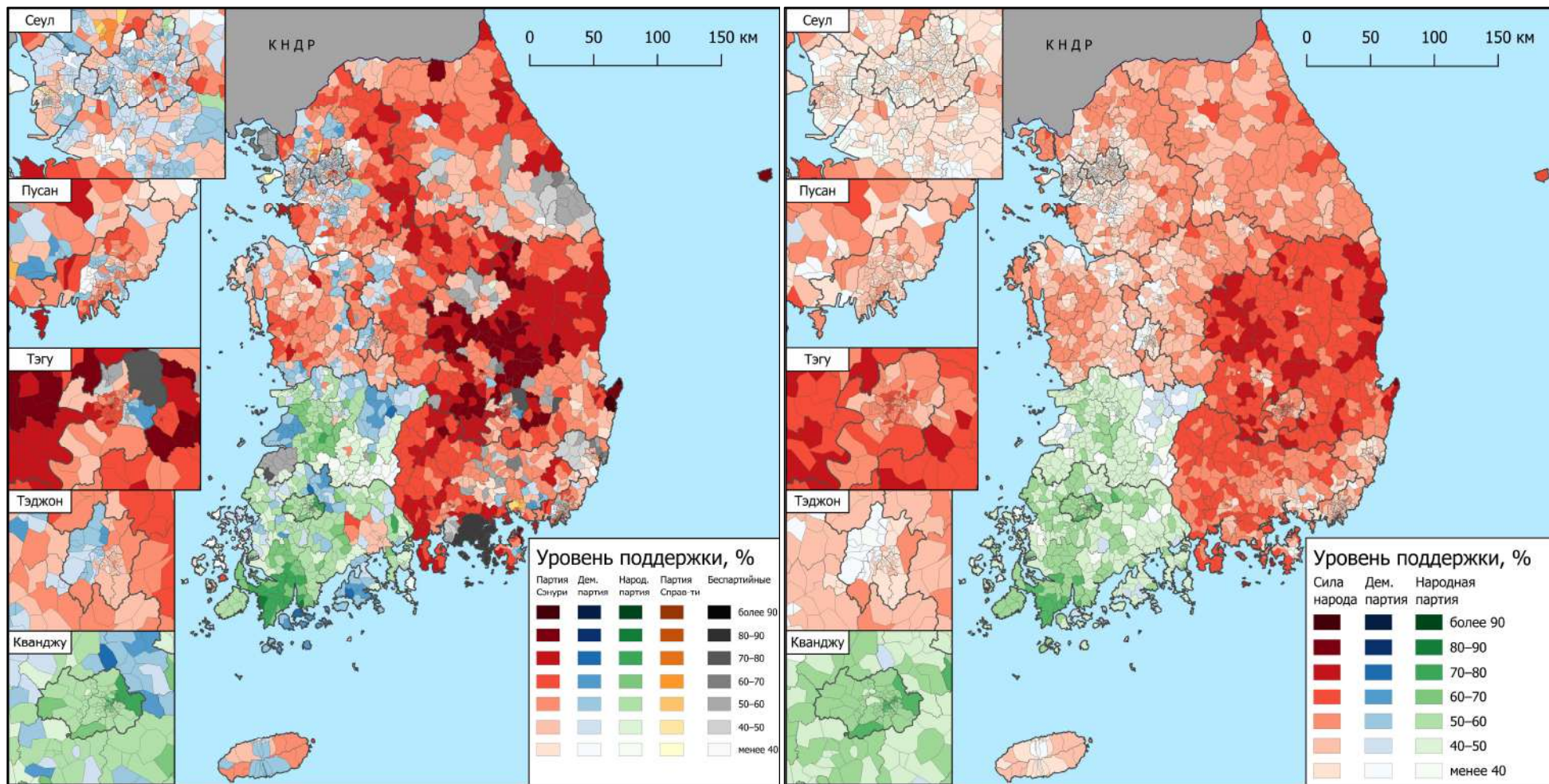

Рисунок К.20. — Результаты парламентских выборов 2016 г. (изб. округа)

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Рисунок К.21. — Результаты парламентских выборов 2016 г. (партийные списки)

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

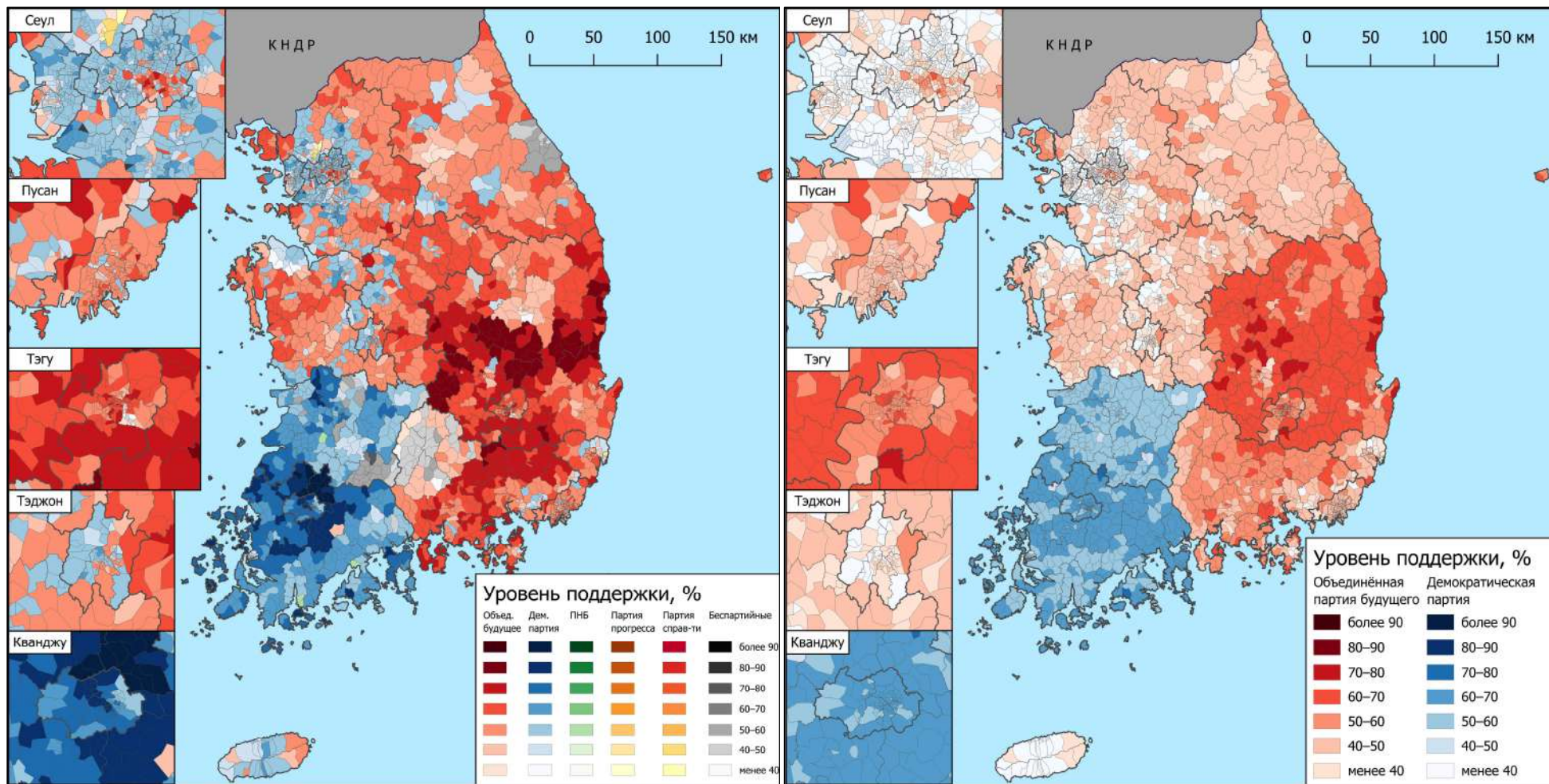

Рисунок К.22. — Результаты парламентских выборов 2020 г. (изб. округа)

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Рисунок К.23. — Результаты парламентских выборов 2020 г. (партийные списки)

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

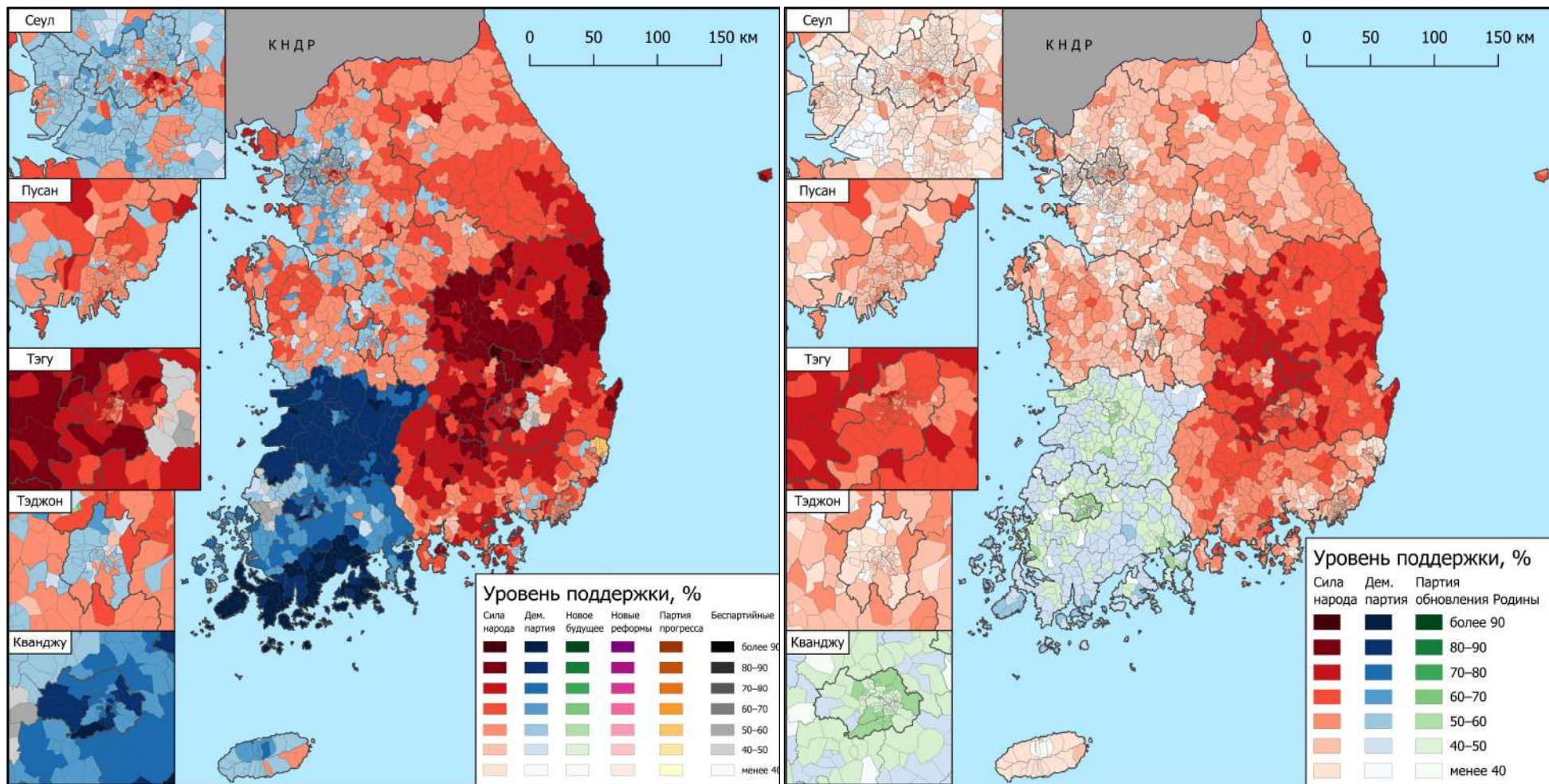

Рисунок К.24. — Результаты парламентских выборов 2024 г. (изб. округа)

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Рисунок К.25. — Результаты парламентских выборов 2024 г. (партийные списки)

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

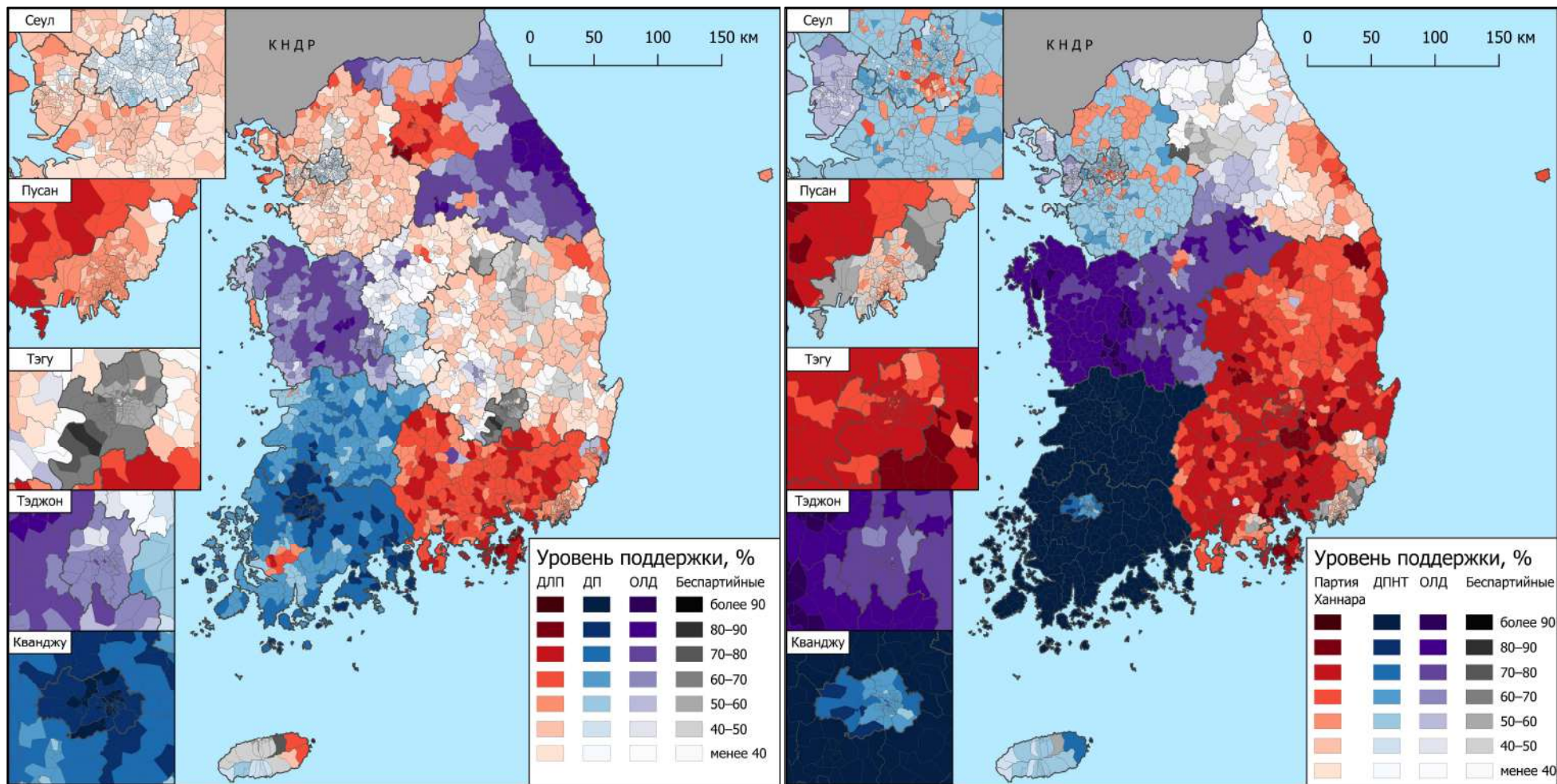

Рисунок К.26. — Результаты региональных (губернаторских) выборов 1995 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Рисунок К.27. — Результаты региональных (губернаторских) выборов 1998 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

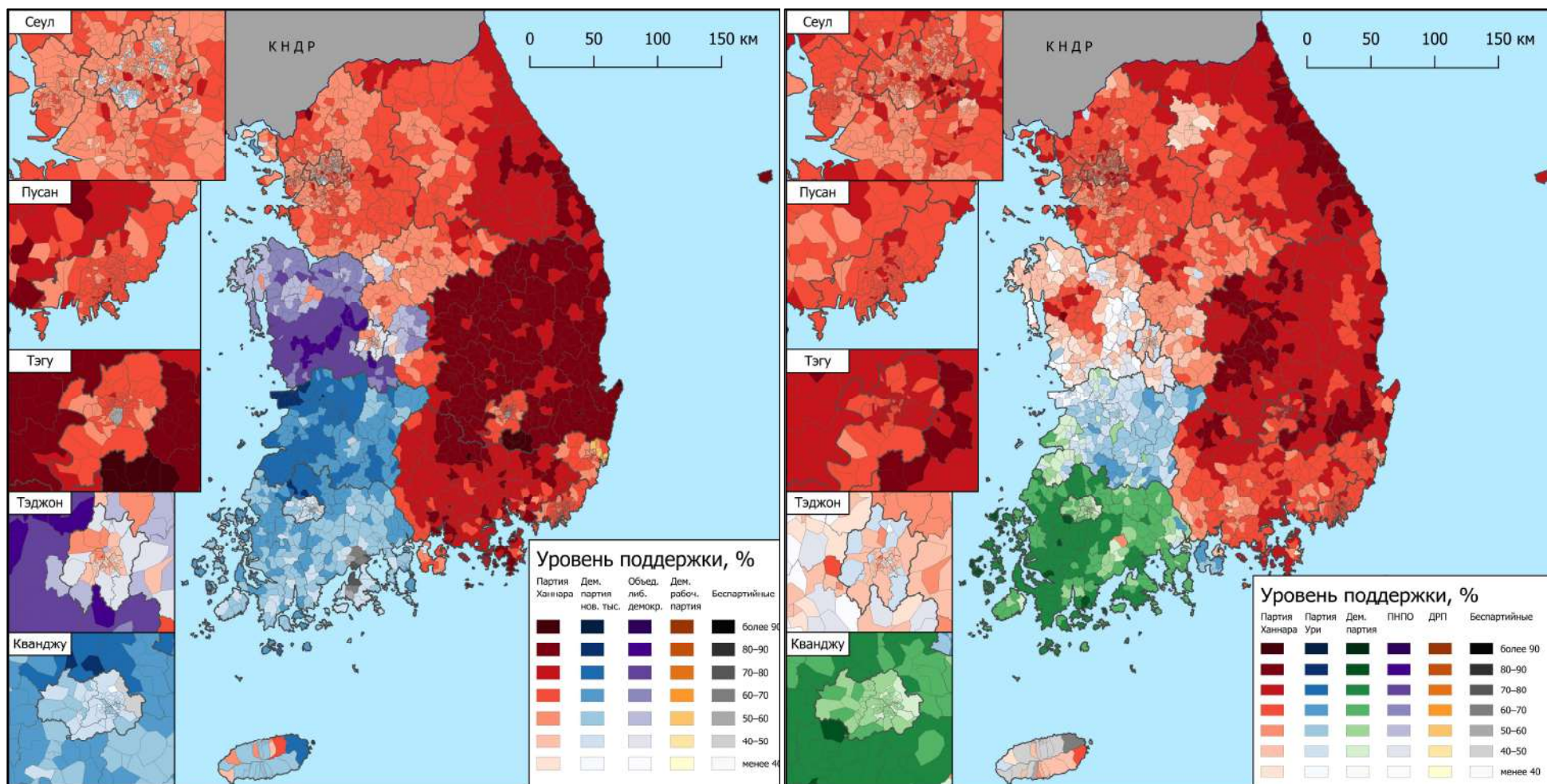

Рисунок К.28. — Результаты региональных (губернаторских) выборов 2002 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Рисунок К.29. — Результаты региональных (губернаторских) выборов 2006 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

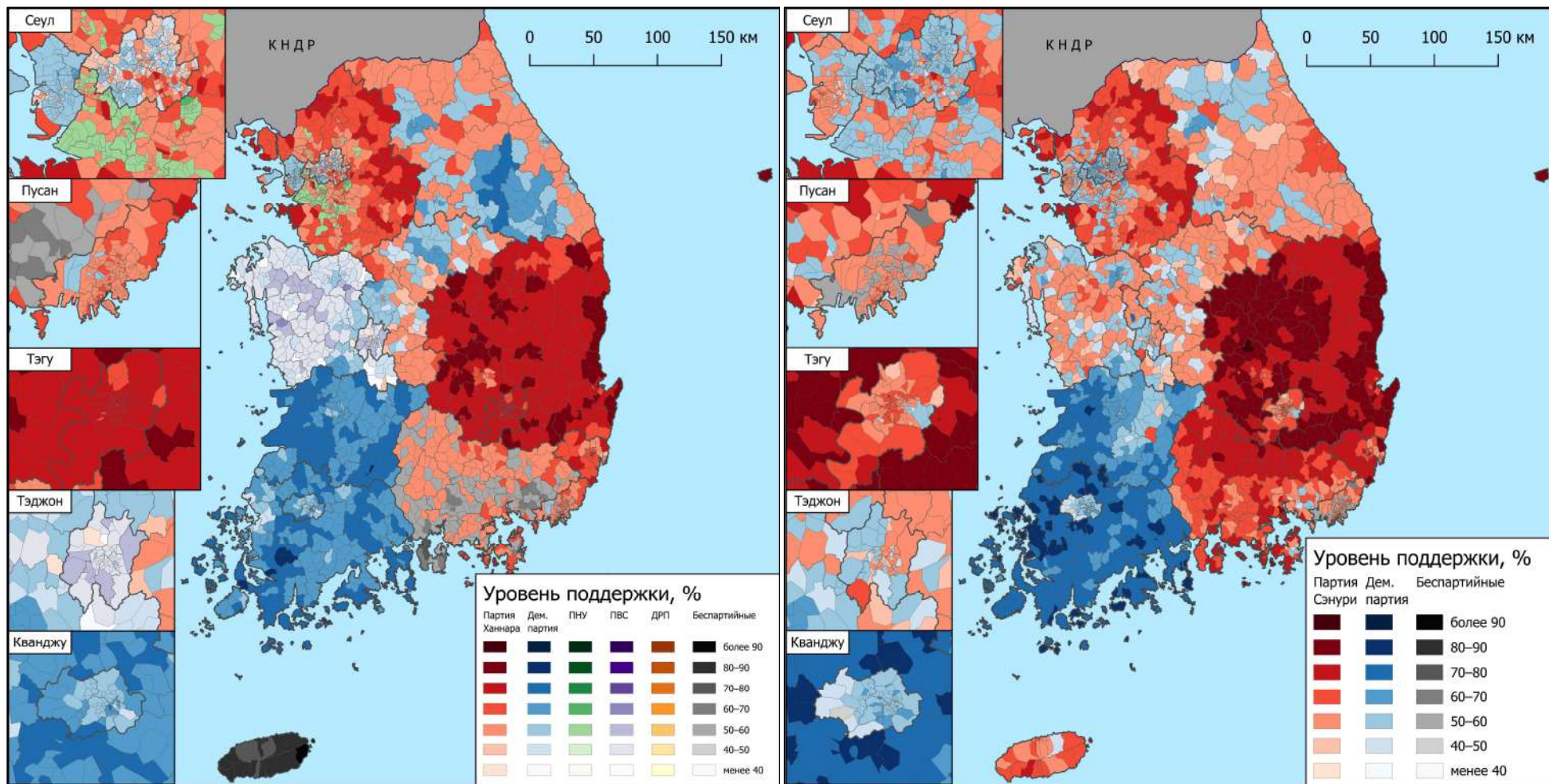

Рисунок К.30. — Результаты региональных (губернаторских) выборов 2010 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Рисунок К.31. — Результаты региональных (губернаторских) выборов 2014 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

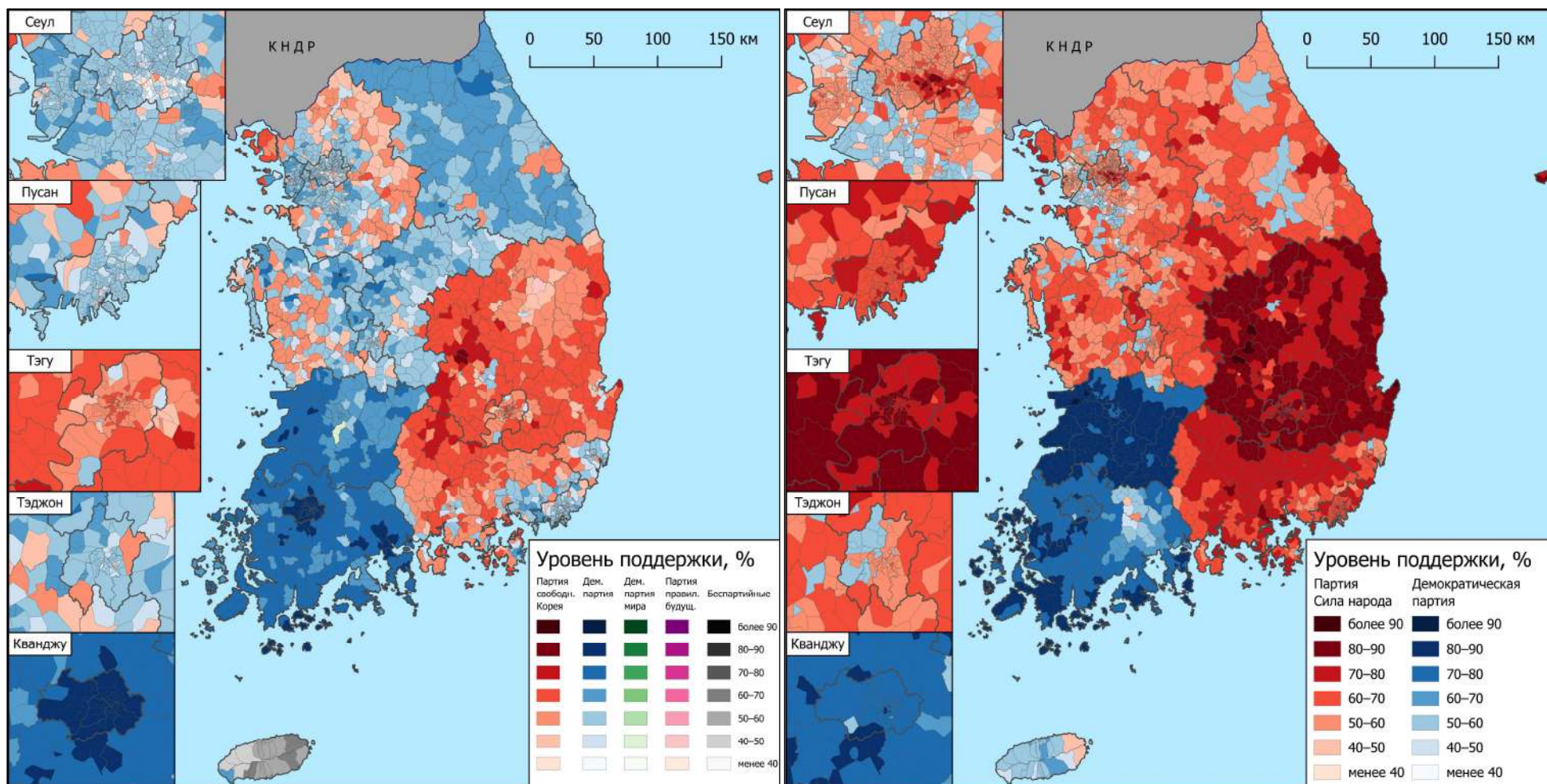

Рисунок К.32. — Результаты региональных (губернаторских) выборов 2018 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]

Рисунок К.33. — Результаты региональных (губернаторских) выборов 2022 г.

Источник: составлено автором по данным NEC [340]